

Ирина Разина

Тень
ЗА ТВОЕЙ
СПИНОЙ

Annotation

Она всегда рядом и всегда на шаг впереди. Ты думаешь, что всё решаешь сам, а на самом деле лишь послушная марионетка в её руках. Кто же она, эта мрачная тень за твоей спиной? Зачем превращает в руины всё вокруг? Оглянись назад — и ты найдёшь ответ на свой вопрос. Вот только ответ ли это...

Инна Разина

Тень за твоей спиной

Глава 1

- Алка, иди сюда! — громко крикнула я и поймала укоризненный взгляд мамы.
- Сколько раз просила, не называй так сестру, у неё есть нормальное имя.
- А мне оно не нравится! Вот почему вы меня не спросили, когда его придумывали?
- Тебе было всего два года, — со вздохом напомнила мама и поинтересовалась:
- А как бы ты её назвала?
- Я бы выбрала имя Алла. По-моему, оно самое красивое!

Залихватски прыгнув с самодельных качелей, привязанных к толстой ветке старой яблони, я быстро поправила задравшуюся юбку и подошла к маме. Она срезала отцветшие бутоны с любимой плетистой розы, увившей проржавевшую от времени металлическую арку. У её ног стояло ведро, до краёв наполненное алыми лепестками. Мама улыбнулась мне и поправила кепку, которую я нацепила на мальчишеский манер, козырьком назад.

- А твоё имя разве не самое красивое? Оно тебе нравится?
- Ну так... сойдёт. Дразниться очень легко. Маша — замараша!
- Ты же понимаешь, дразнилки можно придумать на любое имя. И я не слышала, чтобы тебя кто-нибудь здесь дразнил.

— Ещё бы! — я довольно ухмыльнулась, с гордостью вспомнив, что даже местные деревенские мальчишки стараются со мной не ссориться. Мама, к счастью, не догадывалась, что мне пришлось для этого предпринять. Ну а наша дачная компания из четырёх девчонок, включая мою сестру, и пятерых ребят давно признала во мне негласного лидера.

Чтобы скрыть усмешку я схватила ведро с увядшими розами и уткнулась в него носом, вдыхая сладкий запах, такой насыщенный, что начала кружиться голова. Алые лепестки расплылись перед глазами, превращаясь в кровавое пятно. Я упала на колени, больно ударившись ими об асфальт. Рвущийся из груди крик перешёл в отчаянный хрип:

— Нееееет!!!

Я с трудом разлепила веки и оказалась в серой мгле — хмурый февральский рассвет плохо справлялся с темнотой в комнате. Ну да, ничего нового — я сижу на кровати вся в поту и с мокрым от слёз лицом. Несколько минут, как обычно, понадобилось, чтобы унять дрожь. Потом я откинула с глаз спутавшиеся волосы и подняла голову. Мой взгляд сразу же упёрся в чудовище.

Сердце успокоилось, вернувшись к обычному ритму. Всё в порядке, всё идёт по плану, по моему плану. Просто я немного расслабилась, конечно, уже целых два месяца не видела этот сон. А ведь было время, когда я просыпалась с криками каждую ночь.

***

Я положила на место телефонную трубку и взглянула на часы. Глухое раздражение шевельнулось внутри — Ольга опять опаздывает, а мне снова приходится выполнять её работу. Совсем скоро приедет Артём Владимирович, и я не стану её выгораживать перед ним, придумывая оправдания, надоело! Совсем не для того я полгода назад тратила нервы и проходила жёсткий отбор, чтобы теперь брать на себя обязанности секретарши.

И пусть некоторые сотрудники сначала путали должность личного помощника директора с девочкой на побегушках, я постаралась сразу поставить себя так, чтобы те, кто на это рассчитывал, быстро осознали свою ошибку. Продемонстрировать отличные профессиональные навыки было несложно — всё же я окончила университет с красным дипломом. Гораздо труднее проявить характер, ведь, на самом деле, я никогда не отличалась бойцовскими качествами. Не зря родители, узнав, куда я устроилась, озабоченно переглянулись и осторожно уточнили:

— Сашенька, ты уверена, что справишься? Ты такая... спокойная, мягкая, а там, наверное, надо быть акулой. Ты же слышала, что говорят о твоём начальнике?

Конечно, я слышала. В нашем маленьком областном городке не так много поводов для сплетен. А единственное крупное предприятие — как раз типография, которую основал отец моего нового шефа. Пусть столица совсем рядом, всего в часе езды, но атмосфера у нас другая, размеренная, не суетная. Зато посудачить любят, а Артём Владимирович — одна из удобных мишеней.

Сначала о нём вспоминали только как о богатом наследнике, шалопае и бездельнике. А когда после неожиданной смерти отца в двадцать восемь лет он в одночасье забросил все свои предыдущие выкрутасы и возглавил семейный бизнес, люди сменили пластинку. Первое время всё прикидывали, как скоро налаженное и прибыльное дело развалится. Но шли месяцы, бизнес процветал, и тогда нашлись новые поводы для разговоров. У младшего Колесникова оказалась такая же деловая хватка, как у его отца, а с персоналом он был ещё более крут —

увольнял за малейшую провинность.

Соблазняясь отличными зарплатами, а скорее, слухами об этих зарплатах, и возможностью не тратить время на долгую и неудобную дорогу в столицу, почти вся местная молодежь в начале своей карьеры устраивалась в типографию. Но, как правило, задерживалась там ненадолго. За прошедшие два года в нашем городе накопилось немало недовольных стилем руководства Артёма Владимировича.

Поэтому мои родители и обеспокоились, вспомнив многочисленные страшилки, пересказанные знакомыми, обиженными за своих «незаслуженно» уволенных чад. Ещё маме с папой не очень нравилась должность, на которую я устроилась. Им казалось, что она не соответствует моим амбициям. Здесь-то я их успокоила, объяснив, какие перспективы мне откроются, если я хорошо себя проявлю. Типография занималась серьёзными заказами, а у моего шефа было большое количество связей в столице, куда в основном и отправлялась наша продукция.

Несмотря на зловещие слухи, работать с Артёмом Колесниковым мне понравилось. Конечно, первые пару месяцев было тяжело и физически, и морально. Новый шеф с первого же дня завалил меня заданиями, не оставляя времени на адаптацию. Что ж, я знала, куда иду, и пощадить не просила. Была аккуратна, ответственна и внимательна, ежедневно появлялась на работе до начальника и уходила позже него.

Мне доставляло удовольствие наблюдать слегка удивлённое лицо Артёма Владимировича, когда он утром входил в свой кабинет и неизменно заставлял меня за рабочим столом, установленным рядом с его. Если я правильно расшифровала этот взгляд, он, похоже, ждал, что я со дня на день сбегу, и удивлялся, почему до сих пор этого не произошло.

А когда месяцы обоюдной притирки прошли, я наконец немного расслабилась и поняла, как мне повезло. Нет, я не ошиблась в выборе, работа оказалась захватывающе интересной! Каждый день она ставила передо мной всё новые вызовы, заставляя расти и развиваться, открывать в себе доселе незнакомые стороны меня самой. И главная роль во всём этом отводилась Колесникову.

На мой взгляд, он был отличным начальником, пусть строгим, пусть иногда жёстким, но с ясной головой и прекрасными управленческими способностями. Словно орешки щёлкал постоянно возникающие задачи, находя неожиданные и практически всегда эффективные решения. Я старалась не отставать и показать всё, на что способна. Постепенно настороженное отношение ко мне со стороны Артёма Владимировича сменилось одобрением и чем-то похожим на уважение. Так мне, по крайней мере, казалось. Впрочем, я не исключала, что просто льщу себе.

В нашем молодом коллективе все обращались друг к другу по именам и на «ты», но шефа называли по имени-отчеству. Естественно, и я поступала также. Когда Колесников убедился, что я не собираюсь сбежать, то предложил мне звать его просто Артёмом. Немного подумав, я отказалась, объяснив, что это не очень удобно. На самом деле меня радовало, что удалось не нажить врагов среди сотрудников, несмотря на мои предыдущие попытки держать характер и особенно учитывая нынешнее явное благоволение ко мне шефа. Не стоило давать им поводы для сплетен.

Хотя я и не собиралась ни с кем сблизиться, считая, что это может повредить работе, с большинством коллег у меня установились приятные отношения. В основном, конечно, из-за моего неконфликтного характера. Даже Артём Владимирович довольно быстро это оценил и заметил, что с тех пор, как я появилась в коллективе, у них стало гораздо спокойней. Каким-то образом мне удавалось смягчать его резкость, становясь своеобразным буфером между ним и другими сотрудниками, и в результате значительно улучшить общую психологическую обстановку.

Оценил это не только шеф, но и все, кто работал в непосредственной близости от него. Хотя иногда случались сбои, как в данном случае с Ольгой — секретаршей Артёма Владимировича. Пару раз я прикрыла её, отведя грозу, а она, похоже, решила и дальше использовать меня для этой цели, пренебрегая своими обязанностями.

Что ж, придётся с ней поговорить. Пусть я не люблю подобных выяснений отношений, но когда надо, умею брать себя в руки и делать то, что должна. Хорошо, что такие ситуации случаются редко. Обычно у меня получается найти подход к человеку и решить любой вопрос к обоюдному удовольствию без давления и ультиматумов.

Сегодня Ольге повезло, она успела прибежать на работу буквально за считанные минуты до появления шефа. Я решила пока подождать с разговором, но заметку себе сделала. А дальше быстро переключилась на Артёма Владимировича, который сразу же прошёл в кабинет, едва кивнув нам. Я отправилась следом и устроилась за столом, готовясь к ежедневной утренней летучке. Однако шеф не спешил обращать на меня внимание, всё ещё пребывая в своих мыслях, и выглядел хмурым и озабоченным.

Меня разбирало любопытство. Возможно, всё дело во встрече, из-за которой он приехал на час позже обычного. Ещё накануне Колесников предупредил меня, что утром у него деловой завтрак. Поскольку в последнее время я сопровождала его на все переговоры, то сразу уточнила, куда и во сколько прибыть. Но оказалось, что на этот раз в моём присутствии не нуждались.

— Что-то случилось, Артём Владимирович? — я решила подтолкнуть шефа к разговору. Он взглянул на меня, поморщился и неожиданно спросил:

— Слышала что-нибудь о Михаиле Трунове? Я сегодня с ним встречался. По его просьбе.

— В нашем городке все обо всех слышали, вы же знаете. Это, вроде, бывший криминальный авторитет, а теперь честный бизнесмен, да? И что ему от вас понадобилось? Автобиографию захотел издать?

— Не угадала, не его размах. Дядя неожиданно понял, что для полного счастья ему не хватает собственной типографии. И предложил выкупить нашу.

— Ничего себе! А вы что ответили?

— Послал его вежливо, что ж ещё?

— А это не опасно? — почему-то у меня на мгновение сжалось сердце. Странно, с чего бы это? Но я не успела разобраться в ощущениях, Артём Владимирович покачал головой и придвинулся к столу.

— Не думаю, он же теперь законопослушный товарищ. Но на всякий случай поговорю кое с кем. Ладно, давай займёмся делом, — через секунду шеф уже диктовал список задач. Он умел моментально переключаться и отбрасывать всё, что мешало работе. Я быстро уткнулась в ноутбук, стараясь не отставать.

Устроиться в типографию оказалось совсем несложно. Текучка у них большая, и предприятие постоянно нуждается в новых сотрудниках. А мне это только на руку — никто особо не проверяет, откуда ты взялся. Главное — как справляешься со своими обязанностями. Ну я, конечно, не подкачала. С первых дней выкладывалась по полной, не боясь сверхурочных и дополнительных обязанностей, которыми здесь с удовольствием нагружают сотрудников.

Итак, первая часть моего плана выполнена. Бедный Колесников даже не подозревает, насколько я теперь близко! А новый коллектив — просто подарок для меня. Вокруг такие душевные люди, так любят поболтать, особенно, когда директор их не видит.

Впрочем, шутки в сторону, сегодня я узнала очень важную информацию: местный «мафиози» Трунов заинтересовался типографией. Кажется, это тот самый шанс, которого я ждала! Теперь можно приступать к делу, я уже достаточно подготовилась.

От радостного возбуждения у меня задрожали руки, я чуть не уронила на пол сковородку с собственным ужином. Пристроив её на столе, прислонилась к стене и вдохнула полной грудью. Наконец-то реальные действия, я выхожу на финишную прямую!

Сколько лет пришлось этого ждать, каждый вечер зачёркивая очередной день календаря, приближающий меня к развязке, а Колесникова к расплате. За долгие годы не один раз я впадала в отчаяние и теряла надежду — вдруг у меня ничего не получится!

Чтобы не сорваться, приходилось доставать из глубины души холодную, спрессованную от времени ярость. Ту самую, что осталась после перегоревшей, острой, словно кинжал, боли, прожигаящих глаза слёз и ставших привычными ночных кошмаров. Раздувая угли воспоминаний, я давала ей воспламениться, подпитать меня своим пламенем, а потом снова остужала и прятала туда, где её никто не увидит. Не увидит пока — до нужного часа!

***

В обеденный перерыв мы с Ольгой и её подругой Аллой из бухгалтерии забежали в кафе рядом с нашим офисом. Вообще-то в типографии была собственная столовая с очень приличной кухней. Обычно мне нравилось обедать там в одиночестве, занимая любимый столик у окна. Но иногда, чтобы поддержать приятельские отношения с сослуживцами, я принимала приглашения и присоединялась к разным группкам.

Мы быстро сделали заказ и откинулись на спинки уютных диванчиков, заполняя ожидание легкомысленной беседой. Правда, разговаривали в основном девчонки, а я отмалчивалась, с удивлением прислушиваясь к их насмешливым репликам. Подруги перемывали косточки всем подряд, высказывая глубокие познания в личной жизни работающих с нами сотрудников. Я недоумевала, откуда они черпают свои сведения? Ну ладно — Ольга, она работала в типографии несколько лет, но Алла-то присоединилась к нам совсем недавно, а в осведомлённости ничуть не уступала подруге.

Расслабившись в спокойной обстановке, я немного отвлеклась и улетела мыслями куда-то далеко. Лишь услышав имя своего начальника, встрепенулась и вернулась к действительности. И сразу напряглась: девчонки сидели молча, уставившись на меня заинтригованным взглядом.

Я недоумённо округлила глаза, и Ольга невинным тоном повторила вопрос:

— Саш, поделись, а: Артём Владимирович, правда, классный?

— Вы о чём? — нахмурилась я, не понимая, куда она клонит. Та быстро переглянулась с Аллой и удовлетворённо кивнула:

— Ну вот, что я тебе говорила!

— Да ладно, — недоверчиво отмахнулась Алла и взглянула на меня: — Саш, ты правда, что ли, ничего не замечаешь?

— Чего не замечаю? — ещё больше озадачилась я, с неудовольствием разглядывая их многозначительные ухмылки.

— Ну... про шефа нашего?

— А что с ним такое?

— С ним-то всё хорошо, — задумчиво протянула Алла и повернулась к подруге: — Чёрт, не могу поверить! Саша такая внимательная и дотошная, когда дело касается работы, а тут...

— А я очень даже верю, — горячо возразила Ольга, — не раз с таким сталкивалась.

— Да о чём вы? — разозлилась я. Подруги снова уставились на меня.

— Должен же кто-то открыть тебе глаза, — хмыкнув, начала Ольга. — В общем мы с Аллой уверены, что Артём Владимирович к тебе... ну... как это лучше сказать... не равнодушен, вот!

От удивления я чуть было не открыла рот, потом резко качнула головой:

— Вы что?! Не придумывайте! Это неправда!

— Хорошо, хорошо! Возможно, нам показалось, — сразу пошла та на попятный, пихнув локтем пытающуюся возразить подругу.

Девчонки быстро переключились на другую тему и оставили меня в покое. А я механически жевала, совсем не ощущая вкуса еды, и с трудом заставляла себя прислушиваться к их разговору, хотя больше всего хотела уединиться и обдумать всё, что услышала. Но побыть в одиночестве не удалось, сразу после обеда надо было идти к шефу. И впервые за всё время работы в типографии мне пришлось заставлять себя войти в его кабинет.

Я сидела за столом и ругала себя: «Чёрт, вот зачем только пошла на этот злосчастный обед? Поддержать приятельские отношения захотела! Ну и как, поддержала? Теперь не могу смотреть шефу в глаза».

— Саша, что-то случилось? — прервал мои раздумья спокойный, слегка озабоченный голос. Я вздрогнула и поняла, что последние несколько минут совершенно не слушала Артёма Владимировича. Такого со мной до сих пор не случалось.

— Нет-нет, всё в порядке, простите, пожалуйста. Я уже в рабочем состоянии, — я заставила себя поднять глаза на собеседника и всё-таки покраснела. А он с минуту рассматривал меня, слегка хмурясь, потом вздохнул и продолжил, великодушно повторив последние предложения.

Весь день мне пришлось прикладывать усилия, чтобы удержаться и не улететь в мысли во время напряжённого рабочего процесса. К вечеру я ощущала себя как выжатый лимон и с непривычным облегчением услышала слова: «На сегодня всё, по домам!» Нервно начала собираться, подхватила сумку, повернулась и встретила задумчивый взгляд Артёма Владимировича:

— Саш, тебя подвезти?

Целый рой мыслей снова атаковал мой бедный уставший мозг: «Зачем он это предложил? Неужели, девчонки правы?» По удивлённому взгляду шефа я догадалась, что этой своей нерешительностью вызвала у него ещё большее недоумение. Действительно, не первый раз он предлагал подбросить меня до дома, особенно когда мы заканчивали так поздно, как сегодня. Обычно я соглашалась, не видя в этом ничего предосудительного. Зато теперь мне всё казалось подозрительным.

— Может, всё-таки скажешь, в чём дело? — не выдержал Артём Владимирович. Странно: или я настолько не умею скрывать свои чувства, или это он так тонко улавливает моё настроение? И то и другое мне не нравилось. Стараясь спрятать смущение, я опустила глаза и покачала головой. Шеф вернулся от входной двери к столу, присел на край и тихо продолжил:

— Ты ничего о себе не рассказываешь. Я очень мало знаю о твоей жизни вне работы. Мне интересно, почему? Я не вызываю у тебя доверия?

Ну вот, и что ответить на такой вопрос? Я собралась с силами:

— Да нет, Артём Владимирович. Дело не в доверии. Я вообще не люблю говорить о себе. Не потому что скрываю, просто... что обсуждать-то? Всё как у всех, ничего необычного.

— Ну, не скажи, я хотел бы узнать о тебе побольше, — так же тихо добавил он. В изумлении я подняла голову и встретила с его взглядом. «Чёрт, девчонки правы, а я ненаблюдательная дура, которая не видит дальше своего носа!» — пронеслось у меня в голове. Ну или я совсем не разбираюсь во взглядах мужчин, что тоже вполне возможно, учитывая мой «богатый» опыт.

Я медленно брела домой, ёжась от прохладного весеннего воздуха и стараясь плотнее запахнуть пальто. Сумбурно отказавшись от предложения шефа, я быстро покинула офис и не стала ловить такси или дожидаться автобуса. Жила я всего минутах в двадцати неспешной прогулки от типографии, так что Артём Владимирович не слишком утруждался, изредка подбрасывая меня до дома.

Эту квартиру я сняла сразу после того, как закончился испытательный срок, и мне стали выплачивать полную зарплату. Тогда я тщательно взвесила свои финансовые возможности и решила начать самостоятельную жизнь, съехав от родителей. Месяц изучала объявления на сайтах недвижимости и выбрала себе новое жилище, в котором удачно сочетались несколько важных для меня характеристик: близость к работе, не очень современный, но вполне приличный ремонт и, конечно, доступная цена. И пусть после оплаты квартиры от моей зарплаты оставалось не так много, пока мне хватало.

Да и родители, уважая мои попытки самостоятельности, под благовидными предлогами то обеспечивали меня бытовой техникой, то загружали холодильник, то придумывали что-нибудь ещё. Так что жаловаться мне было не с чего. Да я и не жаловалась, до сегодняшнего дня будучи полностью довольной своим положением.

А что делать теперь? Если Ольге с Аллой всё же не привиделось, и Артём Владимирович... как там они выразились: ко мне не равнодушен? «Допустим, он не равнодушен, а я?» — неожиданно возник в голове вопрос. А что я? Ещё в самом начале, подавая документы в типографию, я пообещала себе не смешивать работу и личную жизнь.

Правда, слова «личная жизнь» применительно ко мне звучали слишком громко. Можно сказать, этой самой

личной жизни у меня просто не было. Так уж получилось после одной не очень красивой истории на старших курсах института, когда я напугала родителей своим непривычным поведением. Так может, стоит и дальше придерживаться данного себе обещания? Пока я добиралась до дома, моё решение только окрепло.

Эта дурица не захотела ехать в аэропорт, осталась с бабушкой на даче. Рано утром я попыталась растолкать сестру, но она отбрыкнулась от меня.

— Ну и ладно, соня! Зато я увижу папу на три часа раньше тебя!

Угроза сработала, Алка приподнялась на кровати, но тут же рухнула лицом в подушку. Мама снизу позвала меня, и я, махнув рукой, побежала к машине.

На обратной дороге папа сам сел за руль, мама устроилась рядом. А я забралась на заднее сиденье и развернула подарок, который папа вручил мне прямо в аэропорту. Разорвав шуришащую бумагу, взвизгнула от радости — моя давняя мечта — новенький фотоаппарат! Некоторое время я изучала подарок, вертя его в руках, потом подняла голову:

— Какой классный! Здорово, что ты не привёз мне очередную дурацкую куклу, как Алке, — я покосилась на лежащий на сиденье подарок сестры.

— Маша! Ну сколько можно?! — не выдержала мама.

— Да ладно! Забавное прозвище, тем более сестричка не возражает, — папа подмигнул мне в зеркале заднего вида.

— Конечно, куда ей с Машей справиться! Она вообще все свои восемь лет ей в рот смотрит. Такое ощущение, что у наших дочерей разница не в два года, а в десять.

Мы выбрались за кольцевую, и я задремала под размеренный разговор родителей, тихо обсуждающих между собой планы на предстоящую неделю. Отчаянный визг тормозов и крик мамы я восприняла всего лишь как продолжение сна. А разбудил меня чудовищный удар и страшный скрежет сминаемого металла. Ремень безопасности впился в грудь так, что от боли перехватило дыхание. Потом вдруг на секунду наступила полная тишина. А я, спросонья не до конца понимая, что произошло, неожиданно почувствовала: моя прежняя жизнь закончилась...

***

Утром я проснулась раньше будильника и долго лежала в кровати. Несмотря на принятое вчера решение, чувство неуверенности не прошло, и предстоящая встреча с шефом вызывала у меня беспокойство. Отогнав предательскую мысль напроситься на больничный, я встала и пошла собираться.

На улице меня ждал сюрприз. Не пройдя и нескольких шагов от подъезда, я услышала призывный сигнал, повернула голову и заметила припаркованный недалеко знакомый автомобиль. Обречённо вздохнув, подошла к нему и забралась внутрь.

Артём Владимирович сдержанно поздоровался и тронулся с места, никак не объясняя своё неожиданное появление. Как будто такие утренние встречи были для нас в порядке вещей. Я нервно перебирала в уме подходящие вопросы, но все они казались или излишне откровенными, или слишком глупыми. Рассчитать, когда я выхожу из дома, зная мой адрес и обычное время появления в офисе, вряд ли было для шефа непосильной задачей. А спрашивать, зачем он приехал, я не хотела. В результате, уже когда мы заехали на стоянку у типографии, решила и попросила:

— Артём Владимирович, пожалуйста, не надо больше за мной заезжать. Я вполне способна сама добраться до работы.

Шеф немного помолчал, хмуро глядя на меня, и ответил совсем не то, чего я ожидала:

— Вот что, забудь наконец про моё отчество. Называй просто Артёмом.

— И как вы себе это представляете? Все будут звать вас по отчеству, а я одна — по имени? С какой стати? — от неожиданности я была не очень вежлива.

— Хорошо, тогда так: на работе зови официально, а в другое время — по имени, — и, опережая мои возражения, добавил: — Всё, хватит спорить, считай это моей настоятельной просьбой. Пойдём, у нас полно дел.

Вылезая из машины и шагая за ним к офису, я думала, что его второе предложение, пожалуй, выглядит ещё более двусмысленным, чем первое.

Вечером я сидела на кухне перед остывшим ужином и мрачно вспоминала прошедший день. Как же легко оказалось выбить меня из привычной колеи! А ведь раньше я считала себя вполне уравновешенной и рассудительной. Но получается — достаточно невнятных намёков, и я уже не способна нормально выполнять профессиональные обязанности. Теперь постоянно приходится одёргивать себя, чтобы заниматься работой, а не анализом поведения шефа.

Впрочем, здесь-то хватило полдня внимательного наблюдения, чтобы сделать соответствующие выводы. Где только раньше были мои глаза? Как я могла не замечать этих быстрых, вроде бы брошенных вскользь, но таких выразительных взглядов? Якобы случайных, а на самом деле ничем не оправданных прикосновений то к моей руке,

то к плечу? Казавшихся раньше вполне резонными, а сейчас вызывающих сомнение поводов для моего постоянного присутствия рядом с ним?

Я вдруг поняла, что за последний месяц практически ни одного дня не обедала в одиночестве за своим любимым столом. Артём Владимирович или присоединялся ко мне под предлогом обсуждения текущих вопросов, или просто завозил в кафе, если мы проводили целый день в деловых разъездах.

Я попыталась вспомнить, когда всё это началось. Точную дату определить не смогла, но пришла к выводу, что подобная ситуация длится уже как минимум пару месяцев. Конечно, обладающая зорким взглядом женская половина нашего офиса не могла не обратить на это внимания. Остается всё тот же вопрос: что со всем этим делать? Раз я твёрдо уверена, что не хочу заводить на работе роман, тем более с начальником, прежде всего стоит аккуратно увеличить дистанцию между нами. И снова вопрос: как это сделать, учитывая, что я — его личный помощник?

Потратив некоторое время на размышления, я решила чётко отслеживать ситуацию и при малейшей возможности уходить в другое помещение. И зачем только я согласилась, чтобы моё рабочее место перенесли в кабинет Артёма Владимировича? С усмешкой вспомнила, что инициатором этого переезда тоже был мой начальник, объяснивший его рабочей необходимостью. И мне тогда ни на секунду не пришло в голову усомниться в его словах.

А что, если попросить вернуть мой стол обратно, в общий зал? Нет, пожалуй, это будет слишком демонстративно. Я надеялась решить возникшую проблему без прямых выяснений отношений. Мой шеф — человек умный и понять намёки вполне способен.

С грустью обведя взглядом комнату, я подумала: как жаль, что у меня совсем нет подруг. Так получилось, что все девчонки, с которыми я дружила в школе, поступили в столичные вузы, а я — в местный. Какое-то время мы, конечно, встречались, но постепенно наше общение сошло на нет. А новых друзей мне завести не удалось, может потому, что в институте я была слишком сосредоточена на учёбе. Ну за исключением небольшого периода, вызванного личными обстоятельствами. Наверное, теперь стоит восполнить пробел и сойтись поближе с кем-нибудь на работе. Это поможет мне под благовидным предлогом проводить больше времени вдали от Артёма Колесникова.

Я перебирала в уме девушек из нашего офиса, тех, что были примерно одного со мной возраста. Набралось несколько вполне приятных кандидатур. Да те же Ольга с Аллой — обе чуть старше меня, не замужем и не обременены семьёй. Причём, Алла нравилась мне больше, она казалась серьёзней и ответственной. И у меня пока не было никаких конфликтных ситуаций, связанных с ней. Может ли это стать поводом для дружбы? Не знаю, посмотрим.

На следующее утро ситуация повторилась. Артём Владимирович снова ждал меня в машине у подъезда. Да, кажется я его переоценила — мой шеф не понимает не только намёки, но и прямые просьбы. Впрочем, скорее, я недооценила его упрямство и умение добиваться поставленных целей. А зря, за время нашей работы не раз наблюдала эти качества в действии.

Ну что ж, упрямством я тоже не обделена. На этот раз я не стала подходить к машине, а спокойно прошла мимо, к остановке автобуса. Он очень удачно сразу подъехал, и я быстро заскочила внутрь. Стоя в толпе, вытянула голову и разглядела, как шеф вырулил из моего двора, лихо обогнал автобус и умчался вперёд.

Когда я зашла в кабинет, Артём Владимирович уже сидел за столом, уткнувшись в компьютер, и лишь сухо кивнул в ответ на моё приветствие, не поворачивая головы. Только я внутренне порадовалась, что никаких объяснений не будет, как вдруг шеф резко отодвинул монитор и уставился на меня тяжёлым взглядом.

— Ну, и к чему эта демонстрация независимости?

— Никаких демонстраций, — собравшись с духом, твёрдо ответила я. — Всё, что хотела, я вчера сказала.

— Не понимаю, в чём проблема? Мне не сложно по дороге захватить и тебя.

— Раньше вы так не делали.

— Ну и что? Раньше не делал, а сейчас буду. Что здесь такого?

— Ничего, кроме того, что вы забыли спросить моё мнение.

— И какое оно?

— Повторяю ещё раз: я сама способна добраться на работу.

— Я и не сомневаюсь, что способна. Вопрос: что тебе мешает доехать со мной?

— Разве я обязательно должна объяснять вам мотивы всех моих поступков? Особенно тех, что не касаются работы?

Колесников хмыкнул, помолчал немного, потирая подбородок. Потом откинулся на спинку стула и тихо сказал:

— Нет, не должна. Но если я попрошу, объяснишь?

Чёрт! Вот это запрещённый приём, тем более в сочетании с таким душевным тоном и проникновенным

взглядом! И почему мне так сложно ему отказать? Я сжала кулаки и пробормотала:

— Простите, но нет, — потом выразительно взглянула на часы и добавила: — Рабочий день давно начался, давайте и мы начнём.

Все детали того страшного дня врезались в мою память до мельчайших подробностей. До сих пор отлично помню, как во внезапно наступившей тишине, сдерживая от ужаса дыхание, я безуспешно пыталась расслышать лишь одно — хоть какой-нибудь звук с передних сидений. Только потом в мои уши ворвались громкие голоса, хлопающие двери оставающихся машин, стук чего-то тяжёлого по искорёженному металлу.

Когда удалось выломать дверь, меня осторожно вытащили из машины, отнесли к обочине и опустили на траву, подстелив снизу чью-то одежду. Я лежала, повернув голову в сторону, и мне было прекрасно видно место аварии.

Наша машина стояла поперёк разделительной полосы, и у неё вообще не было передней части. Всё, что должно быть у автомобиля спереди, сжавшись в гармошку, полностью вошло в кузов. Люди подходили и заглядывали в остатки лобового стекла, потом качали головой и отходили в сторону. Мне никто ничего не говорил, но я в этом и не нуждалась, я уже знала ответ.

И тогда я стала смотреть на ту, вторую машину. Она также стояла поперёк, но почему-то с нашей стороны дороги, и выглядела почти целой. Это был высокий, чёрный внедорожник, с наглухо тонированными стёклами, похожий на танк. А вплотную к нему, прикрывая переднюю водительскую дверь, его как будто отгораживал от всех большой джип. Рядом с ним возвышалось двое мрачных парней в напряжённых позах, пристально следящих за кружащими вокруг людьми. Я слышала возмущённые голоса:

— Пусть эта сволочь выйдет, чего прячется? Я видел, как он нёсся по разделительной и вильнул на встречу! Этот гад — убийца!

— Шас приедут менты, ребята, держим их, чтоб не удрали!

— Перегородите им сзади дорогу!

Но огромная машина не шевелилась и не пыталась уехать. Тогда водители немного успокоились и отошли в сторону, что-то активно обсуждая. Все ждали полицию, но сначала приехала не она, а ещё один джип, который остановился с другой стороны охраняемого автомобиля. Крепкие парни сразу подбежали к нему. С того места, где я лежала, не было видно, что там происходит. А через несколько минут почти одновременно прибыли скорая и полиция.

Врач наклонился ко мне и что-то спросил. Я не ответила, в этот момент меня интересовало совсем другое: недалеко от нас к полицейским подошли двое мужчин. Один — высокий, солидный, в красивом длинном плаще. Его жёсткое, словно каменное лицо не выражало никаких эмоций, он первым заговорил со стражами порядка. Я не разбирала слов, только слышала ровный, спокойный голос. А рядом, глядя в землю, стоял невысокий пожилой мужчина в кепке и джинсовой куртке. Он молчал и лишь изредка кивал в такт словам своего спутника.

В это время принесли носилки. Меня переложили на них, а мужчина в кепке вдруг повернул голову и встретился со мной взглядом. В ту же секунду он весь как будто съёжился и быстро отвёл глаза.

***

Придерживаться придуманного плана оказалось довольно сложно. И Колесников, да и я сама давно привыкли, что в течение дня мы постоянно находимся рядом. Для работы это было действительно очень удобно. Я честно попробовала, получив очередное задание, уходить в другой кабинет. Но каждый раз через несколько минут звонил шеф с дополнениями и уточнениями, снова подзывая меня к себе.

В результате суеты и бестолковой беготни и я сама уставала, и дело страдало. Артём Владимирович всё чаще хмурился и раздражался, не понимая, куда и зачем я постоянно исчезаю. В конце концов пришлось признать бесперспективность моей задумки и со вздохом от неё отказаться. Но зато в остальном всё сложилось так, как я хотела. На работу и обратно я добиралась сама, Колесников больше не караулил меня у дома. А обедать ходила подальше от офиса и всегда с кем-нибудь из сотрудников.

Мне действительно удалось поближе подружиться с Аллой. Радовало, что наше общение получалось лёгким и непринуждённым. А кроме всего прочего обнаружилось, что мы обе окончили наш местный институт, правда, с разницей в два года и разные факультеты. Впрочем, это как раз не такое уж большое совпадение. В нашем городке всего одно высшее учебное заведение, да и то — филиал столичного университета.

В пятницу я сидела за столом и проверяла отчёты, готовя для шефа аналитическую записку. Сам он трудился рядом, молниеносно стуча по клавишам клавиатуры. Наконец барабанная дробь прекратилась, шеф выключил компьютер, потянулся и встал.

— Ладно, на сегодня хватит. Я домой, — прогулялся по кабинету, заглянул в окно и предложил: — На улице дождь. Может, подбросить тебя?

— Спасибо, не надо, — покачала я головой, не отрываясь от экрана монитора. — Я ещё немного поработаю, а потом мы с Аллой в кино пойдём.

— Так поздно?

Уловив в его тоне сомнение, я повернулась к окну. Артём Владимирович изучающе смотрел на меня и хмурил брови.

— А что такого? Завтра выходной, могу поспать подольше.

Вместо ответа шеф подошёл ближе, опустился на стул и уточнил:

— Алла — это из бухгалтерии?

— Ну да, и что? — меня уже стали раздражать его расспросы.

— Да нет, ничего. На самом деле я рад, что у тебя появились друзья. Может я не прав, но раньше мне казалось, что ты с трудом сходишься с людьми. Ты ведь всегда держалась особняком.

Ничего себе! Я даже не подозревала, что Колесников такой наблюдательный.

— Я ошибся? — мягко спросил он, продолжая внимательно изучать моё лицо. А я почувствовала себя неуютно, почему-то очень захотелось ответить резкостью. Едва сдержавшись, пожала плечами:

— Нет, пожалуй так и было. Но теперь я решила восполнить этот пробел и обзавестись друзьями.

— Здорово! А что скажешь насчёт моей кандидатуры?

Я чуть не поперхнулась и почувствовала, как щёки заливают румянец. Разозлилась на себя и выдавила:

— Не думаю, что это хорошая идея...

— Почему? А по-моему — отличная! Давай попробуем?

Я лихорадочно прикидывала, какую правдоподобную причину для отказа озвучить.

— Мне кажется, это будет мешать работе. Давайте лучше оставим всё, как есть.

— Саша, ты что, меня боишься?

— Вот ещё! — от возмущения я вскочила и гневно уставилась на шефа. А он вдруг тихо рассмеялся.

— Ты такая забавная, похожа на милого рассерженного воробья!

Это что, комплимент? Да Колесников просто надо мной издевается! Сжав зубы и кипя, словно чайник, я быстро побросала вещи в сумку, схватила пальто и выскочила из кабинета.

Из-за этого происшествия вечер прошёл не так приятно, как я ожидала. В кино мы с Аллой всё же попали, но весь сеанс вместо того, чтобы следить за захватывающим сюжетом, я вспоминала смех Артёма Владимировича и скрежетала зубами от злости. После фильма в наших планах было ещё кафе. Но в нём мы пробыли недолго, так как моя спутница тоже выглядела уставшей, и наш разговор не клеился. В результате домой я попала за полночь и с головной болью.

Ложась в кровать, очень надеялась, что завтра удастся выспаться. Но не тут-то было — первый звонок в дверь раздался уже в восемь утра. Недоумевая, кто домогается меня в такую рань, я набросила сверху сорочки тонкий халат и прошлёпала в прихожую. Заглянула в глазок и мысленно застонала. С той стороны двери мило улыбалась свежая и бодрая соседка Ленка.

Вообще со своими соседями я познакомилась достаточно быстро. Не прошло и дня после моего переезда сюда, как Ленка заглянула ко мне «за солью». На самом деле я сразу поняла, что привело её банальное, но очень сильное любопытство. Это качество было у неё настолько развито, что она даже не пыталась его скрывать.

Просидев с женщиной минут десять, я с ужасом осознала, что любопытство в сочетании с болтливостью составляют просто гремучую смесь. А поскольку я была почти полностью лишена этих замечательных качеств, через полчаса нашего общения внутренне взвывла и даже начала вспоминать, за сколько месяцев уже внесла предоплату за квартиру.

Впрочем, отказываться из-за соседей от удачного жилья я всё же не стала. А Ленка быстро догадалась, что подходящего собеседника из меня не получится, и отстала. Тем более, в нашем доме у неё было полно знакомых, значительно охотнее, чем я, выслушивающих захватывающие перипетии её семейной жизни.

Так что большую часть времени мы жили вполне мирно. Но примерно раз в месяц, поссорившись из-за вспыльчивого характера с подругами, Ленка звонила в мою дверь. Это были не самые лучшие минуты моей жизни. Иногда, в порыве малодушия, я даже делала вид, что меня нет дома. Может, и сейчас не открывать?

— Сашка, открой! Вопрос жизни и смерти! Я знаю, что ты дома.

Тяжело вздохнув, я повернула замок. Ленка легко отодвинула меня плечом и быстро прошла на кухню. Довольная улыбка на её лице никак не вязалась с вопросом жизни и смерти. Впрочем, я и так догадывалась, что ничем подобным тут не пахнет. Так и оказалось. Ей всего лишь понадобился мой совет, как лучше разделить имущество при разводе. Насколько я помнила, за последние пару месяцев это была у неё уже пятая попытка развода.

Поскольку на самом деле никакого совета от меня не требовалось, сидя напротив соседки и слушая эмоциональную речь, я тихонько прислонилась к стене и попыталась дремать с открытыми глазами. Такая бесчувственность в слушателе Ленке не понравилась, и она быстро меня покинула.

Я снова забралась в кровать и провалилась в сон. Второй раз меня разбудили крики за стеной. И пока я

спросонья соображала, что происходит, в дверь снова позвонили. Теперь Ленка уже не выглядела довольной — лицо красное, волосы растрёпанны. А от меня ей нужен был адрес адвоката по бракоразводным делам. Вручив соседке телефонный справочник, я со злостью захлопнула дверь и снова отправилась в кровать. Посмотрела на часы — уже половина десятого, я раздумывала, стоит ли попробовать заснуть?

В результате проворочавшись в кровати ещё полчаса, поняла, что придётся вставать. И тут раздался очередной звонок. Я вскочила, трясущимися от ярости руками набросила халат и двинулась в коридор, по дороге вспоминая все известные мне ругательства. Набрав в грудь воздуха, широко распахнула дверь и замерла. На пороге стоял Колесников с картонной коробкой в руках.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. И только когда его удивленный взгляд вдруг стал меняться, до меня наконец дошло, что он видит перед собой. Я быстро запахнула халат, стянув его рукой у самого горла и хрипло пробормотала:

— Что вам нужно?

— Я... надеялся, ты уже встала. Решил показать, каким другом могу быть. Вот, принёс тебе кое-что, можно войти?

Я уже собиралась сообщить всё, что об этом думаю, но неожиданно заметила, как соседская дверь слегка приоткрылась. Пришлось посторониться, чтобы пропустить шефа внутрь.

— Проходите на кухню, я пока переоденусь.

Показав Колесникову направление, я захватила вещи и закрылась в ванной. Быстро привела себя в порядок и присоединилась к незваному гостю.

Артём Владимирович сидел на маленьком диванчике у стены и встретил меня широкой улыбкой.

— Я здесь немного осмотрелся, не возражаешь? Очень любопытно, как живут мои сотрудники.

Глядя на его довольное лицо, я лихорадочно соображала, не валяются ли где-нибудь в доме предметы, не предназначенные для его глаз. Ничего такого не вспомнила и немного успокоилась. А шеф кивнул в сторону коридора и выдал:

— Не знал, что тебе нравится Шварценеггер.

Пару секунд я решала, может соврать, что этот несчастный плакат остался от предыдущих жильцов? А потом устало покачала головой и опустилась на стул. Ладно, дружба, так дружба. А друзей принимают такими, какие есть, к чему стараться приукрашивать себя?

Колесников убрал с лица улыбку и потянулся к коробке, которую водрузил на стол. В ней оказалась дюжина пирожных.

— Кажется, это твои любимые.

Рассмотрев подарок, я с удивлением обнаружила, что он не ошибся. Похоже, Артём Владимирович действительно очень наблюдательный, раз от него не ускользнули такие мелочи. Интересно, что ещё он успел вот так между делом обо мне выяснить?

— Вообще-то я не завтракаю пирожными.

— А что ты любишь на завтрак?

Я усмехнулась — прекрасный вопрос для друга!

— Артём Владимирович, может прекратим эту комедию? Вы не заигрались?

Он выставил ладонь вперёд и покачал головой:

— Сегодня выходной, забыла? Никаких отчеств!

— Не помню, чтобы я согласилась на вашу просьбу.

— Довольно странно друзьям называть друг друга так официально.

— Хватит! — я встала. — Не собираюсь я с вами дружить, ну что за глупости!

Колесников тоже поднялся, шагнул ко мне и осторожно взял за плечи. А потом вдруг притянул к себе, наклонился и прикоснулся губами к моим губам. Я была так ошеломлена, что даже не сопротивлялась. Он сам меня отпустил.

— Ты права, дружба меня вряд ли устроит, — развернулся и ушёл. Я стояла и молча смотрела ему вслед. Это утро вымотало меня так, что не осталось сил пойти и закрыть за ним дверь.

Из больницы меня отпустили в тот же день. По странной прихоти судьбы родители погибли мгновенно, а на мне не было даже ушибов — только пара мелких царапин. Я вернулась домой, к бабушке и Алке. Теперь нас осталось трое, и я почему-то ощущала себя самой старшей.

Бабушка целыми днями сидела в кресле, сгорбившись и беспомощно повторяя:

— Деточки мои, как же так?

Когда я останавливалась рядом, она поднимала голову и снова спрашивала:

— Машенька, как же это? За что?

В квартире постоянно толклись соседки, кто-то из них приносил еду, мыл посуду и беседовал с органами опеки. Слоняясь из комнаты в комнату, я слышала, как женщины тихо обсуждают между собой новости:

— Конечно, этот Колесников сам был за рулём! А шофёр просто взял вину на себя. Небось заплатили огромные деньги, вот и согласился.

— Совсем совести нет у людей: объявили погибших виноватыми! И никто разбираться не станет. Где Колесников, а где мы — обычные люди!

— Да кто он такой-то? Вроде не депутат, а бизнесмен. А в телевизоре часто мелькает вместе с разными ишишками!

— Да кто ж его знает? Одно понятно — денег куры не клюют, и с властью дружит. Его, поди, и допрашивать не будут.

— А я в газете читала, что Колесникова в той машине не было. Вроде, его в это время в другом месте видели.

— Вот сволочь! Алиби себе уже состряпал.

— И ведь ни копейки помощи не предложил! Господи, как они теперь жить-то будут: стар да млад? На что?

Пока соседки судачили, а бабушка плакала, мы с сестрой были предоставлены сами себе. Алка умудрилась простудиться и сильно кашляла. Когда представители органов опеки в очередной раз заглянули к нам домой, у сестры уже была высокая температура. Вызванная немедленно скорая забрала её в больницу с подозрением на воспаление лёгких.

Следующим утром я присела рядом с бабушкой и взяла её за руку.

— Бабулечка, давай съездим к Алке в больницу, отвезём передачу? Я сейчас схожу в магазин, куплю что-нибудь, а ты собирайся, ладно?

Бабушка вытерла мокрые глаза, ласково погладила меня по голове и кивнула. Когда я уже уходила, к нам опять заглянула соседка с тарелкой пирожков.

Я долго бродила по торговому залу, пытаясь понять, что может пригодиться сестре. Взяла её любимые конфеты, бутылку воды, сок и печенье. Когда вышла из лифта, увидела, что на площадке толпится много людей, а дверь нашей квартиры открыта нараспашку. Одна из соседок быстро подскочила ко мне, обхватила за плечи и отвела к себе. Усадила на диван и, пряча глаза, пробормотала:

— Не надо тебе домой, деточка. Побудь пока у меня.

Не задавая вопросов, я кивнула, легла и отвернулась лицом к стене.

У добродушной соседки я прожила неделю. Она же взяла меня с собой на кладбище — всю мою семью хоронили в один день. А на следующее утро приехали органы опеки и забрали меня в детский дом. Сестру я больше никогда не видела.

***

В понедельник утром я собиралась на работу, стараясь не думать, как буду смотреть шефу в глаза. Внезапно зазвонил мобильный, и на экране отразился номер Колесникова. С трудом поборов желание отключить телефон, я нажала кнопку.

— Привет! Жди меня через полчаса у подъезда.

— Артём Владимирович... — с возмущением начала я, но он меня перебил:

— Успокойся, я не на свидание тебя зову... пока, а работать. «Этно» объявилось, приглашают нас к себе обсудить детали.

— Неужели вы их дожали?

— Вот сегодня и увидим. Давай, не задерживайся.

Я быстро покончила с завтраком и стала одеваться, размышляя над услышанным. «Этно» — крупное и успешное издательство, заключить контракт с ним — для нас большая удача. Колесников трудился над этой задачей почти год, и вот, кажется, у него получилось. Я взглянула на часы — оставалось ещё десять минут. Открыла ноутбук и загрузила нужную информацию, чтобы освежить в памяти то, что может пригодиться в

сегодняшних переговорах.

Долгая поездка с шефом в одной машине не доставила мне удовольствия. Я уже не чувствовала себя свободно, как раньше. Сидела в напряжённой позе, отодвинувшись ближе к двери, и старательно разглядывала пейзаж за окном. Колесников тоже молчал, то ли готовился к предстоящему разговору, то ли просто был не в настроении общаться. Но когда мы приехали на место, нам обоим удалось быстро переключиться в рабочий режим и следующие два часа ощущать себя слаженной командой.

Сидя рядом с шефом за большим круглым столом и слушая его речь, я испытывала гордость, что работаю вместе с таким человеком. Как ловко он обходил острые вопросы, с которыми могли возникнуть трудности, и как убедительно описывал преимущества сотрудничества с нами. Мгновенно решал в уме сложные задачи и предлагал очень привлекательные для заказчика решения. Иногда я настолько заслушивалась его словами, что приходилось одёргивать себя, чтобы следить за ходом обсуждения.

Уже оказавшись в машине и всё ещё находясь под впечатлением удачных переговоров, я с воодушевлением повернулась к Колесникову и дотронулась до его локтя:

— Вы это сделали! Контракт у нас в кармане.

Действительно, в моей сумке лежал подписанный двумя сторонами предварительный договор.

— Мы сделали, — поправил меня Артём Владимирович. — Все твои замечания и уточнения были по делу. Отличная работа, спасибо! Приедем в типографию, отнесёшь копии в бухгалтерию и юридический отдел, пусть всё проверят.

Я продолжала смотреть на шефа, довольно улыбаясь, а его взгляд вдруг изменился, улыбка погасла. Он протянул руку и коснулся пальцами моей щеки, нежно провёл по ней, спустился к шее. Я сразу напряглась и отвела голову.

— Не надо, пожалуйста...

— Почему? — тихо спросил он. — Тебе не нравится?

Я не стала отвечать, Колесников отвернулся и завёл мотор. Не глядя на меня, упрямо произнёс:

— Хорошо, я подожду.

— Чего? — не удержалась я и задала дурацкий вопрос.

— Там посмотрим. Мне кажется, у меня всё-таки есть шанс.

По дороге на работу мы остановились пообедать. На этот раз шеф выбрал не кафе, а пусть и демократичный, но всё же ресторан. Я не стала спорить, быстро сделала заказ и в его ожидании уткнулась в ноутбук.

— Чёрт, — тихий, но достаточно эмоциональный возглас шефа отвлек меня от работы. Я с удивлением подняла голову — он хмуро смотрел за мою спину. Только я собиралась повернуться, чтобы разглядеть предмет его досады, как рядом с нашим столиком остановился мужчина.

— Здорово! Какая встреча. Можно присесть?

Колесников не ответил на приветствие, только молча кивнул на свободный стул. Мужчина уселся и, широко улыбаясь, уставился на Артёма Владимировича. Я озадаченно рассматривала его: крепкий брюнет, за тридцать, вполне симпатичное лицо. Тот в свою очередь перевёл взгляд на меня, улыбнулся ещё шире, хотя мне казалось, что дальше уже некуда, и обратился к шефу:

— Девушке меня представишь?

Колесников поморщился, но выполнил просьбу:

— Александра, мой помощник. А это Трунов, Михаил Иванович.

— Ну, не так официально. Просто Михаил, — поправил наш гость, глядя на меня так, будто делал большой подарок. И добавил, снова повернувшись к моему спутнику: — Повезло тебе!

— Я тоже так думаю, — сухо ответил шеф, всем своим видом демонстрируя неудовольствие. — Ты что-то хотел?

— Хотел, — Трунов убрал акулью улыбку и прищурился. — Хотел узнать, ты не передумал насчёт типографии?

— Нет!

— Ну смотри, моё щедрое предложение действительно ещё месяц.

Колесников не стал уточнять, что будет потом, и мужчины какое-то время просто молча сверлили друг друга глазами. Пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания, я всюю разглядывала хорошо известного в нашем городке бизнесмена. И то, что видела, мне совсем не нравилось. Перед нами сидел хищник, не очень убедительно притворяющийся травоядным. Я с тревогой взглянула на шефа. Разве он не понимает, как опасен этот человек?

Если Колесников и понимал, что угроза вполне серьёзна, то никак этого не показывал. Трунову наконец надоело играть в гляделки, он поднялся, небрежно бросил: «Ладно, пока!» — и удалился. Мой спутник не прореагировал на его уход, сидел и не двигался, уставившись на сжатые кулаки. Я немного подождала, не

выдержала и дотронулась до его ладони.

— Артём Владимирович! По-моему, это очень серьёзно. Мне кажется, он не успокоится.

Шеф наконец отмер, поднял голову, внимательно посмотрел мне в глаза и неожиданно улыбнулся. Взял мою руку и легко её сжал.

— Испугалась? Не переживай, я решу эту проблему.

Мы сидели, глядя друг на друга и держась за руки. А я вдруг поняла: мне совсем не хочется, чтобы эта минута заканчивалась!

Вспоминать детский дом я не могу до сих пор. Для меня, любимой и избалованной папиной и маминой дочки, он показался адом на земле. Я прожила в нём зиму, если этот ужас можно было назвать жизнью, и ранней весной сбежала.

Поскольку я тщательно готовилась, внимательно слушая и старательно запоминая любые подробности из рассказов «бывалых» ребят, переживших не один побег, на свободе мне удалось продержаться чуть больше полугодя.

Видимо, судьба сжалилась надо мной — я не умерла с голоду, не погибла, не подверглась насилию и не попала в рабство. И даже смогла добраться до родного города и прожить там на вокзалах какое-то время. Но закончилось всё предсказуемо — меня вместе с несколькими такими же беспризорными мальчишками поймали и доставили в спецприёмник. Я назвала вымышленное имя и попала в другой детский дом, особо ничем не отличавшийся от первого.

Сначала я опять мечтала о побеге, но потом поняла — это не выход. Какое будущее ждёт меня? За время своих скитаний я вдоволь насмотрелась на потерявших человеческий облик и остатки здоровья бомжей. Нет, умереть на свалке я не хотела, но и оставаться в детском доме тоже. Единственным приемлемым выходом было — попасть в приёмную семью.

Приняв такое решение, я стала обдумывать, как его осуществить. Что я сама могла для этого сделать? И догадалась: прежде всего нужно стать ребёнком, которого захотели бы усыновить. Внимательно изучив себя в зеркале и потратив немало времени на попытки поставить себя на место тех, кто хочет взять ребёнка, я определила три главных цели: внешний вид, образование и поведение.

Я начала тщательно следить за собой, настолько, насколько позволяли обстоятельства. Хотя бы ходить с чистыми волосами и в опрятной одежде. А дальше переключилась на учёбу — я очень сильно отстала и практически заново должна была проходить программу нескольких классов. Пришлось пропадать в библиотеке, навёрстывая упущенное. Попутно я читала много книг, одновременно заполняя время и пытаюсь хоть немного отвлечься от окружающей действительности.

Моим любимым романом был «Граф Монте-Кристо». Я тоже представляла себя узницей замка и мечтала вырваться на свободу. Однажды, забравшись с книгой в самое тихое место, я в очередной раз перевернула последнюю страницу и уставилась в пространство.

Я страшно завидовала главному герою — он сумел не только вернуться, но и отомстить. И вдруг меня пронзила мысль: «Он сумел, а я? Смогу ли я сделать что-то похожее? Ведь за гибель моей семьи так никто и не ответил!» Эта мысль отозвалась дрожью в моём теле. Я внезапно поняла, что в это мгновение обрела смысл своей дальнейшей жизни!

И сразу всё изменилось. Поскольку теперь я отлично училась, хорошо себя вела и выглядела приятно, меня часто приглашали пообщаться с кандидатами на усыновление. Раньше я смотрела на этих людей и никак не могла представить, что они станут моими родителями. Теперь же изучала всех с точки зрения моей главной цели.

Я сама выбрала себе приёмную семью. Мне не составило труда догадаться, чего именно эта пара ждёт от будущего ребёнка, и вести себя соответственно. В результате мы очень быстро нашли общий язык и привязались друг к другу. Когда будущие родители предложили мне переехать к ним, я с благодарностью согласилась, но попросила выполнить одно условие. Приёмные родители приняли его, уладили необходимые формальности и через несколько месяцев забрали меня домой.

***

На неделе я ударно потрудились и к выходным мечтала выспаться и отдохнуть. Но оказалось, что у шефа есть свои планы. Ещё в четверг, ближе к концу рабочего дня, он взглянул на меня с сомнением и предложил:

— Саш, как насчёт сверхурочных в эту субботу? Или ты занята?

— Да нет, ничего особенного, только выспаться собиралась, — не стала я лукавить.

— Ну это я тебе обещаю. Переговоры, скорее всего, вечером будут.

— Тогда согласна.

— Вот и отлично, завтра я всё объясню.

Следующий день был таким же напряжённым, как и предыдущие. Мы с Колесниковым почти не выходили из кабинета, занимаясь неотложными делами, и даже обедать не пошли. Ольга несколько раз таскала нам кофе и бутерброды из столовой, чтобы мы могли не отвлекаться.

На этот раз я не стала отказываться от предложения Артёма Владимировича подвезти меня до дома, сил на автобус уже не осталось. По дороге я дремала и только у подъезда спохватилась:

— Да, чуть не забыла! Так во сколько мне завтра подъезжать?

— Я заберу тебя отсюда часа в четыре, — шеф немного помедлил и добавил: — Возьми, пожалуйста, всё, что тебе нужно на пару дней.

— Зачем?

— Мы поедем за город, вечером проведём переговоры. Если они закончатся поздно, там же и переночуем. А утром, как проснёшься, я отвезу тебя домой. Ничего? Воскресенье у тебя будет свободным.

— Ну... ладно, — я не смогла придумать возражений, хотя идея не показалась мне привлекательной. — А что за место?

— Завтра увидишь. Пока! — поторопил меня Колесников. Я выбралась из машины и пошла к подъезду, испытывая смутное беспокойство. Что-то здесь было не так, но что?

На следующий день я собралась заранее. Чтобы скоротать время до отъезда, открыла ноутбук и занялась работой с документами. А всё потому, что как только давала отдых голове и расслаблялась, сразу вспоминала внимательный взгляд Артёма Владимировича, его чуть ироничную улыбку и такое приятное тепло рук. И даже если переключалась на домашние дела, то через несколько минут ловила себя на том, что просто стою посреди комнаты с дурацкой улыбкой на губах и предаюсь мечтам.

В четыре часа я накинула куртку, подхватила небольшую сумку и спустилась вниз. Колесников был точен, загрузил вещи в багажник и галантно распахнул передо мной переднюю дверь. По дороге болтал о разных пустяках и ни слова не произнёс о том, куда мы едем. Заглушая растущее внутри раздражение, я решила не задавать вопросов, а немного подождать и увидеть всё своими глазами.

Однако, место, в которое мы свернули примерно через час, было мне незнакомо. По дорожным указателям я лишь смогла определить, что это довольно известный район с элитными коттеджами, принадлежащими как нашим местным, так и столичным «новым русским». Я здесь ещё ни разу не была.

Пока наша машина медленно продвигалась по узким улочкам, я с любопытством оглядывалась по сторонам. Впрочем, разглядеть можно было лишь высоченные заборы и изредка мелькающие в зарослях огромных хвойных деревьев крыши многоэтажных строений. А после того, как на некоторых заборах я заметила что-то, отдалённо напоминающее колючую проволоку, любопытства у меня поубавилось, а вот неприятный холодок в груди появился.

Но мои опасения не подтвердились, мы остановились у вполне обычного, пусть и высокого забора без всяких мрачных дополнений. Железные ворота сразу же отъехали в сторону, словно нас тут ждали, не отходя от окна или, скорее, от экрана монитора. Шеф проехал чуть дальше по гравийной дорожке и припарковался на просторной стоянке.

Я выбралась из машины, и пока Артём Владимирович доставал вещи, с интересом осмотрелась. Немного впереди, сквозь небольшой парк, виднелся трёхэтажный коттедж. Его простая и невычурная архитектура не резала глаз. А окружающий ландшафт явно был заточен под природный стиль, слегка небрежный, но хорошо продуманный и ухоженный.

Шеф пошёл вперёд, показывая дорогу, я последовала за ним. Когда мы подошли к широкой лестнице, навстречу нам на крыльцо вышла пожилая женщина. Я поднялась на площадку и остановилась, ожидая, пока нас представят друг другу.

Женщина с интересом изучала меня, я тоже попыталась составить о ней своё мнение. Судя по спокойной уверенности, с которой она держалась, скорее всего это была хозяйка дома. Не слишком бросающаяся в глаза полнота придавала ей солидность и значимость. А волевое лицо с жёсткими морщинами почти не оставляло сомнений в том, что она привыкла командовать и принимать решения.

Артём Владимирович бросил сумки на каменный пол, шагнул к женщине и неожиданно обнял её.

— Привет, мам! Вот и мы. Знакомься — это Александра, мой помощник.

— Ну какая Александра, Тёма? Она же совсем девочка. Сашенька, здравствуй! Я — Галина Станиславовна мать этого болтуса.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с потрясением и охрипшим голосом пробормотать приветствие. Только потом я метнула на шефа уничижительный взгляд. Но меня тут же взяли в оборот — женщина аккуратно, но крепко подхватила меня под руку и повела в дом.

— Пойдём, деточка, я отвезу тебя в гостевую комнату. Тёма, закрой двери и не забудь сумки.

Галина Станиславовна привела меня в комнату на третьем этаже, бегло показала, что где находится, и оставила со словами:

— Отдохни немного после дороги, Сашенька. Через полчаса будем обедать.

Минут двадцать я сидела на краешке кровати и тупо смотрела в стену, пытаюсь разобраться в хаосе мыслей. Получалось плохо. Я лишь ощущала всё усиливающееся возмущение и досаду, что меня так просто обвели вокруг пальца.

В двери постучали, я крикнула:

— Войдите! — разглядела, кто это, и скорчила зверскую физиономию. Артём Владимирович невозмутимо

выдержал мой взгляд и спокойно сообщил:

— Я за тобой. Мама зовёт обедать.

— Я не выйду из этой комнаты, пока вы не объясните мне, что происходит? — прошипела я сквозь зубы.

— Что ты хочешь узнать? — фальшиво удивился шеф, пряча улыбку.

— Зачем вы меня сюда притащили, конечно же!

— Разве я тебе не сказал? На переговоры.

— С кем? С вашей мамой? — задохнулась я от такой наглости.

— С мамой я сам разберусь. А к вечеру подъедут ещё гости. Вот с ними и будем общаться.

— А я-то вам зачем? Вы что, не способны справиться без меня?

— По-моему, я всё ещё твой работодатель. И сам решаю, нужна мне твоя помощь или нет. Или я что-то забыл?

Мне пришлось это проглотить, поскольку я не нашлась, что возразить на такое заявление. А шеф примирительно произнёс:

— Саш, пойдём, а? Я проголодался.

— Так идите! Я вас не держу.

— А ты?

— А я останусь здесь. Когда надо будет работать, пошлёте за мной.

— Ну что за детский сад? — вздохнул Колесников и опустил на кровать рядом со мной. — Хватит дуться, ну не сказал я тебе, куда мы едем, и что? Какая разница, где работать?

Я почувствовала, что уже готова наговорить ему кучу резкостей. Сцепила зубы и уставилась в пол, чтобы не лишиться работы.

— Знаешь, я пошёл, а ты как хочешь. Но послушай совета: оставаться здесь бессмысленно, мать придёт и притащит тебя силой. Предупреждаю сразу, если ты ещё не поняла: спорить с ней бесполезно. Она всю жизнь командовала и отцом, и мной, и менять привычки не собирается. Я поэтому и сбежал в город, хотя очень люблю этот дом. Всё-таки я в нём вырос.

Несмотря на раздражение, я ощутила, как меня охватывает любопытство. Хотелось подробнее узнать обо всём, но задавать вопросы я не решилась. Артём Владимирович поднялся и протянул ладонь.

— Ну что, пошли? Ещё немного, и мама придёт сюда сама.

Я встала, игнорируя его руку, и молча направилась к двери.

— Какой же ты ещё ребёнок! — со смехом раздалось за моей спиной.

Обед был накрыт в большом зале на первом этаже. В гостиной присутствовали только мы трое, а вся еда уже стояла на столе. Я ела и размышляла о том, что не видела ни в доме, ни на улице никого из обслуживающего персонала. Интересно, куда они все попрятались? Ведь ясно же, что Галина Станиславовна не в состоянии в одиночку держать в порядке такой большой дом и участок.

Поскольку я отмалчивалась, разговор вели в основном мать с сыном. Лишь иногда женщина задавала мне, казалось бы, безобидные вопросы. Но я отлично видела, что все они имеют целью хоть немного больше узнать обо мне и моей семье. Не желая в этом участвовать, я отвечала односложно и без всяких подробностей.

Ближе к концу обеда Колесников поинтересовался у матери:

— Так когда обещал приехать Петровский? Сколько у нас времени?

— К восьми вечера. Не беспокойся, Тёма, он точно приедет, уже звонил и подтвердил.

— Петровский? — переспросила я, услышав известную фамилию. — Это что, рекламное агентство «Гром»?

— Он самый.

— Ничего себе! И он готов с нами беседовать?

— Готов, готов, — энергично кивнула Галина Станиславовна.

— Здорово! Да ещё после «Этно». Только, Артём Владимирович, что ж вы меня не предупредили, я же не подготовилась.

— Ну, у тебя есть ещё пара часов. А потом, мы сегодня просто почву прощупаем. Пока без конкретики, — успокоил меня шеф, но я всё равно побыстрее закончила обед и побежала к себе за ноутбуком.

В полдвенадцатого я вернулась в комнату, сняла деловой костюм, натянула джинсы, джемпер и куртку и отправилась в сад немного прогуляться перед сном. Правда, спустившись с крыльца, дошла до расположенной недалеко беседки и решила остаться там. Бродить ночью по незнакомой местности, пусть и хорошо освещённой, было как-то неуютно.

Присев на широкую деревянную скамью, я вспоминала переговоры. На мой взгляд, прошли они исключительно удачно. Я понятия не имела, на какой почве познакомились Галина Станиславовна и Петровский, но последний был настроен к нам очень доброжелательно и всюду показывал заинтересованность в совместной

работе. Похоже, здесь и делать-то ничего не надо, можно сразу контракт составлять.

— О, вот ты где! Не замёрзла?

Задумавшись, я не заметила, что Артём Владимирович меня ищет, и вздрогнула, услышав его голос. Колесников подошёл ближе, поднял лежащий на плетёном кресле плед и набросил мне на плечи. Завернул меня в него поплотнее и не отпустил, а притянул к себе. Мои ладони упёрлись ему в грудь.

Он взял мои руки в свои, обхватил их и поднёс к лицу. Прошептал:

— Какие холодные! — и согрел своим дыханием. А потом развернул мою ладонь и нежно прикоснулся к ней губами. Я ощущала себя птицей, попавшей в силки, только убежать из них совсем не хотела. И испугалась тому, как сильно меня к нему тянет!

— Артём Владимирович, не надо...

— Шшш... — медленно покачал он головой. — Артём. Скажи, ну давай, попробуй!

— Артём... — прошептала я еле слышно. А он даже не дал мне договорить. Его тёплые губы с силой прижались к моим и не позволили им сомкнуться своим напором. Господи, почему я до сих пор не знала, как он целуется?! Где я была всё это время? Где я сейчас? Всё равно...

Минут через десять ко мне потихоньку вернулась память. Я немного отстранилась, пытаюсь успокоить дыхание и избавиться от звона в ушах. Колесников снова потянулся ко мне, но я прижала пальцы к его губам.

— Подожди, мне надо отдышаться, прийти в себя...

— Зачем? Не надо приходить в себя. Иди ко мне...

— Пожалуйста, прекрати, хватит, — я с трудом сопротивлялась его головокружительному хриплому голосу. Но он всё-таки сжалился надо мной, обнял за плечи и повёл в дом.

За эти несколько минут я взяла себя в руки и начала соображать. Пока Колесников закрывал входную дверь, бросила: «Спокойной ночи» и почти бегом поднялась к себе. Задвинула защёлку и только тогда ощутила себя в относительной безопасности. А потом лежала в кровати и никак не могла уснуть, прислушиваясь к звукам в коридоре. Но этой ночью на мою дверь никто не покушался, и я постепенно задремала.

Я остановилась и внимательно осмотрела окружающее пространство, ища спрятанные камеры. Ничего похожего не обнаружила, но обольщаться не стала. Они могут быть где угодно, и мне обязательно нужно иметь это ввиду. Собственно, поэтому я и использовала маскировку: седой парик, большие тёмные очки, кепку с широким козырьком и мешковатую одежду.

Ладно, пора решаться — я подошла к телефону-автомату и набрала выученный наизусть номер. Сначала зазвучала дурацкая мелодия, а затем мужской голос произнёс:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Михаил Иванович?

— Ну я. А ты кто?

— Думаю, это сейчас не главное. Главное — что я могу вам предложить.

— Даже так? И что же? — хмыкнул Трунов, не высказывая особой заинтересованности.

— Типографию Колесникова, — я сразу пошла ва-банк, времени у меня в обрез.

— Что? Деточка, ты так шутишь?

— Никаких шуток. Я знаю, что вы ей интересуетесь, и готова помочь.

— В чём?

— В том, чтобы привести её в такое состояние, когда она сама упадёт вам в руки.

— А ты сможешь? — вот здесь в его голосе уже появился интерес.

— С вашей помощью смогу.

— И что ты за это попросишь?

— Позже договоримся. А сейчас слушайте и запоминайте, что вам нужно сделать, — я быстро продиктовала информацию, а в конце уточнила: — Я же правильно понимаю, это вам по силам?

— Не беспокойся, по силам! А твои сведения верны?

— Думаю, скоро вы в этом убедитесь. В любом случае, вы ничего не теряете. Цифры запомнили, или повторить?

— Не стоит, я всё записал.

— Отлично. Тогда прощаюсь, я ещё позвоню.

Повесив на место трубку, я взглянула на часы и направилась в сторону метро. Наш разговор уложился в две минуты — ровно так, как я и рассчитывала. Мой ход сделан, теперь дело за Труновым.

***

В воскресенье я проснулась рано, быстро собралась и вызвала такси. Я знала, что должна обдумать сложившуюся ситуацию и принять решение, но сделать это здесь не могла — непривычная обстановка мешала мне сосредоточиться. А значит, нужно срочно возвращаться домой, но только не с Артёмом Владимировичем.

Убегать не попрощавшись я, конечно, не собиралась. Поэтому дождалась такси, набрала номер Колесникова и попросила зайти ко мне. Может, это выглядело странно, но не искать же его по всему дому, заглядывая во все комнаты по порядку.

Шеф явился через пять минут в лёгкой футболке и джинсах, но с мокрыми волосами. Похоже, я вытащила его из душа. Он прикрыл дверь и повернулся ко мне с такой обаятельной улыбкой, что у меня защемило сердце. Но улыбка быстро погасла, когда Колесников разглядел, что я держу в руках куртку, а рядом со мной дорожная сумка.

— В чём дело? Ты уже хочешь уехать? Подожди, я ещё не готов.

— И не надо, меня ждёт такси. Я позвала тебя попрощаться.

Он нахмурился, шагнул ко мне, взял за плечи и заглянул в глаза.

— Саш, что случилось?

— Ничего. Просто я должна подумать.

— О чём?

— Обо всём, что произошло.

— А что здесь думать? По-моему, всё ясно. Нас тянет друг к другу, это бесполезно отрицать. Да и зачем? Мы оба свободны и вольны делать, что хотим.

— Не всё так просто. Мне нужно время, поэтому я поеду домой. Одна!

— Не понимаю, но... как хочешь... — Артём Владимирович пожал плечами и добавил: — Может, я всё-таки тебя отвезу? Не беспокойся, постараюсь не давить и не лезть с поцелуями.

— Спасибо, машина уже тут, — ответила я, не обращая внимание на его саркастический тон. — Встретимся завтра. Извинись, пожалуйста, перед твоей мамой. Скажи, что у меня срочные дела, ладно?

— Хорошо. Пойдём, провожу тебя до ворот, — он подхватил мою сумку и пошёл вперёд, не оглядываясь и

ничего больше не говоря. У калитки остановился и повернулся ко мне.

— Давай хотя бы попрощаемся.

Колесников наклонился ко мне, а я испуганно отпрянула. Его зрачки расширились от удивления, а потом он насмешливо улыбнулся.

— Ты всё-таки боишься! Только кого? Подумай лучше об этом.

Я не стала отвечать, забрала из его рук сумку и направилась к такси. И уже в машине поняла, что незаметно для себя перешла с ним на «ты».

Весь оставшийся выходной я провела в мучительных раздумьях. С одной стороны, шеф был прав, меня тянуло к нему, и очень сильно. Я хотела быть честной перед собой, а значит, должна была это признать. С другой стороны, я дорожила своей работой. Она меня полностью устраивала, и я не собиралась её менять. И вот эти две правды мне никак не удавалось совместить. Слишком много вокруг печальных примеров того, к чему приводят подобные отношения. Как часто в результате не остаётся ни любимого человека, ни работы. И что же делать мне?

***

В понедельник я отправилась в типографию, так и не приняв никакого решения. Ожидая шефа, нервно ходила по кабинету и постоянно смотрела на часы. Колесников опаздывал. Больше всего беспокоило, что он не предупредил меня о задержке. А звонить и спрашивать, когда он будет, я не хотела, хотя раньше сделала бы это совершенно спокойно. Вот так — отношений ещё нет, а сложностей достаточно!

Я с трудом заставила себя заниматься текущими делами, а потом втянулась в работу и немного отвлеклась. Когда наконец к обеду приехал шеф, я уже была способна смотреть ему в глаза, не испытывая смущения. Артём Владимирович выглядел хмурым и озабоченным. Я даже удивилась: что его расстроило прямо с утра? Вряд ли он так переживает из-за меня.

Колесников уселся за стол, потёр лицо ладонями и задумчиво уставился в пространство.

— Что-то произошло? — я уже начала ощущать беспокойство. Шеф вздохнул, достал свой ноутбук, открыл его и протянул мне.

— Вот, почитай! Что ты об этом думаешь?

Я быстро пробежала глазами письмо от «Этно» в его почте. А потом перечитала ещё раз внимательно и со всё усиливающимся недоумением.

— Они отказываются от контракта с нами? Не может быть! Почему?

— Ты меня спрашиваешь? Это милое письмо я получил сегодня утром. Прочитал пять раз и ни черта не понял! Поехал к ним. Меня приняли и очень вежливо объяснили, что это просто бизнес. Им всего лишь сделали лучшее предложение.

— Насколько лучше? И кто?

— В «Этно» мне об этом не рассказали, сославшись на коммерческую тайну.

— Очень жаль, но такое случается. Не переживайте, проживём без них. У нашей типографии хорошее положение на рынке и полно клиентов.

— Да, ты права. Ладно, давай работать. Нам действительно есть, чем заняться. Надо подготовить предложения для Петровского.

Несмотря на такой вывод, Артём Владимирович весь день пребывал в мрачном настроении, сильнее, чем обычно, придирался к персоналу и, слава богу, совсем не вспоминал о наших с ним недоразумениях. Я, в свою очередь, тоже о них не напоминала и постаралась вести себя как всегда. Сновала то в бухгалтерию, то к юристам и, как могла, смягчала резкие требования шефа, которыми он донимал сотрудников.

Следующий день прошёл в таком же духе. А в среду я работала за ноутбуком, как вдруг Колесников стукнул по столу и громко выругался. Я удивлённо уставилась на него.

— Артём Владимирович, что случилось?

Вместо ответа он вскочил. Нервно прошёлся по комнате, остановился посередине и, обращаясь сам к себе, раздражённо произнёс:

— Какого чёрта! Что вообще происходит? — потом хмуро взглянул на меня и добавил: — Петровский только что отказался с нами работать.

— Что за ерунда? Он сам вам об этом сообщил?

— Да! Сегодня я отправил ему контракт для ознакомления, а он извинился и ответил, что передумал.

— Странно. Это очень странно! В субботу он чуть ли не прямо у вас дома был готов всё подписать.

Шеф вернулся к столу, забрал портфель и повернулся ко мне.

— Вот что, я поеду на разведку. Надо выяснить, что это за эпидемия отказов. Не знаю, успею ли вернуться до конца рабочего дня, в любом случае, я тебе позвоню.

Весь оставшийся день я постаралась не поддаваться беспокойным мыслям, а всё-таки работать. Додельвая отчёт, задержалась почти на час и уже собиралась домой, когда в кабинет неожиданно зашёл шеф. Глядя на его

усталое и мрачное лицо, я поняла, что надо готовиться к худшему. Для начала заглянула в кабинет секретарши и сварила крепкий кофе, отнесла его Колесникову.

— Вот, выпейте, а потом рассказывайте.

Артём Владимирович быстро проглотил напиток, откинулся на спинку стула и поделился новостями.

— Во-первых я узнал, кто перешёл нам дорогу с «Этно». Это типография «Акрон», до сих пор у нас с ними не было никаких недоразумений. Но вот что самое интересное. Я выяснил, что до недавнего времени «Акрон» вообще не планировал никаких дел с «Этно». А потом, буквально за один день, составил пакет предложений и вышел на них. Кстати, мне удалось увидеть эти предложения. По всем ключевым позициям они дали «Этно» чуть лучшие условия, чем мы. Понимаешь? Ненамного, но по всем! А ещё помнишь, в чём у нас была основная сложность? Так вот, в этом вопросе «Акрон» предложил ровно то, чего хотело «Этно». Один в один!

Я немного подумала и спросила:

— А что с Петровским? Там тоже «Акрон»?

— Нет. К нему обратились сразу две типографии. И обе с более интересными, чем у нас, условиями. Цифры он мне тоже не показал, но очень извинялся и сам удивлялся, что появилось так много удачных предложений. Говорил, что глупо их упускать, и пообещал в будущем не забывать о нас. Вот такие дела, Саша!

— Артём Владимирович, получается, дело вообще не в типографиях? — начала я.

— Вот именно. Итак, что мы имеем? Во-первых, разные типографии неожиданно решили обратиться к нашим потенциальным клиентам. А во-вторых, все они знали, что конкретно надо предложить, чтобы их условия сразу приняли. Кстати, не исключено — и «Этно», и Петровскому намекнули, что такие подарки не стоит игнорировать.

— Кто намекнул?

— Здесь у меня только один ответ — Трунов.

— Но тогда выходит — он знает подробности наших контрактов? Откуда?

— А вот на это у меня ответа нет. Пока... — Колесников поразмышлял и добавил: — Уже поздно, езжай домой, а я ещё немного здесь побуду. Завтра к нам приедут ребята из одной конторы, название я тебе позже пришлю. Предупреди Ольгу, чтобы сразу провела их ко мне. Будем искать «крота»!

Мой второй звонок Михаил Трунов воспринял всё так же настороженно. Записал новую информацию и даже не любопытствовал, откуда я её беру. Зато к третьему звонку стал гораздо разговорчивей. К этому времени уже были известны первые результаты нашего сотрудничества, и Трунов не скрывал своего удовольствия. Я тоже радовалась, что поставила на того, кого надо — свою часть работы он выполнил на отлично.

На этот раз после обмена нужными сведениями мой собеседник не спешил попрощаться.

— Слушай, может, хоть немного расскажешь о себе? Тебе сколько лет?

— Пятьдесят три, — решила я умерить его пыл.

— Ага, чего заливаешь? По голосу больше тридцати не дашь.

— Ну что вы, Михаил! Разве до сих пор не знаете, как бывают обманчивы женские голоса?

Трунов хохотнул, но не успокоился.

— А ты блондинка или брюнетка?

— Седая я, седая, — ответила я, удивляясь, чего человеку так неймётся.

— А давай, когда всё провернём, где-нибудь встретимся?

— Да зачем?

— Ну ты что, не понимаешь? Очень мне любопытно. Скажи, хотя бы, как тебя называть?

Я вздохнула, покопалась в памяти и предложила:

— Зовите меня Эринией.

— Как? Это ещё что такое?

— Ладно, забудьте. Всё, до свидания!

— Эй, погоди, — начал он, но я бросила трубку. И так сегодня потратила на разговор больше времени, чем должна была. Что-то я начала расслабляться, а это уже опасно.

Я успела отойти от таксофона на приличное расстояние, когда услышала визг тормозов. Спряталась в тени цветочного ларька и оглянулась. С этого места было хорошо видно, как нарушая все правила, у обочины припарковался затонированный джип. Из него выскочило двое парней и бросилось к будке таксофона. Поняв, что добыча ускользнула, они несколько раз обошли площадь и загрузились обратно в машину.

Проводив её взглядом, я продолжила свой путь, всё ещё ощущая холодок в груди. Парни были совсем близко — что ж, это отличный урок для меня. Вряд ли я его забуду. Скорее всего, это люди Трунова, не зря он сегодня активно заговаривал мне зубы.

Я решила наказать своего партнёра и две недели ему не звонила — пусть немного остынет. А пока накапливала нужную информацию. Когда её набралось достаточно, снова использовала маскировку и отправилась на другой конец города. Прогулялась по району и выбрала таксофон в людном месте с удачными путями быстрого отступления.

Услышав мой голос, Михаил бурно выразил радость:

— О! Вот и ты! Я уже начал переживать. Куда пропала-то?

Вместо ответа я ему попеняла:

— Лучшие скажите, вы зачем меня выслеживаете? Разве мы о таком договаривались? Я вот теперь думаю: стоит ли вам и дальше звонить?

— Эй, погоди! Не гони лошадей! Я, может, о тебе забочусь. Давно понял, что ты прямо в логове Колесникова трудишься — по-другому не получается. А я знаю, как у вас сейчас сотрудников трясут. Вот и хотел тебя прикрыть, если что.

Что ж, так и подозревала, что я у него не единственный информатор.

— Спасибо за беспокойство, но о себе я сама позабочусь. Давайте ближе к делу.

Быстро продиктовав данные, я попрощалась и собиралась отключиться, а Трунов вдруг заявил:

— Эй, я тут покопался в энциклопедии и выяснил, Эринии — оказывается, богини мщения. На картинках они в основном брюнетки. Это правда?

— Послушайте, вы головкой часом не ударились? Что за дурацкие вопросы? И вообще, забудьте про меня, займитесь лучше Колесниковым, — ответила я, справившись с потрясением. Вот это человека разбирает. Даже не поленился в книгу заглянуть, ну или в интернет.

***

В последние недели в типографии творился форменный бедлам. С одной стороны, по всему предприятию сновали крепкие молодые люди. Шеф дал им полный зелёный свет на любые действия, вплоть до осмотра рабочих столов и бесед с сотрудниками. А с другой стороны, несмотря ни на что, атака на типографию продолжалась.

За это время от наших услуг отказалось ещё два клиента, причём один из них — давний, от которого мы

такого точно не ожидали. А кроме того на нас вдруг посыпались всевозможные проверки, от пожарных до налоговой инспекции. И что удивительно — каждая сразу находила самые тонкие, уязвимые места, которые есть в любом бизнесе.

Артём Владимирович рвал и метал и требовал от своих парней реальных результатов. Ни у него, ни у меня уже не осталось сомнений, что помогает Трунову человек, очень хорошо осведомлённый обо всём, что происходит в типографии. Обо всей её внутренней кухне, клиентах, финансовых операциях и слабых местах.

Из-за этого обстановка в офисе так накалилась, что то там, то здесь, по разным, даже незначительным поводам, стали вспыхивать ссоры и выяснения отношений. Я еле справлялась с добровольно взятой на себя миссией улаживания конфликтов. Но иногда нервы сдавали и у меня. Так, пару дней назад я поругалась с женщиной из юридического отдела, а потом корила себя, что не сдержалась.

Больше всего мне было жаль Колесникова. Я понимала, что ему тяжело видеть, как шатается бизнес, которому он посвятил свою жизнь. Нет, мы всё ещё устойчиво держались на плаву. Но тучи вокруг сгущались, и шторм был уже совсем рядом.

На обед мы с Аллой решили сходить в кафе. Сейчас большинство сотрудников старалось при малейшей возможности сбежать из типографии. Я их не осуждала и очень надеялась, что этот кошмар скоро закончится.

Мне пришлось немного задержаться, и подруга уже ждала меня в кафе. Зайдя в зал, я стала вертеть головой, высматривая знакомую фигуру. Подойдя ближе, с удивлением разглядела, что за столом сидит ещё одна наша сотрудница, та самая, с которой я недавно поссорилась.

Я присела на свободный стул, Алла поздоровалась и кивнула на соседку:

— О, привет! Маша решила к нам присоединиться, не возражаешь?

— Нет, конечно! — я улыбнулась женщине, но та не ответила. Уставилась в тарелку и что-то там сосредоточенно изучала. Мне стало интересно: это всё из-за конфликта или она вообще меня не жалуёт?

К концу обеда я склонилась ко второму варианту. За всё это время Мария не сказала мне и пары слов, переговариваясь в основном с Аллой. И главной темой их беседы была, конечно, обстановка в офисе.

— Представляете, девчонки, эти типы меня вчера почти час допрашивали, — жаловалась Алла. — Вдвоём, без передышки. То один, то другой. Вот почему я вообще должна отвечать на разные дурацкие вопросы: с кем живу, где училась, кто мои друзья? Очень неприятно чувствовать себя преступницей, которую подозревают во всех смертных грехах. Не понимаю, разве они имеют право лезть в мою личную жизнь? И ещё шарить в моём столе? Я уже подумываю, может, уволиться? Маш, а ты как считаешь?

— Да ладно! Увольняться из-за всяких придурков? Со мной, вон, уже два раза беседовали, ну и что? Наш отдел вообще трясут, как грушу. Мы же со всеми контрактами дело имеем. Только, если я ни в чём не виновата, то и бояться нечего!

— Это конечно, но меня уже достало! Саша, а тебя допрашивали?

— Ещё нет, — машинально ответила я, заметила, как девчонки переглянулись, и задумалась. А действительно, почему меня до сих пор не вызывали на беседу? Мне показалось, что парни уже пошли по второму кругу. Надо уточнить у шефа: я вовсе не собиралась пользоваться какими-то особыми привилегиями. Не хотела, чтобы сослуживцы косо на меня смотрели.

До конца рабочего дня поговорить с шефом не представилось возможности, к нам в кабинет постоянно кто-то заходил. Я решила воспользоваться предложением Артёма Владимировича подбросить меня до дома и по дороге задать интересующие вопросы.

Пока я собиралась с мыслями и соображала, как лучше начать разговор, машина уже затормозила у моего подъезда. Колесников повернулся ко мне, и в свете фонаря я заметила, как он изменился. Появилась новая морщинка на лбу, тени под глазами. Похоже, вся эта история давалась ему нелегко. Я вдруг ощутила комок в горле, очень захотелось поддержать его, просто по-человечески посочувствовать. Слегка коснувшись локтя, тихо спросила:

— Очень устали, да?

Он печально усмехнулся.

— Есть немного. Ничего, прорвёмся, — и вдруг попросил: — Слушай, можешь накормить меня ужином? Не успел сегодня пообедать, дома шаром покати, а в кафе ехать не хочу.

— Ну ладно, пойдёмте, — я с облегчением вспомнила, что вчера забежала в магазин и приготовила себе еду на пару дней. Теперь хоть не ударю в грязь лицом.

Пока шеф мыл руки, я сменила офисный костюм на джинсы и футболку и отправилась на кухню. Достала ужин и поставила его разогреваться. Нарезала лёгкий овощной салат и накрыла на стол. Колесников уже устроился на маленьком диванчике, который ему явно понравился с прошлого раза.

Я быстро справилась со своей порцией и смотрела, как мой гость с аппетитом уминает мои двухдневные запасы. И ощутила, что это не вызывает у меня раздражение, а наоборот, очень нравится. Потом я заварила чай,

достала припрятанную шоколадку и решила всё-таки затронуть беспокоящую меня тему.

— Артём Владимирович, — начала я, но он поморщился и покачал головой:

— Пожалуйста, давай хотя бы сейчас обойдёмся без отчества.

— Хорошо. Просто я хотела спросить: эти ребята, из службы безопасности, они уже беседовали со всеми из нашего офиса. А со мной — нет. Почему?

Колесников внимательно взглянул на меня и нахмурился.

— Ты так говоришь, будто тебе это не нравится. Я правильно понял? — я кивнула, и он ещё больше удивился. — Странно, я думал, людям приятно, когда им доверяют.

— Значит, это всё-таки вы попросили меня не трогать?

— Ну да. А что? Почему ты недовольна, не понимаю?

Я вздохнула. Кажется, донести до него то, что чувствую, будет непросто.

— Ну как вам объяснить? Не хочу я пользоваться никакими привилегиями. Если уж допрашивать, то всех без исключений, без любимчиков и особо приближённых. По-моему, должно быть так, разве нет?

Артём Владимирович засмеялся.

— Саш, знаешь что, мне нравится твоя позиция! Хорошо, не буду делать исключений, — он смотрел на меня и улыбался, и даже морщинка на его лбу разгладилась. А у меня от его улыбки стало тепло в груди.

Мы уже выпили чай, а Колесников не спешил уходить, хотя было довольно поздно, да и завтра рабочий день. Я раздумывала, как ему тактично на это намекнуть, когда он наконец поднялся.

Проводив его в коридор, я прислонилась к стене и ждала, пока шеф оденется. Но вместо этого Колесников шагнул ко мне и взял за плечи. Притянул к себе и, лаская, очень нежно провёл губами от виска до подбородка. Потом приподнял мои волосы и стал медленно целовать шею. Его горячее дыхание обжигало меня и заставляло трепетать. Я плавилась словно воск в его руках, голова кружилась, и ноги отказывались повиноваться. Пришлось со всей силы вцепиться в его плечи.

А дальше я немного выпала из реальности и когда пришла в себя, с удивлением обнаружила, что полулежу в объятиях Артёма Владимировича на диване, а он стягивает с меня футболку. Я попыталась отстраниться.

— Артём, пожалуйста, прекрати! Тебе пора уходить, — прошептала, едва отдышавшись от поцелуев.

— Не хочу я никуда уходить. Хочу остаться здесь, на этом диване. Пустишь меня на ночлег? — шептал он в ответ. А его пальцы не оставляли мне возможности сопротивляться, находя самые чувствительные точки на моём теле.

И я сдалась. Я чувствовала, что он нуждается во мне. А мне самой было уже наплевать на все сомнения и страхи. Осталось лишь единственное желание — быть рядом с ним. Ощущать, как прерывается его дыхание в ответ на мои прикосновения и ласки. Как твердеют мускулы на спине под моими ладонями. Слышать его стоны и мои крики. И всё ещё не верить, что это в реальности с нами происходит...

Утром я проснулась в своей спальне, Колесников лежал рядом, обхватив меня рукой. Я потёрлась носом о его плечо и вдохнула такой приятный мужской запах. Он зашевелился, перевернулся на бок и притянул меня к себе. Я чувствовала каждую мышцу его тела, руки, ласкающие мою спину. И пока ещё не утратила способность соображать, напомнила:

— Артём, нам пора на работу...

— А мы сегодня опоздаем.

— Ну уж нет! У нас совещание в двенадцать, ты забыл? А до этого я ещё хочу успеть переговорить со службой безопасности.

— Саш, ценю твою независимость, но давай я сам буду решать такие вопросы, — пробормотал Колесников, зарывшись носом в ямочку на моей шее.

— Я поговорю с ними, — всеми силами стараясь не растаять под его поцелуями, я попыталась придать твёрдость голосу.

— Нет!

— Да!

— Нет!

Ладно, раз он такой упрямый, я решила применить запрещённый приём. Наклонила голову и прижалась губами к его груди, проложила дорожку из поцелуев, спускаясь к животу. Услышала стон и хриплый шёпот:

— Хорошо, ты победила, делай, что хочешь!

К своей миссии я решила готовиться основательно. Для начала нужно было точно выяснить, кому именно я буду мстить. То есть, узнать, кто сидел за рулём той самой машины. Я прекрасно понимала, что пока это нереально, а значит, на время учёбы в школе мне стоит выбрать дополнительную цель. И я её нашла — развить в себе качества, которые могут пригодиться в моих будущих планах.

В свободное от учёбы время я не посещала занятий, которым отдавали предпочтение девчонки моего возраста: танцы, музыку, рисование. Моим приоритетом стало развитие физической силы, тренировка выносливости и нечувствительности к боли. Голод и холод после беспризорных скитаний мне были уже не страшны, а чтобы научиться терпеть нагрузки и боль, я записалась во все секции по рукопашной борьбе, какие только нашла в нашем районе.

Параллельно я не забывала отлично учиться и радовать приёмных родителей. Всегда тщательно следила за тем, чтобы не расстраивать их и оправдывать ожидания. С готовностью занималась домашней работой, держала свою комнату и вещи в порядке. Проявляла заботу и внимание, запоминая любые мелочи, которые могли им понравиться.

Я никогда не задавалась вопросом: люблю ли мою новую семью, а просто показывала огромную признательность людям, которые спасли меня и дали возможность вернуться к нормальной жизни. Пусть они даже не представляли, какой именно я вижу эту будущую жизнь.

В нашей школе работал пожилой мужчина. Когда-то давно он вёл начальную военную подготовку, а потом её отменили, и Пётр Андреевич переквалифицировался в трудовика. Испытывая ностальгию по прошлому, он открыл в школе секцию стрельбы из пневматического оружия. Мальчишек сразу записалось больше половины класса, а из девчонок пришла я одна.

Постепенно, поняв, что всё не так просто, и точная стрельба требует постоянной и длительной тренировки, большинство моих одноклассников отсеялось. И нас осталось всего пятеро. Теоретической подготовкой мы занимались в нашей школе, а стрелять ходили в соседнюю, частную — в ней был оборудован настоящий стрелковый тир.

По большому счёту, я записалась в секцию отчасти из интереса, отчасти вспоминая своего любимого героя — графа Монте-Кристо. Казалось, что оружие в моих руках как-то приближает меня к нему, только и всего. Я не собиралась собственноручно расправляться со своими врагами и вообще пока не думала, каким способом буду мстить. Просто знала — когда придёт время, я смогу принять нужное решение.

Но посетив несколько занятий, с удивлением обнаружила странную вещь: когда я брала в руки пистолет и наводила его на мишень, меня мгновенно покидали все мысли и эмоции. Я уже не помнила ни о романтических героях, ни о том, как выгляжу со стороны. В этот момент для меня существовало только одно — то, что я видела в прицеле.

Сначала я немного испугалась, не понимая, что со мной происходит, и даже думала бросить стрельбу. А потом вспомнила папины рассказы о своём отце — моём деде. Тот был родом из таёжного уральского посёлка и с детства прекрасно владел оружием. Считался там одним из лучших охотников. Наверное, у меня просто проявились его гены.

В результате я осталась в секции и почти с самого начала делала такие успехи, что Пётр Андреевич только диву давался, восхищённо качая головой и разглядывая мои результаты. Он подолгу занимался со мной, считал своей лучшей ученицей и даже несколько раз возил на соревнования, в которых я неизменно занимала призовые места.

А потом я резко охладела к стрельбе. Вернее, так я объяснила Петру Андреевичу своё нежелание дальше посещать его секцию. На самом деле я просто не хотела, чтобы моё имя было как-то связано со стрельбой. Это могло в дальнейшем помешать моим планам. Я уже поняла, что умение управляться с оружием — моя сильная сторона, и не собиралась от неё отказываться. Но развивать её нужно было осторожно, без шума и публичности. А это полностью противоречило намерениям моего учителя.

Ещё одной областью, которой я посвящала много времени, была психология. В старших классах я перечитала кучу книг по этой теме и занялась практикой. Используя одноклассников и просто знакомых в качестве подопытных, я училась манипулировать людьми. Добиваться от них того, чего хочу, да ещё так, чтобы они сами не понимали, что действуют не по своей воле, а по моей.

Вначале это было захватывающе интересно. Я провернула несколько красивых многоходовых интриг в нашем классе и получила те результаты, на которые рассчитывала. Очень забавно было вместе со всеми гадать, что происходит, точно зная ответ на этот вопрос. Тогда я знатно развлеклась, но потом мне надоело. Я поняла, что в моём арсенале появилось новое оружие, успокоилась и переключилась на другое.

К началу одиннадцатого класса я определилась с тем, куда буду поступать. Я выбрала юридический факультет, в основном из-за того, что там изучают уголовное право и криминалистику. Моя цель понемногу приближалась и теперь выглядела гораздо реальнее, чем раньше.

***

Я сидела в отдельном кабинете, специально выделенном «сыщикам» для бесед с сотрудниками, и пыталась подавить растущее внутри раздражение. Сама же настояла на том, чтобы меня допросили — вот и нечего теперь злиться на бестактные вопросы. Алла была права, слушая всё это, очень хотелось выругаться, встать и гордо удалиться. Интересно, такие разговоры вообще способны помочь вычислить шпиона в типографии? Что-то я сомневалась.

После допроса я вернулась к себе. Артём Владимирович отсутствовал, и мне никто не мешал предаваться воспоминаниям о прошедшей ночи. Наверное, я сделала неправильный выбор, возможно, создала себе кучу проблем, но сейчас мне было на это наплевать. Я просто чувствовала себя счастливой!

Правда, наряду с эйфорией присутствовало и саднящее ощущение. Прислушавшись к себе, я поняла — всему виной небольшой эпизод, случившийся сегодня утром. Мы приехали на работу вместе с Артёмом Владимировичем. Нет, просто с Артёмом — я решила отныне так его называть вне работы и в своих мыслях. А в офисе — по прежнему строго по отчеству. Главное только не запутаться!

Так вот, припарковавшись на стоянке, мой спутник не спешил выходить из машины, а повернулся ко мне. Минут пять мы увлечённо целовались, пока я не взбунтовалась и не запросила пощады, напоминая, что мне ещё идти в службу безопасности. И к тому же, беспокоилась, что нас может кто-нибудь увидеть. Ещё раньше я сказала шефу, что не хочу никому говорить об изменениях в наших с ним отношениях. Артём засмеялся и заявил, что со своей конспирацией я опоздала — за это время мимо нас прошло по крайней мере два человека.

Я попыталась выяснить, кто это был: мужчина или женщина. И узнала, что одна из них точно женщина. Заметив, что я расстроилась, Артём принялся активно меня утешать. В результате через несколько минут пришлось пригрозить, что я снова буду добираться на работу сама. Только тогда он с неохотой меня отпустил.

И вот сейчас я гадала, разглядела ли нас эта женщина. И если да, то как скоро о нашей связи станет известно в типографии. В это время хлопнула дверь, и в кабинет зашёл Колесников. Увидел меня, улыбнулся, подошёл ближе и попытался обнять.

— Нет, Артём Владимирович! — возмущённо прошептала я. — Мы же на работе!

— Ну и что? Я вообще не понимаю, почему надо скрывать наши отношения? И зови меня, пожалуйста, Артёмом, мне так гораздо больше нравится.

— Ясно! Договариваться с тобой бесполезно. Так я и подозревала.

— Ну почему же? Я готов выполнить всё, что попросишь. Саш, ну успокойся уже и улыбнись! Просто мне кажется, игра не стоит свеч. У нас такие глазастые сотрудницы, что утаить от них ничего невозможно. А я не обещаю, что смогу смотреть на тебя равнодушно. Мы всё равно засветимся, так что давай не париться и получать удовольствие от жизни, а? — шеф притянул меня к себе, на этот раз я не стала сопротивляться.

Через несколько минут в дверь постучали, и нам пришлось оторваться друг от друга. В кабинет зашёл Алексей — один из менеджеров по работе с клиентами. По его бледному лицу и напряжённому взгляду я сразу поняла — нас ждут очередные испытания.

— Артём Владимирович, засада! Издательский дом «Новое время» вернул нам весь последний тираж.

— Причина? — быстро уточнил шеф.

— Цвета не соответствуют макету.

Колесников немного расслабился.

— Стандартная проблема. Странно только, почему они — давно уже с нами работают и в таких нюансах должны разбираться. Ну ты знаешь, что отвечать. На цветопробах они присутствовали и подпись свою ставили.

— Артём Владимирович, я с ними сегодня встречался и это озвучил. Мы всё проверили, дело в том, что наши макеты не совпадают.

— Как это?

— Мы сейчас смотрели с главным технологом. У нас в документах подшит правильный вариант. А в тот, с которым работают в производственном цеху, внесены изменения. Так что нам здесь не отбрыкаться — это наш косяк!

— Я понял. Саша, главного технолога быстро ко мне. Лёщ, ты пока иди, мы с тобой потом обсудим, что говорить клиенту.

Искать технолога долго не пришлось, он уже стоял за дверью. В течение нескольких часов мы сверяли с документами все макеты, которые находились в работе. Оказалось, изменения внесены ещё в несколько: где-то в цвета, а где-то в содержательную часть. Пришлось срочно останавливать печать почти готовых тиражей, исправлять и запускать заново. И естественно, пересматривать сроки выполнения заказов. Наша типография несла

огромные прямые убытки!

В одиннадцать вечера я зашла в свой подъезд. Артём отправил меня домой, заметив, что я на ходу засыпаю, а сам остался в офисе. Я не представляла, как он умудряется сохранять работоспособность, особенно учитывая, что этой ночью мы почти не спали.

В лифте я нажала кнопку и прислонилась к стене, мечтая рухнуть в кровать. Но двери придержали, и ко мне присоединилась соседка Ленка с любимым пуделем. Женщина хитро улыбнулась и заговорщицки прошептала:

— Видела твоего хахалы. Класный мужик!

— Лена, пожалуйста, — застонала я, — это мой шеф!

— Ага! И поэтому он утром выходил из твоей квартиры. Наверное, всю ночь работали? — съехидничала Ленка. Да, недоценила я её глазастость. Уже у своей двери она остановилась и позвала: — Саш, ты заходи ко мне, поболтаем. Я много чего посоветовать могу. Знаешь, какой у меня опыт по этой части!

— Лена, сгинь! — устало пробормотала я, не в силах даже разозлиться.

***

Когда я утром зашла в офис, меня встретила мрачная Ольга.

— Привет! Ты уже в курсе? Что теперь с нами будет?

— Ещё что-то случилось? — обречённо уточнила я.

— Понятно! Придётся мне тебя «порадовать». Ненавижу приносить плохие новости.

— Оля, не томи!

— В общем, сегодня сразу в нескольких новостных изданиях прошли сообщения, что у нас серьёзные проблемы. Что мы срываем заказы и нарушаем договора. Ко мне постоянно звонят и домогаются комментариев Артёма Владимировича, — пожаловалась она, и словно в ответ, громко зазвонил телефон. Ольга скорчила гримасу и подняла трубку, а я быстро прошла в кабинет.

Колесников сидел за столом, подперев голову рукой, и, по-моему, спал. Но я ошиблась, он услышал шум и сразу повернулся. Тёмные круги под глазами и потухший взгляд испугали меня. Я подошла ближе и мельком взглянула на экран монитора — там были открыты новостные сайты.

Вздыхнув, я обняла Артёма за плечи и тихо спросила:

— Ты домой ездил? — в ответ он едва качнул головой.

— А вообще спал?

— Немного, здесь, на диване.

— Так нельзя, у тебя должны быть силы, чтобы со всем этим справиться. Сейчас попрошу Ольгу принести тебе еды, а потом езжай к себе. Выспишься и приедешь обратно, слышишь?

Колесников ничего не ответил, только крепко обхватил меня за талию. Я слышала, как сзади приоткрылась дверь, но не сдвинулась с места. Плевать, пусть все видят, что между нами происходит! За спиной деликатно кашлянули и не стали нас беспокоить, осторожно прикрыв дверь.

Через пару минут я вышла в коридор к Ольге. Она как-то странно на меня взглянула, но ничего не сказала. Я попросила принести завтрак шефу и кивнула на телефон.

— Ну что, всё звонят?

— Ага, пытаются выяснить, живы ли мы ещё. Саш, мы же можем за клевету в суд подать. На тех, кто эту панику раздувает.

— Вряд ли. Они обычно очень осторожно пишут. Так, чтобы не за что было зацепиться.

— Я знаю, но почитала тут кое-что. Есть несколько фраз, которые можно трактовать как клевету.

— Да нет у нас сейчас сил ещё и с ними бодаться. Надо производство спасать, — я с интересом взглянула на секретаршу. — Оля, а у тебя есть юридическое образование? А чего не по специальности работаешь?

— Это долгая история, — махнула она рукой и пошла выполнять мою просьбу.

Ещё в старших классах школы я начала понемногу собирать сведения об аварии из открытых источников. объездила большинство крупных столичных библиотек, изучая оставшуюся со времён моего детства периодику, в том числе и так называемую «жёлтую прессу». Я не брезговала ничем. Где могла, аккуратно вырезала и выносила заметки, а в остальных случаях просто фотографировала или конспектировала.

Оказалось, авария, лишившая меня семьи, имела большой резонанс. Конечно, официальных сведений было мало, и всё они подавались очень туманно. А вот общественные организации, известные медийные персоны и различные эксперты активно участвовали в обсуждении.

Расследование даже взял под контроль Союз автомобилистов. Он провёл и выложил в открытый доступ две независимые технические экспертизы следов, оставшихся после столкновения. И обе эти экспертизы сошлись во мнении, что наша машина ехала по своей полосе, а внедорожник Колесникова не только выехал на встречную, но ещё и сильно превысил разрешённую скорость.

Из газет я подробнее узнала о самом Колесникове. Как оказалось, учился он в одном классе с прокурором района, и во время тех событий как раз баллотировался в депутаты областной думы. Правда, после аварии от этих планов он отказался и сам снял свою кандидатуру. Что интересно, трагедия произошла прямо под камерами видеонаблюдения. Но позже выяснилось, что эти камеры не работали из-за поломки. Естественно, такому удачному стечению обстоятельств для кандидата в депутаты никто не поверил.

Если о самом Колесникове информации в прессе было достаточно, то о его шофёре писали немного и противоречиво. То о том, что во время аварии его видели совсем в другом месте. То о том, что его мать больна, и ей сделали дорогостоящую внеплановую операцию. То, что эта операция ей и так была положена, а вот его сын с женой и ребёнком недавно переехали в новую квартиру, хотя раньше вместе с родителями и бабушкой-блокадницей ютились в малогабаритной двушке. Сам шофёр молчал, держался от журналистов как можно дальше, а на случайных фотографиях выглядел усталым и затравленным.

В жёлтых изданиях особо не церемонились и выдавали самые горячие версии. Например, что в машине с Колесниковым находилась его любовница. Или что за рулём сидел вовсе не он, а его сын, которому на тот момент было около пятнадцати лет. Или что злополучный автомобиль просто угнали. Кстати, последний вариант сам Колесников, судя по всему, не использовал — нигде в официальных сообщениях о таком развитии событий не упоминалось.

Нашла я и газету, в которой со ссылкой на неизвестный источник говорилось об алиби Колесникова на момент аварии. Но отсутствие хоть каких-нибудь подробностей и анонимный свидетель вызывали большие подозрения и лишь добавляли сомнений в его невиновности.

Общественность шумела, требовала открытого расследования и писала об аварии ещё довольно долго, но потихоньку всё стихло. Заметки на эту тему попадались всё реже, и из них я узнала, что через полгода дело закрыли в связи со смертью подозреваемого, то есть, моего отца.

***

Из-за последних событий нам остро понадобились деньги, ведь новые тиражи типография печатала за свой счёт. Но шумиха в прессе сделала своё дело — целую неделю шеф объезжал банки и везде получал отказ. Перед нами маячила перспектива банкротства. Глядя на усталого, измученного Колесникова, я ощущала почти физическую боль, но старалась не показывать виду. Если он в чём-то и нуждался, то явно не в слезах и переживаниях.

Мы сидели в типографской столовой за моим любимым столом у окна. Я строго следила за тем, чтобы шеф ежедневно обедал. Он сам постоянно забывал об этом, да и сейчас почти не притронулся к еде.

— Артём, давай же, ешь! И вот, посмотри, здесь ты ещё не был. Условия у них неплохие. Хуже, чем мы привыкли, но тоже ничего. Пресса немного поутихла, пару дней о нас никто не вспоминает. Может, теперь всё получится?

Я почти силком заставила Колесникова пообедать, а потом мы вместе поехали в банк. Сначала нас попросили подождать, и я уже забеспокоилась, что до переговорной мы так и не дойдём. Но когда нас всё же туда пригласили, оказалось, что менеджер банка знаком с Артёмом. Конечно, они уже слышали о наших трудностях, но неожиданное знакомство сыграло свою роль, и впервые за последнее время удача нам улыбнулась.

Когда мы возвращались обратно, Колесников заметно расслабился. Взглянул на меня и улыбнулся.

— Ну что, теперь прорвёмся?

— Обязательно прорвёмся, — энергично кивнула я и предложила: — Артём, тебе нужно хорошенько отдохнуть. Рабочая неделя заканчивается, впереди выходные. Забрось меня в офис и езжай домой прямо сейчас, пока нет никаких срочных дел. Потрать эти дни на восстановление сил, пожалуйста!

— Звучит заманчиво, я действительно чертовски устал. Но прямо сейчас не получится, через час у меня встреча. Вот после неё махну к себе. А насчёт выходных другое предложение: давай вместе поедem в мой загородный дом.

— Там же твоя мама!

— Ну и что? Во-первых, дом огромный, живём мы на разных этажах и можем даже не увидеть друг друга. Правда, это вряд ли. Мама обязательно захочет с тобой встретиться. Она сказала, что ты ей понравилась. А во-вторых, мать вообще сейчас гостит у подруги и вернётся только в воскресенье. Так что на всю субботу дом будет в нашем распоряжении. Я проведу тебя по участку, покажу мои самые любимые места, — искушал меня Колесников. Хотя я вовсе не испытывала желания встречаться с Галиной Станиславовной, но не смогла побороть любопытство и согласилась.

В субботу утром Артём заехал за мной, и мы отправились в его загородный коттедж. Мой спутник снова был хмурым и молчаливым, и всю дорогу что-то сосредоточенно обдумывал. Вчера он завёз меня в типографию и уехал на встречу, а оттуда сразу домой. Так что о результатах его поездки мне не было известно. Судя по всему, полученные новости его не обрадовали, но делиться ими со мной он не спешил. Я решила сама выяснить подробности.

— Артём, встреча вчера оказалась полезной?

— Пожалуй, да, — рассеянно произнёс он и, не поворачивая головы, спросил: — Слушай, ты знаешь, кто такая Эриния?

— Эриния? — удивилась я, — Это же что-то то ли из древнегреческой, то ли из древнеримской мифологии? А нам зачем? Будем печатать энциклопедию?

— Нет, просто... Думал, может, ты знаешь?

— Только в общих чертах. Но если надо, я всё выясню. Объясни подробнее, что тебя интересует?

— Ладно, забудь. Этим уже занимаются. Смотри, мы почти приехали. Видишь справа речку и старый мост? Знаешь, сколько раз я с него в детстве прыгал. А сейчас там всё обмелело, можно и шею сломать.

Несмотря на мои опасения, суббота прошла замечательно. Артём выполнил обещание и потратил полдня, знакомя меня с домом, участком и окрестностями. Я узнала, что его родители переехали сюда больше тридцати лет назад, когда этот район ещё совсем не считался элитным, и вокруг было полно старых деревень.

Постепенно живописная местность стала пользоваться популярностью. Полузаброшенные деревни снесли, и на их месте как грибы выросли многоэтажные коттеджи. Дом, в котором мы сейчас остановились, старший Колесников построил примерно двадцать лет назад, а до этого семья жила в гораздо более скромном и простом строении.

Артём показал мне потаённые уголки сада, со старыми искривлёнными деревьями, на которых он в детстве устраивал убежища. А потом мы посмотрели уже современные изыски ландшафтного дизайна: пруд с водопадом, большой регулярный розарий, патио с грилем и барбекю и многое другое. Во время этой прогулки я познакомилась с садовником и по совместительству сторожем — молчаливым мужчиной пятидесяти лет, явно влюблённым в своё дело. Чтобы это понять, достаточно было увидеть, с каким удовольствием он возится с землёй и тихо беседует с растениями.

— Николай работает у нас очень давно, — с гордостью сообщил Артём. — Он уже практически член семьи.

— А за домом кто следит? — поинтересовалась я. Несмотря на отсутствие Галины Станиславовны, все комнаты сверкали чистотой, а холодильник был забит вкусной домашней едой.

— Вообще-то, мать не любит, когда дома много посторонних. У нас есть помощница по хозяйству, она готовит и убирает. Когда надо, ездит с Николаем за продуктами. Он же помогает ей с большой уборкой. А для более сложных работ приезжают специальные службы.

— Ясно, — ответила я, про себя удивляясь, как это два человека справляются с содержанием такого огромного коттеджа. Артём, знакомя меня с домом, продемонстрировал и бильярдную комнату, и крытый бассейн с сауной, и большую библиотеку. Не говоря уже про несколько гостевых спален с собственными ванными, столовую, гостиную и бывший кабинет Колесникова-старшего.

После осмотра территории мы прогулялись по окрестностям. Дошли до небольшого лесного озера с красиво склоняющимися к поверхности воды старыми ивами. По дороге я расспрашивала Артёма о его детстве. Было очень интересно слушать подробные эмоциональные рассказы. Он явно любил и свой дом, и места вокруг. Отлично знал все тайные тропинки, живописные полянки и разные другие достопримечательности.

В процессе разговора у меня постепенно сложилось впечатление, что в детстве он был предоставлен сам себе. Судя по всему, его отец много работал и не сильно интересовался жизнью сына. А мать явно больше времени уделяла карьере мужа, чем воспитанию ребёнка. Правда, все эти выводы я сделала на уровне интуиции. О своих родителях Артём говорил только хорошее, гордился ими и особенно был благодарен отцу за типографию, ставшую сейчас его любимым детищем.

Вдоволь нагулявшись на природе, мы вернулись домой. Вместе приготовили себе еду, точнее разогрели то, что нашли в холодильнике, и с большим аппетитом поужинали. Казалось, все сложности и неприятности последних недель остались где-то далеко. Артём был беззаботен и весел, постоянно шутил и улыбался, чмокал меня в нос и кормил разными вкусностями прямо из своих рук.

После ужина он растопил сауну, подхватил меня на руки и отнёс вниз. Как здорово было чувствовать себя полностью свободными, не стеснёнными ничьим присутствием. Мы забросили подальше одежду и голышом курсировали между парилкой и бассейном. Прикасались друг к другу, сгорали от желания и занимались любовью в самых разных, иногда совсем не приспособленных для этого местах. Я даже не подозревала, что могу быть такой бесстыдной, с наслаждением упиваться мужским телом и дарить ему такое же удовольствие.

***

В воскресенье я проснулась одна, села на кровати и взглянула на часы. В это время дверь со скрипом приоткрылась. С испугу я быстро завернулась в одеяло, но увидела Артёма и расслабилась. Он устроился рядом, стащил с меня одеяло и стал целовать. А когда я уже почти забыла обо всём, вдруг отпустил и со вздохом произнёс:

— Чёрт, что ты со мной делаешь? Я не помню, зачем пришёл! А, мать послала меня за тобой. Она ждёт нас завтракать.

— Нееет, — простонала я и снова потянулась к нему. Ещё какое-то время мы целовались, а потом Артём придержал мои руки и хрипло пробормотал:

— Подожди, хватит... Обещаю, после завтрака я запру нашу дверь и не выпущу тебя из объятий до вечера. А сейчас пойдём. Мать жаждет тебя видеть, не хочу, чтобы она пришла сюда.

Галина Станиславовна, заметив меня, расцвела широкой улыбкой и тепло поздоровалась. Мы сели завтракать. Сегодня я наконец смогла познакомиться с домработницей, о которой рассказывал Артём — сухошавой женщиной лет сорока. Она быстро и почти бесшумно сновала с кухни в столовую, приносила и уносила тарелки и беспрекословно слушалась хозяйку.

Когда завтрак закончился, я собиралась подняться наверх, но Галина Станиславовна остановила меня и обратилась к сыну:

— Тёма, походи посмотри, у нас что-то обогрев бассейна барахлит. Я уже вызвала мастера, но вдруг ты сможешь разобраться? А Сашенька пока поможет мне убрать со стола. Не бойся, надолго я её не задержу.

Я в панике оглянулась на Колесникова. Он в ответ невинно округлил глаза и быстро ретировался, оставив меня наедине с матерью. Обречённо вздохнув, я повернулась к женщине — та довольно смотрела на меня и плотоядно улыбалась. Стол, кстати, был уже убран, а домработница исчезла. Я даже не заметила, когда её отпустили.

Галина Станиславовна, несмотря на своё заявление, никакой уборкой и не думала заниматься, а сразу приступила к допросу. На меня посыпался град вопросов о семье, личной жизни, планах на будущее и прочих вещах. Как я ни пыталась отделяться общими фразами, ей удалось вытянуть из меня достаточно подробностей.

Сопrotивлялась я не потому, что стыдилась своей семьи или собиралась что-то скрывать. Просто мне не нравилась непоколебимая уверенность женщины, что все должны делать то, чего она требует. И хотя я внутренне возмущалась, прекрасно понимала, что сил противостоять ей у меня недостаточно. Вспомнила слова Артёма, что с его матерью лучше не спорить, и немного успокоилась. Похоже, сам он тоже не способен с ней совладать.

Подумав об Артёме, я снова ощутила обиду. Не ожидала, что он так просто бросит меня на съедение. Как раз в это время он и заглянул в комнату. Заметил моё мрачное лицо, спрятал улыбку и повернулся к Галине Станиславовне:

— Мам, ну всё! Сашу я забираю, она мне нужна.

— Хорошо, сынок, — не стала спорить та, уже получив от меня всё, что хотела. — Идите, дети, отдыхайте, завтра у вас рабочий день. А я с Николаем розами займусь. Давно собиралась кое-что пересадить.

В спальне Артём сразу попытался меня обнять, но я оттолкнула его и устроилась в кресле, хмуро глядя в сторону. Он наклонился ко мне и позвал:

— Саш! Ну чего ты дуешься? Я же быстро вернулся.

— Ага, быстро! Мне показалось, прошло три часа, на столько вопросов я успела ответить. Зачем ты это сделал?

Артём засмеялся, устроился в кресле и посадил меня к себе на колени. Заглянул в глаза и серьёзно произнёс:

— Просто я вижу, ты её боишься. А я хочу, чтобы ты к ней привыкла.

Его нетерпеливые руки в это время проникли мне под футболку. Пытаясь сдержать участившееся дыхание, я прошептала:

— Зачем?

— Так надо, — пробормотал он, освобождая меня от одежды. Я хотела задать ещё вопросы, но его губы уже путешествовали по моему телу, исследуя его выпуклости и впадинки. И все мысли быстро покинули мою глупую

ГОЛОВУ.

— Со СМИ вы отлично придумали, — похвалила я Трунова, — немало крови Колесникову попортили. Вот только кредит он всё-таки получил. А это ваша недоработка!

— Слушай, по-моему ты меня переоцениваешь. Думаешь, я способен повлиять на все банки не только в нашем городе, но и в столице? Если бы это было так, я бы сидел не здесь, а где-нибудь на Гавайях, и в ус не дул.

— И всё же это даёт Колесникову передышку. А надо, чтобы земля горела у него под ногами.

— Давно хотел спросить, чем он тебе так насолил? — хмыкнул мой собеседник.

— Не ваше дело.

— Да ладно, мы же союзники. Могла бы и поделиться информацией.

— По-моему, я только и делаю, что делюсь с вами информацией.

— Слушай, Эриния... Чёрт, нет, это очень глупо, я не могу так тебя называть. Придумай другое имя.

— Хорошо, зовите меня Прасковьей.

— Ты что, издеваешься? Может, хватит уже!

— Тогда наплюйте на все имена и переходите к главному. Как нам добить типографию?

— Вот мне интересно, — Трунов продолжал испытывать моё терпение. — Тебе его вообще не жалко? Мужик работал, бизнес строил, а ты собираешься всё разрушить.

— Михаил, вы меня разочаровываете. Я считала, что подобные сантименты вам чужды.

— А чего так, я разве не человек? Вообще, я уважаю упёртых, и Колесников мне где-то даже нравится. Просто так уж получилось, что мне надо бизнес расширять.

— Вот и думайте об этом, а особенно о том, как исправить ситуацию с полученным кредитом, — отрезала я и отключилась.

Сложившееся положение меня совсем не устраивало. Я рассчитывала, что Трунов испытывает к Колесникову гораздо более сильные чувства. Что сопротивление его злит и заставляет активней искать быстрое и эффективное решение вопроса. Но из нашего разговора поняла, что Михаила эти игры больше забавляют, чем раздражают. Похоже, он просто развлекается с Колесниковым как кошка с мышкой. А для осуществления моих планов подобный расклад не подходил.

Я пыталась сообразить, как можно исправить ситуацию и привести её к нужному мне состоянию. А нужно мне было, чтобы всё это перешло из чисто деловой плоскости в личную. Чтобы Трунов всей душой возненавидел Колесникова и захотел мести. Вот тогда его поведение сразу изменится. Надо лишь придумать, как это осуществить.

Через неделю примерный план был готов, осталось проработать детали и подготовиться. Но жизнь неожиданно внесла свои коррективы. Кое-кто попытался вмешаться в мою игру со своими неуклюжими попытками. Конечно, я довольно быстро во всём разобралась и поняла, что досадное препятствие не представляет для меня опасности.

***

В понедельник я снова обедала с Аллой. Поскольку в последние дни всё свободное время я проводила с Артёмом, подруга уже жаловалась, что я совсем её забросила. И правда — пересекаясь в офисе по рабочим моментам, нам лишь изредка удавалось перекинуться парой фраз на отвлечённые темы.

Но сегодня кроме желания пообщаться, у меня была ещё одна цель. Я хотела выяснить, все ли уже знают, что мы с шефом встречаемся. Если я и питала какие-то иллюзии, то устроившись за столиком напротив подруги и встретив её многозначительный взгляд, сразу их лишилась.

— Ну что, — ехидно начала Алла, — тебя можно поздравить? Всё-таки мы с Ольгой не ошиблись. Надеюсь ты не собираешься скрывать то, что происходит между тобой и Артёмом Владимировичем? Если собираешься, должна сообщить — это абсолютно бесполезно!

— Что, все уже в курсе? — вздохнув, уточнила я.

— Ага, вторую неделю только это и обсуждают. Теперь это тема номер два, после сумасшедшего дома в типографии.

— Понятно. А кто первый нас засёк?

— Понятия не имею. Мне сначала рассказала Маша, а потом Ольга. А могла бы и сама поделиться с подругой, — слегка обиженно произнесла Алла.

— Прости! Я так не люблю обсуждать личную жизнь, ты же знаешь.

— Знаю, но всё равно надеялась услышать от тебя...

— Ну не обижайся, пожалуйста, такой уж у меня характер. Очень трудно говорить на подобные темы.

— Ладно, успокойся, я вовсе не сержусь. А вот Машка рвёт и мечет!

— Почему это?

— Ясно, ты у нас как всегда витаешь в облаках. Между прочим, все давно знают, что она к шефу неровно дышит.

— Маше нравится Артём Владимирович? — поразила я, потом удовлетворённо кивнула. — Теперь понятно, почему она со мной всегда так холодна.

— Да уж, симпатии к тебе она и раньше не испытывала, а теперь подавно!

Ещё какое-то время мы обсуждали эту тему. Слава богу, Алла не сильно мучила меня вопросами. Я старалась обходиться общими фразами и избегать подробностей наших с Артёмом отношений. А потом разговор вернулся к ситуации в типографии. Подруга возмущённо сообщила:

— Прикинь, наши доморощенные Шерлоки Холмсы вообще двинулись. Теперь пристают ко всем с древнегреческими мифами!

— С чем? — насторожилась я.

— Да с разными богами и богинями!

— Господи, это им зачем?

— Кто ж их знает? Они же не снисходят до объяснений, только вопросы дурацкие задают.

— Очень странно, — пробормотала я, уставившись в тарелку. Борясь с беспокойством, вспоминала разговор с Колесниковым об Эринии и пыталась понять, что происходит.

***

Когда я вернулась с обеда, в кабинете сидели двое ребят из службы безопасности. Взглянув на шефа, уточнила:

— Мне подождать в коридоре?

— Нет, Саш, заходи, мы уже закончили.

Я прошла к своему рабочему месту. Парни поднялись. Тот, что был ближе, кивнул на меня и обратился к Артёму:

— Кстати, её стол мы ещё не проверяли.

— И не надо, — махнул рукой шеф.

— Ну почему же, — влезла я. — Пусть смотрят, зачем делать для меня исключение?

— Как хочешь, — пожал плечами Колесников, и ребята направились в мою сторону. Я отошла к окну, чтобы им не мешать. Разглядывала улицу и с нетерпением ждала, когда осмотр закончится — на сегодня у меня было ещё полно дел. Наконец ящики задвинули, я сделала пару шагов и остановилась, внезапно ощутив тревогу. Парни стояли неподвижно, уставившись на стол.

— Артём, иди посмотри! — напряжённым голосом позвал один из них. Колесников сделал, что его просили, и перевёл недоуменный взгляд на меня:

— Что это?

Я подошла ближе и рассмотрела то, что вызвало у них такую странную реакцию. Это была красиво оформленная книга с заголовком: «Мифы и легенды Древней Греции».

— Понятия не имею, — твёрдо произнесла я. Артём нахмурился, взял книгу в руки и пролистал. Заметив что-то, остановился и развернул страницу. На ней было жирно подчёркнуто несколько строк.

— «В древнегреческой мифологии Эринии — это богини мести», — процитировал выделенный абзац Колесников и снова взглянул на меня.

— И что? — пожалала я плечами. — Причём здесь какие-то богини?

Мне никто не ответил. Парни переглянулись и снова взялись за мой стол, на это раз полностью вытаскивая ящики и вытряхивая из них всё содержимое. Артём молчал, хмуро глядя себе под ноги.

Я стояла, прислонившись к стене, и ждала, что будет дальше. У меня было чёткое ощущение, что одной книгой дело не закончится. И действительно, через несколько минут на перевернутом дне одного из ящиков обнаружился приклеенный скотчем файл. Ребята его отодрали, вытянули несколько листов бумаги и протянули Колесникову. Тот их быстро просмотрел и глухо произнёс:

— Это макеты последнего заказа. Те, что сейчас в работе...

Я даже не стала говорить, что не знаю, как они оказались в столе. Впрочем, меня никто ни о чём и не спрашивал. А один из парней обратился к шефу:

— Поехали к ней домой, посмотрим, что там.

Ко мне мы отправились на джипе службы безопасности. Артём сидел на переднем пассажирском сиденье, а я сзади, между двумя милыми плечистыми ребятами. В квартире меня посадили на диван. Колесников опустил в кресло у окна и замер там, глядя в пол.

За полтора часа трое молодых людей полностью перевернули вверх дном моё жилище, но ничего подозрительного не нашли. Я бы очень удивилась, если бы было по-другому. Всё же квартира — не офисный кабинет, чужой человек сюда так просто не попадёт.

Мои незваные гости немного пошептались друг с другом и повернулись ко мне:

— Ключи от почты давай!

Я отправилась в прихожую, вновь ощущая тревогу. В ящик я не заглядывала очень давно, потому как ничего не выписывала, а счета за коммунальные услуги оплачивала исключительно через интернет. Через несколько минут в комнату зашёл парень, держа в руках простой белый конверт.

— Вот, лежал в ящике.

Конверт открыли, и на стол посыпались банкноты. Их быстро пересчитали — всего там было тысяча двести долларов. Не очень-то большая сумма. Неужели Артём поверит, что за такие деньги я могла его предать?

Шеф всё ещё молчал. А начальник службы безопасности сел на стул напротив меня и без особого интереса уточнил:

— Ну что, давай теперь тебя послушаем. Расскажи нам свою версию.

— Извините, мне нечем вас порадовать, — я не стала тратить время на оправдания и посмотрела прямо на Колесникова.

— Артём, а ты не хочешь ничего спросить?

Он выпрямился, поднял голову и уставился мне в глаза. Холодный, напряжённый взгляд сказал мне всё, что я хотела знать. Я усмехнулась.

— Понятно! Кажется, завтра на работу могу не выходить?

— Ты правильно поняла, — ответил шеф. Встал, кивнул своим парням, и все непрошенные гости быстро покинули мою квартиру.

Пришло время снова пообщаться с Труновым, но на этот раз у меня были для него неприятные новости.

— *Здравствуйте, Михаил.*

— *О, привет! Я уже соскучился. Нравится мне с тобой беседовать, хоть до сих пор и не знаю, как тебя звать.*

— *Как раз об этом я и хотела поговорить. Только, боюсь, сегодня вам не очень понравится наша беседа.*

— *С чего это?*

Я не стала тянуть.

— *Служба безопасности Колесникова расспрашивает сотрудников о древнегреческих мифах и, в частности, об Эринии.*

— *Чёрт! — выругался Трунов и замолчал, потом зло продолжил: — Ведь я же нутром чуял что-то такое в последнее время. Найду гада — урою!*

— *Ну если всё же найдёте, выполните мою просьбу — обойдитесь, пожалуйста, без крови.*

— *Ты что, его защищаешь? Сама же можешь пострадать из-за него!*

— *Поскольку я занимаюсь тем же самым, то не испытываю к этому человеку плохих чувств. А насчёт пострадать — я знала, на что шла.*

— *Странная ты. И не приравнивай себя к всякой швали! Я же чувствую — ты идейная. А идейных я уважаю.*

— *Может, он тоже идейный.*

— *Там посмотрим. Скоро он поделится со мной всеми своими идеями... — угроза в голосе моего собеседника ни капли не ушла.*

— *Михаил, я серьёзно. Если хотите продолжать со мной сотрудничество, пообещайте выполнить просьбу.*

— *Ладно, обещаю, — довольно быстро согласился он. Я даже удивилась — рассчитывала, что уговаривать его придётся значительно дольше. Мы ещё немного обсудили наши дела, и я попрощалась.*

***

Пару дней я безвылазно просидела дома и потратила их на обдумывание всего, что произошло. Напрягала голову не напрасно, к концу второго дня у меня появилась версия. Потом я позвонила Алле и пригласила её в гости. Вечером после работы она прибыла с пакетом фруктов и банкой мёда. Прошла на кухню, выложила свои подарки на стол и включила чайник.

— Ну что, давай, буду тебя лечить. Что у тебя болит: горло?

— Вообще-то, ничего, — удивилась я.

— Как это? Шеф сказал, что ты на больничном. А чего тогда на работу не ходишь?

— Вот как, Артём сообщил, что я больна? Интересно!

Алла наконец что-то почувствовала и, хмурясь, присмотрелась ко мне.

— Саша, что происходит? Ты меня пугаешь!

— Ещё даже не начала. Лучше расскажи, что нового в офисе?

— Да вроде, всё как обычно. Ну, то есть, всё тот же бардак! Единственное, шеф, кажется, совсем озверел. Второй день бросается на людей. Ольгу чуть ли не до слёз довёл. Главный бухгалтер на больничный смоталась, у неё давление подскочило. А юристы вообще заперлись у себя и сказали, что им мешают работать. Жалко, что тебя нет — некому привести Артёма Владимировича в чувство! Так что случилось, а?

— Ничего особенного. Похоже, меня уволили.

— За что? — ахнула Алла.

— За то, что в моём столе нашли книгу о мифах древней Греции. Ну и ещё кое-что.

— Господи, опять эти мифы! Объясни понятней, я так с ума сойду!

— А что объяснять? Ты же сама говорила, до объяснений к нам никто не снисходит. Так что я тоже ничего не понимаю.

— Подожди, ну Колесников-то тебе хоть что-то сказал?

— Нет.

— Как это? Просто уволил и всё?

— Вот именно.

— Кошмар! А ты сама что думаешь?

— Думаю — эти мифы как-то связаны с последними событиями в типографии. А ещё думаю, кто-то воспользовался ими и подставил меня. Я должна понять, кто это, и здесь понадобится твоя помощь.

Алла схватилась за грудь и округлила глаза.

— Ничего себе! Кто же это гад? Саша, конечно, я готова помочь! А что надо делать?

— Пока просто вспомнить: может, ты заметила что-нибудь необычное? Например, как кто-то заглядывал в наш кабинет или печатный цех в неурочное время?

Подруга задумалась, напряжённо хмурия брови, потом покачала головой.

— Даже не знаю. Вроде бы ничего такого не было. Послушай, ты считаешь, это тот самый человек, которого ищет служба безопасности?

— Не обязательно. Это может быть любой, кто решил использовать ситуацию в своих целях.

— В каких?

— Ну, если бы я знала, сразу бы поняла, кто он. Правда, есть у меня одно предположение, и я хочу, чтобы ты его проверила.

Я поделилась с Аллой своими мыслями, и мы определили, что она попытается сделать. Но перед тем, как расстаться, надо было донести до неё кое-что, о чём она, похоже, не подумала.

— Алл, послушай меня. Ты должна ясно представлять себе, что происходит. Шеф считает меня тем человеком, который хочет погубить его типографию. А значит, все, кто со мной общаются, автоматически попадают под подозрение. Понимаешь, что тебя тоже могут уволить? Если эта работа для тебя очень важна, я придумаю что-нибудь другое. И абсолютно не обижусь.

Подруга нахмурилась, помолчала немного и ответила:

— Да пошли они! Я и сама думала уходить, разве не помнишь? И даже справки наводила на всякий случай. Так что, если что — не пропаду. А вот от шефа я такого не ожидала. Как роман крутить — пожалуйста, а как возникли подозрения — и разбираться не стал!

— Ну, я ж точно не знаю, что он делает. Может и пытается разобраться. Вот зачем-то всем сказал про больничный, а не про увольнение.

— Ага! Сначала уволил, а потом будет разбираться? Замечательно! А ты его ещё выгораживаешь.

— Да не выгораживаю, — тихо произнесла я. Хотела сказать спокойно, но голос всё же дрогнул. Алла быстро взглянула на меня и вздохнула.

— Ничего, Саш, не переживай. Мы справимся. Две бабы — это знаешь какая сила! Думаю, всё обойдётся, и этот гад будет ещё перед тобой извиняться.

***

Алла звонила мне каждый вечер после работы. Подруга вела наблюдение за объектом и чувствовала себя почти разведчицей в тылу врага.

— Саш, а знаешь, в нашей конторе что-то странное происходит. Колесников ведь никому ничего не рассказал, а я вижу — люди что-то подозревают. Вчера меня Ольга долго расспрашивала о тебе. А сегодня ещё несколько человек подходило и интересовалось, причём очень настороженно. И многие передают тебе приветы. Так что не падай духом!

Что ж, я и не падала. Просто сидела дома и никуда особо не выбиралась, разве что в магазин за продуктами. А не выбиралась потому, что мне не нравилось болтаться по городу в сопровождении хвоста. Да, за мной, почти не скрываясь, следили. Я засекала их ещё в самый первый день, когда вышла немного прогуляться, чтобы снять нервное напряжение. И сейчас неприметная машина стояла в глубине моего двора, в очень удобном для обзора месте.

За прошедшие дни Артём ни разу не позвонил. Похоже, он легко вычеркнул меня из своей жизни. Мне было совсем не так легко. Но я пообещала себе не думать о нём и старательно выполняла обещание. Чтобы немного отвлечься, я даже добровольно ходила в гости к соседке. В данном случае Ленка идеально подходила для моих целей, потому что была из тех людей, которым требуется не собеседник, а слушатель.

Вот я и слушала, активно изображая на лице интерес. Правда, уже через полчаса полностью потеряла нить повествования и перестала что-либо понимать в хитросплетениях её отношений с противоположным полом. Видимо, для этого у меня не хватало ума.

Высидев полтора часа на захлавленной кухне, я поймала себя на том, что мой мозг полностью отключился и уже не воспринимает эмоциональную Ленкину речь. И решила, что на сегодня хватит. Вслушалась в её слова, чтобы поймать паузу и попрощаться, и вдруг напряглась.

Соседка обсуждала уже не свою бурную личную жизнь, а всех вокруг. В данный момент она перемывала косточки новой почтальонше.

— Вот как ей только не тяжело таскаться с газетами на каблуках? Вся такая накрашенная, модно одетая, в светлом плаще. В таком виде только и шастать по нашим подъездам. А сегодня я встретила с бабой Надей — нашей старой почтальоншей. И спрашиваю: «Где вы только эту новенькую взяли? Иногородняя, что ли? Чего она к вам работать пошла?» Так прикинь, баба Надя говорит, что никого они не брали. Интересно, кого же я тогда видела?

— Лена, подожди! — остановила я неконтролируемый поток слов. — Давай-ка ещё раз и подробно: что это за

новая почтальонша? Когда ты её видела, и что она делала?

Соседка изумлённо уставилась на меня, видимо не ожидала такой реакции на свои слова. Потом наморщила лоб, почесала голову и назвала дату: это было за несколько дней до обыска в моей квартире.

— Так ничего особенного она не делала. Просто кидала конверты в почтовые ящики.

— И много конвертов кидала?

— Ну... не знаю. Когда я из лифта вышла, у неё в руках только один остался. Она его бросила и всё.

— А в чей конкретно ящик эта женщина положила конверт, ты помнишь?

— Ну, в твой как раз и положила, по-моему. А какая разница?

— Так, отлично! А теперь опиши её подробней.

— Да что такое-то? Зачем она тебе? — возмутилась соседка.

— Лена, все объяснения потом. Давай, вспоминай! — не отступала я.

— Да нечего вспоминать. Она ещё так стояла, спиной ко мне, и голову в сторону повернула — я её лица не разглядела. Только одежду: длинный светлый плащ и яркий зелёный платок. И ещё сумка красивая такая, замшевая бежевая.

Я поднялась, приобняла Ленку за шею и смачно чмокнула в щёку. Она вытаращила глаза и замолчала. Пользуясь возникшей паузой, я быстро покинула её квартиру.

В тот же вечер Алла жаловалась мне по телефону:

— Саш, я больше не могу! Смотрю на неё, и меня прямо всю выворачивает. И ведь как она Колесникова обхаживает! То пирожки из столовой притащит, то кофе. Всё время рядом с его кабинетом шастает. Извини, пожалуйста, но я сегодня не сдержалась, когда это в очередной раз увидела. Прямо так при шефе и заявила: «Вот значит как, только Саша на больничный попала, а ты тут уже подолом крутишь?»

— И что она? — поинтересовалась я.

— А она вся покраснела и зыркнула на меня с такой злобой! А Артём Владимирович нахмурился и так внимательно на неё посмотрел. Только она быстро сбежала. Саш, я ничего не испортила?

— Не переживай, всё хорошо. Думаю, теперь и они ей заинтересуются. Может, что и накопают.

— Правда? Ну, слава богу, а то я весь день себя ругала, что сорвалась.

В институте я училась на отлично, а кафедра уголовного права стала моей любимой. Я знала там всех преподавателей и со всеми имела хорошие отношения. В своей группе я сначала аккуратно присматривалась к однокурсникам, а потом выбрала из них самых, на мой взгляд, перспективных. То есть тех, кто легче всего поддавался психологическому манипулированию. Вот с ними я и подружилась.

На третьем курсе случилось то, ради чего я поступила в этот институт. У меня появился шанс увидеть реальное уголовное дело об аварии, хранящееся в архивах суда. Мы писали большую курсовую работу по судебной практике, и я решила рискнуть. Сначала выбрала тему, для выполнения которой нужно было получить доступ к архивам. А потом, чтобы не светиться самой, аккуратно подвела к похожему решению двух своих однокурсников.

В результате, каждый из них считал, что сам определил тему своей курсовой, и только я одна знала правду — сколько мне пришлось для этого потрудиться. А ещё убедить их, что лишь с моей бескорыстной помощью они смогут справиться со своими заданиями.

Благодаря отличным отношениям с преподавателями мы легко получили нужные допуски и отправились в архив. У каждого был список своих дел. То, которое жаждала увидеть я, числилось за моей подругой. Еле сдерживая дрожь нетерпения, часа полтора я занималась своей работой, и лишь потом «решила» помочь подрузке и стала просматривать её материалы.

Никто не знает, чего мне стоило сохранить хладнокровное выражение лица, когда я взяла в руки не очень толстую бумажную папку. Сначала я собиралась изучить её прямо там, в архиве, но открыв первую страницу, поняла, что не выдержу.

Конечно же, я подготовилась к такому повороту — заранее приобрела специальную шпионскую ручку со встроенной микрофотокамерой. Через полчаса все страницы уголовного дела были пересняты. Тогда я отложила папку в сторону, сообщив подрузе, что это дело не имеет перспективы и нам не подходит, и взялась за другое.

Лишь дома, спустя несколько дней, дождавшись, когда родители надолго уйдут по своим делам, я смогла заняться изучением отснятых материалов. Медленно, не спеша, просматривала каждую страницу, досконально вчитываясь в экспертизы и допросы.

Дело это оказалось очень странным, состоящим из небольшого количества отдельных материалов, которые не только не создавали общую картину, а ещё большие её запутывали, потому что часть из них противоречили друг другу.

Из экспертиз присутствовала лишь государственная, которая сообщала, что наша машина ехала по разделительной полосе, а Колесников — по своей. Ни одно из независимых исследований, проведённых Союзом автомобилистов, приложено не было. Но зато присутствовало освидетельствование шофёра Колесникова на наличие алкоголя в крови — с отрицательным результатом.

Меня очень удивило, что из свидетелей аварии было допрошено всего два человека. Хотя я отлично помнила, что не меньше шести водителей, остановившихся рядом с нами, пытались заблокировать автомобиль Колесникова и обвиняли его в трагедии. Один из опрошенных как раз утверждал, что своими глазами видел несущийся по встречной с огромной скоростью внедорожник Колесникова. Зато другой сообщал ровно противоположное и называл моего отца виновником происшествия. Я записала себе фамилии и адреса обоих этих свидетелей.

Очень внимательно я изучила слова самого Владимира Колесникова. Его допрашивали исключительно корректно, не пытались поймать на лжи, не давили и не замечали явные противоречия. Он сообщил, что ехал из загородного дома на работу и дремал на заднем сиденье. Сам момент аварии проспал, услышал только крик водителя: «Куда ты прёшь?!», а потом почувствовал удар. И ещё пожаловался, что от столкновения он сильно пострадал, приложив справку из какого-то ведомственного медучреждения о синяках и ушибах.

Как только следователи попытались уточнить конкретные детали и временные рамки событий, чтобы выстроить картину того дня, Колесников сразу начал путаться и постоянно менять показания. И пытался списать это на стресс и ушиб головы. В результате его просто оставили в покое.

Сохранился в деле и допрос шофёра. Его данные я тоже записала себе в блокнот. Дядька был ещё более немногословен: ехал по своей полосе, увидел несущуюся навстречу машину, попытался отвернуть и не смог. И на любой дополнительный вопрос: не помню, не заметил, забыл.

А напоследок, чтобы ещё больше всё запутать, прилагались странные, непонятно каким образом затесавшиеся сюда, показания друга шофёра. Этот человек категорично утверждал, что в то самое время, когда произошла авария, видел своего друга на заправочной станции за рулём совсем другой машины в двадцати километрах от места происшествия. Его фамилию и адрес я тоже переписала.

Последней бумажкой в деле было постановление о его прекращении. А самое интересное — я не нашла ни одной фотографии с места происшествия. Вообще ни одной — и просто не понимала, как такое возможно. Даже

протокол осмотра, который должны были составить сотрудники полиции, отсутствовал.

***

Прошла ещё неделя, и неприметная машина исчезла из моего двора. А наутро раздался звонок. Увидев в глазок Колесникова, я не удивилась — как раз этого и ждала. Распахнула дверь, посторонилась и жестом пригласила его войти.

Шеф шагнул в прихожую, глянул искоса и, пробормотав приветствие, прошёл в комнату. Сел там на диван и некоторое время молчал, хмуря брови и потирая подбородок. Я устроилась в кресле, давая ему время собраться с мыслями. Наконец он вздохнул, поднял на меня глаза и покачал головой.

— Да, дурак я, оказывается. Всё так банально, а я купился, как мальчишка! Она уже во всём призналась. Алла тебе рассказала?

— Ещё нет.

Артём поморщился и с явной досадой продолжил:

— Это Маша Кротова из юротдела. Она ревновала меня к тебе и попыталась таким способом убрать соперницу — идиотка! Эту несчастную книгу сама купила, а макеты позаимствовала в печатном цеху, — он немного подождал, поглядывая на меня, я продолжала спокойно изучать ковёр. Тогда он тихо спросил: — Ничего не скажешь?

— Скажу. Моя соседка видела, как Маша подбрасывала конверт в почтовый ящик. Лица её не разглядела, а одежду хорошо запомнила. Можете с ней поговорить.

Колесиков махнул рукой.

— Знаешь, что самое интересное? Нам подкинули фотографии. Кротову засняли в кафе с каким-то мужиком, которому она отдавала деньги. Ребята с ним уже пообщались. Это её бывший муж, у которого она две недели назад заняла ровно тысячу двести долларов. И понемногу возвращала.

Информация меня заинтересовала, я уточнила:

— Кто её заснял, узнали?

— Нет.

— Странно...

— Точно! Похоже, у тебя появился доброжелатель.

— Если и так, я не знаю, кто он. Надеюсь, ты пришёл сюда не за этим?

Он резко качнул головой, пристально уставился мне в глаза и попросил напряжённым тоном:

— Прости! Я виноват перед тобой.

— Да ладно, я всё понимаю. Теперь могу написать заявление об уходе?

— Ты хочешь уйти?

— А у меня есть выбор?

— Конечно! Я всем сказал, что ты на больничном. Можешь хоть завтра возвращаться в типографию.

— Вряд ли нам будет приятно работать вместе и дальше.

Колесников поднялся с дивана, присел передо мной на корточки и взял мои руки в свои.

— Саш, ты не можешь меня простить, да?

— Ну почему же? Думаю, что смогу, — холодно ответила я, отнимая руки.

— Ясно, — он прошёлся по комнате, остановился у окна и, не поворачивая головы, глухо произнёс: — Я скучал по тебе все эти дни. Сам себя ругал и всё равно скучал, — потом развернулся и спросил: — Что мне сделать, чтобы ты забыла всё это? Чтобы простила по-настоящему?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею... Для начала хотя бы расскажи, что это вообще за странности с древними мифами и богинями мести?

Артём немного оживился и согласно кивнул.

— Хорошо, конечно! Когда я понял, что дело серьёзно, и Трунов не оставит меня в покое, предпринял кое-какие шаги. Есть в его окружении один человек, к которому я мог обратиться за информацией — у нас с ним старые долги. Мы встретились, и он обещал помочь, но там всё оказалось глухо. О том, кто работает в паре с Труновым с нашей стороны, известно только самому Михаилу. И единственное, что смог выяснить мой человек — Трунов в последнее время очень активно интересовался этими мифами и именем Эриния. Вот и всё.

— Да, негусто. Я тут тоже покопалась в интернете, пока была свободна... В основном, конечно, там всякая ерунда. По-моему только одно заслуживает внимания.

— Что же?

— То, что Эриния — богиня мести. Месть это очень определённо и очень конкретно! И понятно, в какую сторону смотреть. Думаю, ты уже пытался вспомнить, кому наступил на хвост.

— Пытался. На самом деле я со многими расставался не лучшим образом. Но чтобы человек мечтал меня

уничтожить, таких, кажется, нет. Да и если честно, я считаю, что дело банально в деньгах. Трунов просто хорошо платит за помощь.

— А причём тут тогда Эриния?

Колесников неопределённо пожал плечами. Я встала.

— Что ж, твоя позиция понятна. Думаю, ты ошибаешься, но в любом случае — это твоё дело. Ладно, тебе пора.

Он быстро шагнул ко мне, взял за плечи и попытался обнять.

— Руки убери, — тихо, но твёрдо произнесла я. Артём заглянул мне в глаза и отступил.

— Хорошо, пусть будет, как ты хочешь, — у входной двери притормозил и повернулся ко мне: — Ты вернёшься в офис? — я не ответила. Он немного помолчал, потом произнёс: — В общем, жду тебя завтра как обычно, — и ушёл.

Следующим утром я приехала на работу в то же время, что и всегда. Зашла в кабинет шефа и вздрогнула — он уже сидел за своим столом. Увидел меня и резко поднялся. Дёрнулся, будто хотел подойти. Но всё же остался на месте и снова сел. Глянул исподлобья, пробормотал:

— Рад тебя видеть... — оборвал себя и продолжил деловым тоном: — Саша, посмотри отчёты бухгалтерии и сделай мне справку. Через час у нас летучка с отделом по работе с клиентами.

Я очень быстро погрузилась в рутинные дела, словно и не было никакого перерыва. Конечно, неловкость между мной и Колесниковым присутствовала, но я постаралась не обращать на неё внимание. Артём тоже вёл себя сдержанно, как будто мы вернулись в самое начало нашей совместной работы.

Но было кое-что, чего я не ожидала и теперь удивлялась. Похоже, Алла оказалась права — сотрудники типографии о чём-то догадывались. Узнав, что я вернулась, подходили и тихонько поздравляли. Ничего определённого не говорили, но явно выражали свою радость. Я даже почувствовала угрызения совести — ведь раньше совсем не рассчитывала на них и вообще не принимала во внимание. По большому счёту, я и в Алле сомневалась, не знала точно, как она себя поведёт.

Подруга прибежала в обед, крепко обняла меня и потащила в кафе. Я горячо поблагодарила её за помощь и за то, что не побоялась поддержать меня в такой сложный момент. Алла была очень довольна и гордилась, что приложила руку к моему возвращению.

— Нет, ну какая же Машка стерва оказалась! Даже денег не пожалела, чтобы тебя подставить. А я-то с ней возилась, жалела её. Думала, не везёт человеку. С первым мужем не получилось. Потом вот, в Колесникова влюбилась, а тот в её сторону даже не смотрел. Когда у вас всё закрутилось, я видела, как она переживает, хотела её поддержать. А она вон что задумала!

— Ладно, Алл, ну её. Не хочу о ней больше вспоминать.

— Хорошо. А что у вас с Артёмом Владимировичем? Помирились?

— Да мы с ним вроде и не ссорились... — ответила я, глядя в стол.

— Ясно, — кивнула подружка. — Значит, ты его не простила. Ну и поделом! Сам виноват. Помнишь, я говорила, что он ещё будет прощения у тебя просить. Вот пускай теперь помучается!

Через пару дней я стояла в коридоре у стены и беседовала с Алексеем — менеджером из клиентского отдела. Мы обсуждали рабочие моменты, как вдруг во время паузы парень дотронулся до моей руки и произнёс с улыбкой:

— Рад, что ты вернулась! С тобой всегда так легко решать любые вопросы. И очень приятно общаться.

Я смутилась и тоже улыбнулась ему, даже не зная, что сказать в ответ.

— Саша! — неожиданный громкий возглас шефа заставил меня вздрогнуть и обернуться. Колесников стоял недалеко с мрачным выражением лица и гипнотизировал меня взглядом.

— Что такое, Артём Владимирович?

— Пойдём, нам пора ехать на переговоры.

Я попрощалась с Алексеем и подошла к Колесникову. Тот, недовольно хмурясь, проворчал:

— Жду, жду, а тебя нет. Болтаешь с кем попало вместо работы.

— Артём Владимирович, — усмехнулась я, — вы же сами назначили время отъезда. Ещё двадцать минут осталось.

— Какая разница, если я уже готов, — раздражённо произнёс он, начисто отменяя логику. Раньше я за ним такого не наблюдала.

В машине шеф продолжал злиться, правда, уже не на меня, а на всё вокруг. И опять я удивлялась. Обычно он умел брать себя в руки и не демонстрировать плохого настроения, но сейчас почему-то срывался.

Мы уже почти доехали, когда у Колесникова зазвонил телефон. Он взглянул на экран, нахмурился и притормозил у обочины. Я сидела рядом и с тревогой слушала отрывочные реплики:

— Да, что случилось?... Что?... Чёрт, с тобой всё в порядке?... Тебе надо немедленно уехать!.. Он не оставит это просто так, ты же понимаешь?... Странно, ты уверен?... Ну хорошо, смотри сам... Прости, что так получилось. Кажется, теперь я твой должник... Если будет нужна помощь, сразу звони.

Артём отключил телефон, откинулся на спинку сиденья и уставился в пространство. Я не выдержала:

— Кто это? Что произошло?

Шеф перевёл на меня взгляд и ответил:

— Это тот самый человек из команды Трунова, что мне помогал. Они его вычислили!

— Господи, ему ничего не сделали?

— Как ни странно, только угрожали, но не тронули. Просто велели убираться подальше.

— Артём, к сожалению, здесь нет ничего удивительного. Ведь твоя служба безопасности задавала вопросы о

богине мщения всем подряд. Конечно, это дошло и до того, кто заварил эту кашу, а от него — к Трунову. Хорошо ещё, что твоего знакомого не покалечили. Наверное, ему действительно лучше уехать куда-нибудь.

— Я так и посоветовал. Надеюсь, он послушает.

Я решила провести следствие сама. Конечно, я прекрасно отдавала себе отчёт, что через столько лет шансов на удачный исход очень мало, но меня это не смущало. Сколько бы шансов ни осталось, я должна использовать их все до последнего. Для начала в переходе метро я приобрела журналистское удостоверение, вписала туда выдуманную фамилию и вклеила своё фото.

Первым в моём списке значился Городской Союз автомобилистов. Я потратила время на изучение его сайта, залезла в архивы и узнала, кто был председателем Союза в нужном мне году. Свой пост этот человек освободил девять лет назад, скорее всего, сейчас он уже на пенсии. А значит, свободен от обязательств и, вполне возможно, согласится пообщаться.

Я вооружилась телефоном и стала названивать по всем номерам, указанным на сайте. Говорила, что готовлю большой ретроспективный материал по громким судебным делам, в которых участвовал Союз автомобилистов, и просила контакты тех, кто может помочь в работе над статьёй.

Увлечение психологией не прошло даром — я хорошо знала, как надо строить разговор, чтобы добиваться поставленных целей. Через некоторое время в моём блокноте был уже внушительный список телефонов. А среди них как раз тот, что я искала.

Я позвонила в тот же вечер, снова рассказала про статью и попросила о встрече. Ещё во время разговора поняла, что мне повезло. Судя по манере общения, шуткам и многословности, мне попался любитель поговорить. В общем, просто подарок! И действительно, мужчина легко согласился встретиться уже на следующий день.

Мы пересеклись в скверике в центре города. Бывший председатель Союза автомобилистов оказался невысоким сухопарым дядечкой, вполне ещё бодрым и активным. Он не стал садиться на лавочку, а прохаживался со мной по аллеям, с удовольствием предаваясь воспоминаниям и энергично жестикулируя.

Конечно, я тщательно подготовилась к разговору. Просмотрела и изучила все вызвавшие общественный резонанс дела, случившиеся в период его работы главой Союза. И начала именно с них, внимательно слушая и записывая на диктофон его комментарии. И только ближе к концу затронула нужную мне тему.

Дядечка легко вспомнил те события. Вообще память у него была отменная, и политкорректностью он явно не страдал — прямо говорил то, что думал.

— Да уж, это дело оказалось нам не по зубам. А мы очень старались сделать его публичным, постоянно запросы в прокуратуру писали, статьи в газеты. Но его всё равно потом закрыли.

— А каково ваше мнение: кто там был виноват?

— Ну вообще-то, мы проводили собственное расследование. Опрашивали свидетелей, делали независимые экспертизы. И в результате однозначно установили, что ДТП устроила машина Колесникова.

— Значит, с очевидцами вы тоже разговаривали? И много их было?

— Точное число я уже не помню, но не меньше десятка. И все как один утверждали, что на встречную выехал внедорожник.

— А я читала, что официальных свидетелей по делу проходило только двое. Куда же делись остальные?

— А показания остальных просто не стали приобщать к делу. Там сразу чехарда со свидетелями началась. Вначале все они были готовы помочь следствию, а дальше на них стали давить, запугивать. Нам несколько человек пожаловалось на угрозы, мы даже писали очередной запрос прокурору. А потом у кого-то из свидетелей машину сожгли, вот остальные и притихли.

— Понятно. А что с тем очевидцем, который, как я читала в газетах, обвинял погибшего водителя? С ним вы беседовали?

— Нет, он отказался с нами общаться. Но его показания, на которые ссылалось следствие, проверяли наши эксперты и нашли в них много нестыковок.

— Я думаю, главный вопрос в этом деле — кто всё же сидел за рулём внедорожника? Какое мнение по этому поводу было у Союза автомобилистов?

— Да, вопрос главный, но очень сложный. На него мы однозначно ответить не смогли. Конечно, ни Колесников, ни его шофёр с нами беседовать не стали. Но зато к нам приходил знакомый шофёра, который утверждал, что видел его во время ДТП в другом месте — на заправке. Вот этот вариант мы проверяли. Даже договорились с заправочной станцией, что они дадут посмотреть записи со своих камер наблюдения. Приехали, а нам говорят: «Простите, произошла накладка, записи испорчены и восстановлению не подлежат». Вот так!

— А что сейчас с этим шофёром, не знаете случайно? Как вообще сложилась его судьба?

— Что сейчас — не знаю. Тогда о нём много писали и говорили, а потом он, кажется, куда-то пропал.

— А квартиру после аварии его сын действительно получил?

— Да, получил. Мы тоже сначала ухватились за этот факт, но выжать из него ничего не смогли. Всё было

по закону. Их семья давно стояла в очереди на жильё, и эта очередь уже подходила. Другой вопрос — ждать ордера они могли ещё не один год, так что наверняка их кто-то протолкнул. Но это нужно было доказывать, а мы такими возможностями не обладали.

— Изучая материалы в газетах, несколько раз я встречала упоминания о таинственном алиби самого Колесникова на момент аварии. Но прямо его ни разу не озвучили. Что это было?

— Да обычные придумки жёлтой прессы! Колесников, насколько я помню, ни о каком алиби не заявлял. И вообще, всю эту историю практически не комментировал. Наши представители общались с одним из тех журналистов, пытаясь узнать что-нибудь конкретное, но ничего полезного из него не вытянули.

— Ясно. Ещё писали, что на месте аварии было две машины то ли с охраной Колесникова, то ли с кем-то другим. Про них что-нибудь удалось узнать? Откуда они вообще взялись?

— Да было что-то такое. Одна, по-моему, сразу за внедорожником ехала, как раз с охранниками. А вторая — та самая, которую видел на заправке знакомый шофёра. Она подъехала позже. Вполне возможно, что шофёра просто вызвали к месту ДТП и договорились о подмене. Но доказать это мы не смогли. Впрочем, наши выводы с том, что столкновение спровоцировал внедорожник, всё равно не приняли во внимание, хотя мы все собранные материалы отправили в МВД. Кстати, решение о закрытии дела Союз автомобилистов тоже обжаловал в суде, но нам отказали.

***

Наступившие выходные я провела дома одна. Алла звала меня прогуляться, но я отказалась. Почему-то хотелось побыть в тишине и подумать. Устроившись на диване с чашкой чая, я предвкушала спокойный, расслабленный отдых.

Но воплотить уютную картину в жизнь мешали звонки шефа. За два дня он домогался меня трижды и каждый раз, начиная с деловых вопросов, плавно переходил на личные. Интересовался, где я нахожусь, что делаю, какое у меня настроение. И хотя я отвечала довольно сухо, не смущался, а продолжал, всюю используя запрещённые приёмы.

— За окном отличная погода, может, съездим в мой загородный дом? Просто как друзья, проветришься немного?

— Спасибо за заботу, не стоит.

— Мама постоянно спрашивает о тебе. Ругает, что я тебя не привожу.

— Ну придумай что-нибудь. А лучше скажи ей правду.

— Какую правду? Если бы я сам её знал...

— А ты и знаешь! — возмутилась я и отключилась. Артём сразу же перезвонил, но я бросила телефон на диван и накрыла его подушкой.

В понедельник я немного задержалась, выполняя поручение шефа. Подошла к кабинету и услышала громкие голоса. Похоже, Колесников уже кого-то отчитывал. Я завернула к Ольге, она кивнула мне и покачала головой.

— Привет. У нас опять ЧП! Да когда же это закончится? Как раньше было хорошо — тихо, мирно, спокойно. И самый страшный прокол — если шеф застучает меня за пасьянсом. А сейчас что ни день — жди новых бед!

— Что случилось? — прервала я милые воспоминания.

— Снова сорван тираж, вот что! На следующей неделе уже должны были отправлять заказчику. А сегодня выяснилось — всё это время использовали некачественную бумагу. Не той плотности. А помощника главного технолога, что за этим следил, не могут нигде найти.

— Как это?

— Главный технолог приболел и оставил его за себя — и ведь не первый раз. Вернулся на работу — помощника нет, а в станки подаётся не та бумага.

— Понятно, — я потянулась к двери кабинета. Но она сама распахнулась, и мне навстречу вышел разъярённый Артём. За ним плёлся бледный главный технолог, прижимая руку к груди и бормоча:

— Виноват, Артём Владимирович... не доглядел... я ж его пять лет знаю, как же так...

— Да так! Сейчас любой на своём месте должен быть предельно бдительным. Иначе придётся у каждого станка охрану ставить. Ты понимаешь, что значит заново перепечатывать тираж? У нас нет на это денег!

— Я понимаю... — шелестел несчастный технолог.

— Всё, ты уволен! — отрезал шеф. Я выразительно взглянула на него и кивнула в сторону кабинета. Артём поморщился, но вернулся обратно. Я зашла за ним и тщательно прикрыла дверь.

— Может, не стоит пороть горячку? Разве ты не в курсе, сколько людей уже уволено по разным поводам, показавшимся подозрительным твоим сыщикам. Совсем скоро мы начнём испытывать нехватку персонала, и придётся брать первых попавшихся. А это ещё хуже. Наш главный технолог слишком опытный, чтобы разбрасываться такими кадрами.

Колесников сел за стол и покачал головой.

— Я устал! Ну не могу я сам стоять рядом с каждым работником и следить, чтобы всё было хорошо.

— Что с помощником? Его нашли?

— Нет. Ищут.

— Тем более, не стоит выгонять ещё и технолога.

— Ладно, скажи ему...

Я кивнула и пошла успокаивать мужчину. Весь этот день прошёл в тяжёлой атмосфере. Весть о прошедшей буре облетела офис, и сотрудники опасались ходить мимо кабинета шефа, чтобы случайно не попасться ему на глаза. А к вечеру стало ещё интереснее.

Вернулась служба безопасности с тревожными результатами. Помощник технолога просто исчез. Домой не приезжал, родители ничего не знают, девушка тоже. Единственное, что смогли вычислить — вместе с парнем пропал и его загранпаспорт. Ну а дальше выяснили, что у него было полно долгов, и накануне своего внезапного исчезновения с большинством заёмщиков он расплатился.

Артёма эта информация взбесила.

— Ты понимаешь, что эта тварь делает? Он уже напрямую скупает моих сотрудников и склоняет к диверсии!

— Ты о Трунове?

— О ком же ещё? Это надо остановить!

— Как?

— Не знаю, но я придумаю.

— А пока придумай, что будем говорить заказчику. Я считаю, стоит отказаться от работы и выплатить неустойку.

— Нет. Я обещал, значит, выполню заказ.

— Артём, подумай! Штрафы обойдутся нам меньшей кровью, чем полностью новый тираж за свой счёт. К тому же всё равно придётся платить за просрочку.

— Я же сказал, мы это сделаем!

— А деньги где возьмём? Тебе и прошлый кредит еле дали.

— Я знаю где. Мне уже предлагали хорошую сумму под обеспечение загородным домом. Тогда я не согласился, а сейчас готов на это пойти.

— Ты сошёл с ума?

Но шеф упёрся и не желал слушать разумных возражений. Мне еле-еле удалось узнать, что за контора предлагает кредит. И уговорить проверить через службу безопасности, не связана ли она с Труновым. Это было всё, на что Артём согласился.

— Здравствуйте, Михаил.

— Привет. Рад слышать! Поздравляю с ещё одной удачно завершённой операцией.

— Спасибо. Тогда примите и мои поздравления — с мальчишкой вы поработали как надо.

— Благодаря тебе! Сама же подсказала слабое звено, и на чём его можно взять.

— И вы как всегда успешно справились.

— Не находишь, мы отличная команда! — бодро произнёс Трунов. Я не стала отвечать на этот пассаж, и он крадучиво продолжил: — Думаешь, шучу? А если серьёзно? Наблюдаю за твоей работой и удивляюсь. Ни одного прокола, информация всегда верна. Каюсь, сначала я её перепроверял, ну, то, что мог. И быстро убедился — всё точно! Знаешь, что мне интересно: как тебе люди душу изливают? Чем ты их берёшь? Может, потом поделишься? А пока делаю тебе официальное предложение — как закончим с этим делом и встретимся, приглашаю тебя в свою команду.

Я засмеялась, а он, похоже, обиделся.

— Не веришь? Зря! Я своё слово на ветер не бросаю. И назад не беру.

— Михаил, по-моему, вы не о том думаете. Сейчас у нас определённая задача, и она пока не решена.

— С типографией всё идёт как надо, не беспокойся. И это не мешает мне думать о другом. Например, хочешь знать, какие выводы я сделал? Твоё отношение к Колесникову основано на чём-то личном и очень сильном. Я тут покопался в его биографии, но ничего такого интересного не обнаружил. С девками своими он, конечно, не церемонился. Но я чувствую — это не то. У тебя сильнее горит! И вот что решил: может, это его отец? Имел я когда-то сомнительное удовольствие его знать и ответственно заявляю — редкостный гад! Если папаше что-то надо было, не задумываясь проходил по чужим головам. Сынок против него — слабак!

Нет, так просто меня не поймать, не зря же я готовилась столько лет. Мой пульс ни на секунду не участился, а голова осталась такой же холодной и трезвой. Сейчас самое главное — выбрать правильный тон. Лёгкая досада и ничего больше. Его поиски для меня не опасны — вот что должно слышаться за моими словами.

— Михаил, не могу вам запретить развлекаться, потому что удовлетворять ваше любопытство не собираюсь. Но всё же рискну напомнить: дело прежде всего! Кстати, последняя акция разозлила Колесникова всерьёз. Думаю, он может что-нибудь предпринять.

— Да ладно, пытался уже, только руки коротки!

— И всё же не стоит недооценивать противника, особенно, загнанного в угол. Да ещё с такой, как вы сами утверждаете, наследственностью. Вы, наверное, слышали, в следующие выходные открывается новый загородный клуб «Просперо», Колесникову уже прислали приглашение. Я считаю, вам не стоит туда ходить.

— Это ещё почему? Меня тоже пригласили.

— Я же сказала, мало ли что придёт в голову человеку в отчаянном положении.

— Не понял, ты за меня боишься, что ли? — хмыкнул Трунов.

— Как за партнёра, да. Совершенно не хочу тратить время на поиски нового.

— Слушай, ты всерьёз полагаешь, что Колесников может меня заказать?

— Я в его голове не копаюсь, так что понятия не имею. А вот то, что он уже дошёл до определённой черты — знаю. И как поведёт себя за этой чертой, подозреваю, ни вы, ни я, ни даже он сам не догадываемся.

— Извини, но ты меня не убедила. Я обязательно приеду, пусть побесится, глядя на меня.

— Дело ваше...

***

Неделя выдалась сумасшедшей, впрочем, как и все предыдущие. Наверное, пора мне уже привыкать. Артём всё-таки взял новый кредит и действительно поставил в печатный цех двух охранников. А главного технолога обязал лично дважды в день проверять, как идёт работа, и ежедневно ему докладывать.

От общей нервной обстановки к выходным я чувствовала себя полностью вымотанной и предвкушала долгожданный отдых. Правда, шеф заранее предупредил, что в воскресенье я ему понадобится. Поэтому в субботу я собиралась оторваться и половину дня просто провалиться в постели.

В пятницу Колесников подвозил меня до дома после даже не вечернего, а почти ночного совещания с поставщиками. Как оказалось, не он один был трудоголиком и соглашался потратить пятничный вечер на работу.

Несмотря на короткую дорогу, я успела задремать. Артём разбудил меня, осторожно сжав мою ладонь. Я встрепенулась, повернула голову и встретила его пристальный взгляд.

— Устала, да? Совсем я тебя замучил. Прости!

— Да ладно, ты же не виноват.

— Отдохни завтра хорошенько, выспись. Я заеду за тобой в воскресенье часам к двум. Но думаю, что мы

быстро управимся.

— Так куда мы едем, ты ещё не рассказал.

— Нам надо появиться на открытии нового загородного клуба. Я должен всем показать, что мы ещё на плаву. Но долго там быть не собираюсь. Хватит и пары-тройки часов.

— А что за клуб, форма одежды какая? — невольно поморщилась я. Никогда особо не любила подобные мероприятия.

— Точно не вечернее платье. Это же клуб для любителей активного отдыха. Ресторан, конечно, будет. Но сначала нам покажут территорию — конную базу, фитнес центр с бассейном и всякое такое. Так что одежда на твоё усмотрение.

— Ну это уже лучше, — я вздохнула с облегчением и потянулась к ручке двери.

— Подожди, — остановил меня Артём и вышел из машины. Я удивилась, не понимая, чего он хочет. А Колесников обошёл автомобиль, открыл дверцу и подал мне руку. Помог выбраться из машины и вдруг притянул к себе. Осторожно обнял, зарылся лицом мне в волосы и стоял, не двигаясь. Я тоже замерла. Вдыхала ставший родным запах его кожи, ощущала жар ладоней на своих плечах. И не удержалась — прильнула щекой к его груди. И сразу почувствовала, как ускорился ритм его сердца. Он крепче прижал меня к себе и прошептал на ухо:

— Можно подняться к тебе? Я так соскучился!

Ещё несколько секунд я позволила себе наслаждаться его близостью, а потом отстранилась.

— Нет, Артём, нет! Ничего не изменилось. Лучше забудь о том, что было раньше.

— Вот этого я тебе точно не обещаю! — глухо произнёс он и вернулся в машину.

Несмотря на радужные планы, в субботу мне всё же пришлось заняться делами, но спать я легла пораньше. А в воскресенье понежилась в кровати и стала собираться. После недолгих раздумий решила не мудрить с одеждой — выбрала узкие джинсы, красивый топ и удобные мягкие мокасины. Чуть больше косметики, чем обычно, слегка легкомысленная причёска и маленькая сумочка дополнили задуманный образ.

Хотя я не слишком усердствовала, готовясь к поездке, выразительный взгляд встретившего меня у подъезда Колесникова порадовал. Он сразу попытался меня поцеловать, но я повернула голову и подставила щёку. Пришлось шефу ограничиться дружеским приветствием.

В дороге Артём то и дело поглядывал на меня, но говорил исключительно на нейтральные темы. Мы быстро добрались до загородного клуба, подъезды к которому были украшены гирляндами воздушных шаров и яркими плакатами. Пристроившись в конец длинной вереницы машин, шеф продемонстрировал охранникам приглашение и заехал на огромную стоянку.

Организовано мероприятие было на отлично. Сначала, разбив на небольшие группки, гостей на автокарах провезли по территории и ознакомили с основными возможностями клуба. Потом накормили вкусным обедом и показали краткую презентацию, не слишком её затягивая. А дальше предоставили время свободно прогуляться по красивым, идеально убраным аллеям и рассмотреть всё вблизи.

Везде на ровных изумрудных газонах были расставлены столики с шампанским, фруктами и лёгкими закусками. А каждому посетителю ещё в самом начале выдали красочный план клуба, чтобы никто не заблудился. Впрочем, кругом было полно вежливого и улыбчивого персонала, готового ответить на любой вопрос.

И всё было бы прекрасно, если бы не два обстоятельства, сильно подпортивших мне удовольствие от праздника. Во-первых, почти в самом начале, ещё во время автоэкскурсии, мы заметили в соседнем каре Михаила Трунова, обнимающего за плечи какую-то девушку. Он тоже нас увидел и всё время, пока машины двигались рядом, в упор смотрел на Колесникова с наглой усмешкой на губах.

Я услышала резкий вдох и почувствовала, как Артём напрягся, удивлённо повертела головой и только тогда разглядела нашего противника. Тревожно взглянула на шефа, стиснувшего челюсти так сильно, что побелели желваки на скулах, и машинально нашла его руку. Накрыла её своей ладонью и крепко сжала. Он перевёл взгляд на меня и немного расслабился.

В течение всего мероприятия мы ещё несколько раз натыкались на Трунова. У меня даже появилось ощущение, что тот специально держится поблизости, чтобы действовать Колесникову на нервы. Желая помешать коварным планам, я старалась отвлечь внимание шефа на себя, но не всегда успешно. Присутствие всего в нескольких шагах злейшего врага постоянно держало Артёма в напряжении.

А вторым обстоятельством, действовавшим на нервы мне самой, оказалась пышная блондинка в туго обтягивающем фигуру леопардовом платье. Когда мы расселись за столиками на открытой веранде, она подошла к нам, не спрашивая разрешения, присела на свободный стул и перекинулась парой слов с Колесниковым.

По тому, как женщина схватила шефа за локоть, как наклонилась к нему, по её гортанному хриплому голосу сразу стало ясно, что они давно и, скорее всего, близко знакомы. И хотя Артём не слишком выражал радость от встречи, а в его тоне ощущалась лёгкая досада, я всё равно чувствовала себя отвратительно.

Хотелось вскочить и скинуть цепкие пальцы с острыми ногтями с руки Колесникова. Я даже на секунду представила, что у меня самой вдруг выросли такие когти. Уж я бы быстро нашла им применение. Впрочем, это наваждение сразу прошло, оставив после себя неприятное послевкусие стыда.

После презентации и обеда нас ещё немного развлекали живой музыкой, самые смелые пары вышли на танцпол. Артём задумчиво посмотрел на меня. В это время рядом с нашим столиком материализовалась блондинка и пригласила шефа.

Колесников бросил на меня панический взгляд, словно моля о помощи, но я ухмыльнулась и качнула головой. Пришлось ему подниматься и идти, пусть и с видом мученика. А когда они ушли, я вдруг живо представила, как Артём во время танца обнимает девушку, и почувствовала себя ещё хуже.

Сразу после того, как шеф вернулся, мы покинули ресторан и отправились изучать окрестности. Проходя по одной из аллей, слышали громкий, неприятный голос Трунова и дружно повернули в противоположную сторону. Нашли удобную скамейку, спрятанную под тенью раскидистого клёна, и устроились на ней.

Артём попытался обнять меня за плечи, но я ещё помнила блондинку и отодвинулась от него. Потом решила, что мне нужно немного проветриться. Изучила план клуба и сказала, что пойду искать дамскую комнату. Шеф предложил меня сопровождать, но я хотела побыть одна и сообщила, что сама в состоянии сориентироваться на местности.

Моя прогулка заняла больше времени, чем я рассчитывала. Но шагая обратно, я не спешила — надо было

привести мысли в порядок. Когда свернула к нашей лавочке, услышала странные звуки и возгласы. Подошла ближе и замерла от открывшейся мне картины. Леопардовая блондинка, обхватив Артёма за шею, страстно его целовала.

Я застыла столбом. В это время Колесников оторвал от себя руки девушки и оттолкнул её. Заметил меня и воскликнул:

— Да что ж такое?! — повернулся и бросил блондинке: — Лера, уйди отсюда, быстро!

Та ухмыльнулась и не спеша продефилировала мимо меня. Шеф дождался, пока она скроется из виду, и попросил:

— Саша, пожалуйста, не обращай на неё внимание! У неё с головой проблемы.

Я молчала и не двигалась с места, тогда он сам шагнул ко мне. Отступив назад, я выставила ладонь вперёд.

— Не надо! Не подходи ко мне сейчас! Лучше я схожу ещё немного прогуляюсь. Мне нужно успокоиться, иначе я за себя не ручаюсь.

— Хорошо, я подожду. Только далеко не уходи, — обречённо вздохнул Колесников и опустился на скамейку.

***

Я услышала шум и громкие разговоры уже когда второй раз за последние полчаса мыла руки в туалете. Вышла на улицу и увидела спешащих к дальней аллее сотрудников клуба. Пристроившись за ними, дошла до небольшой поляны, спряталась за высокими кустами и стала изучать обстановку. На краю стоящей в глубине скамейки тихо скулила девушка. А рядом с ней сидел Трунов, и вокруг него суетились люди. Я не сразу поняла, что происходит, прислушалась к возбуждённым голосам и похолодела.

— Вызывай скорую, быстро! И полицию.

— Вот полицию не надо. Я сам разберусь.

— Но в вас же стреляли!

— Слушай меня, зови сюда вашу охрану.

— За ними уже послали. Давайте, я пока вас перебинтую, кровь надо остановить.

— Да отстань ты! Меня едва зацепило. Хотя ладно, бинтуй. А то ещё распугаю всех вокруг.

Дальше я уже не слушала. Аккуратно попятилась, стараясь не шуметь, отошла подальше и бросилась к Колесникову. С разбегу упала на лавочку и попыталась отдышаться. Артём удивлённо взглянул на меня и осторожно взял за плечи.

— Саша, с тобой всё в порядке? Ты что, бежала?

— Подожди... надо что-то делать... может уехать... нет, это, наверное, хуже... — бормотала я и видела, что он ничего не понимает, а в его взгляде появляется тревога. Собралась с силами и выдохнула: — В Трунова только что стреляли, они вызвали охрану клуба, а может, и полицию...

Шеф отпустил меня и уставился в пространство.

— Вот чёрт! Отлично отдохнули! Нет, уезжать теперь нельзя. Придётся остаться здесь...

Я лихорадочно соображала, что предпринять. И вдруг меня осенило — я вскочила, толкнула Артёма к спинке лавочки и забралась к нему на колени. Когда обняла его за шею, он попытался придержать мои руки, беспокойно глядя мне в лицо. Похоже, испугался за мой рассудок. Я разозлилась и зашипела:

— Успокойся, я в порядке. Сейчас сюда придут! А мы ничего не знаем, сидим и целуемся, ясно?

Шеф кивнул и тут же обнял меня. Честно говоря, я собиралась делать вид, что мы поглощены страстью. Думала, стресс не позволит нам расслабиться. Оказалось, я недооценила себя и Артёма, а скорее всего, адреналин. Минут через пять я уже хотела, чтобы нас быстрее нашли, потому что теряла самообладание прямо на глазах. А ещё через какое-то время просто забыла обо всём. И Артём, кажется, тоже — его дрожащие руки уже пытались растянуть молнию на моих джинсах.

Громкие покашливания вернули нас в чувство. Я прижалась лбом к груди Колесникова и постаралась восстановить дыхание. Потом поправила топ и повернула голову. Вокруг нас стояло несколько человек, и среди них вполне здоровый на вид Трунов с накинутым на плечи пиджаком. На лицах присутствующих смущение, интерес, зависть, ненависть — похоже, мы их неплохо развлекли.

— Что случилось? — Артём был очарователен — расстёгнутая рубашка, взлохмаченные волосы, хриплый возмущённый голос! Я еле удержалась, чтобы не прильнуть к нему снова, тем более, он всё ещё крепко сжимал мои локти.

— Классный концерт! — издевательски произнёс Михаил и похлопал нам. Молодые ребята в униформе дружно уставились в землю, а трое парней в тёмных костюмах с переговорными устройствами в руках продолжали настороженно нас изучать.

— Может и концерт, но не для тебя! Что вам всем надо? Не видите, мы отдыхаем, — продолжал негодовать шеф.

— Я тут тоже отдыхал, но кто-то решил иначе.

— Не говори загадками! — разозлился Колесников. В ответ Трунов скинул пиджак, обнажив забинтованную

руку и пятна крови на одежде.

— Что это? Ты упал с лошади? — теперь пришла очередь шефа издеваться над собеседником. Тот в бешенстве сжал кулаки и кивнул парням в костюмах:

— Задержите его!

Артём осторожно пересадил меня на скамейку, поднялся и удивлённо переспросил:

— Не понял? Ты сошёл с ума? Хочешь, чтобы они меня задержали, с какой стати? А они вообще имеют на это право?

Все перевели взгляды на парней, те переглянулись и покачали головами. Самый старший из них ответил:

— Мы не можем никого задерживать — только вызвать полицию. И это давно надо было сделать.

— Ага, делай! Будешь выглядеть идиотом. Я-то их дожидаться не стану, — протянул Трунов и сплюнул сквозь зубы. Подумал немного и скомандовал: — Вот что, проверьте те кусты. Там прямая дорога к тому месту, где я сидел. Это вы можете сделать?

Двое мужчин, не сходя с костюмов, полезли в кусты, третий, судя по бейджику — начальник охраны клуба, остался с нами. Михаил отошёл в сторону и разговаривал с кем-то по телефону.

Через несколько минут один из парней вернулся и обратился к Трунову:

— Вы точно не собираетесь вызывать полицию? Там, под деревом, пистолет с глушителем. Что будем с ним делать?

— Отметь чем-нибудь место и принеси пистолет мне, только не касайся его руками, — махнул головой пострадавший. Повернулся к Колесникову и прищурился.

— Удивил ты меня! Чего не ожидал — что сам решишь пачкать руки. А впрочем, денег на киллера у тебя же теперь нет.

Артём побледнел и шагнул к своему врагу. Я бросилась между ними и быстро заговорила:

— Послушайте, последний час мы были постоянно вместе! Он никуда даже на минуту не отлучался. Я это где угодно повторю, потому что это правда. Здесь же полно людей! Действительно, надо вызывать полицию, пусть всех проверяют!

На этих словах лицо начальника охраны перекосило. Видимо, он представил, как его отблагодарит хозяин клуба за такой подарок. Мужчина тревожно взглянул на Трунова.

— Ну, что вы решаете?

— Про полицию забудь! Сейчас подъедут мои парни, пропустишь их сюда, они всё осмотрят. Пистолет им отдашь.

Охранник облегчённо кивнул и предупредил:

— Только осторожно, не напугайте гостей.

Артём уже взял себя в руки, подхватил меня под локоть и холодно процедил:

— Вот и отлично! Ищите того, кто стрелял. А мы пошли, с нас достаточно вашего гостеприимства.

Только в машине я почувствовала себя в безопасности. Откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Подождала немного, пока отпустит внутри, и повернулась к своему спутнику. Колесников разглядывал меня со странным выражением лица. Однако ничего не сказал, завёл машину и быстро вырлил со стоянки.

Всю дорогу в салоне стояла тишина, но я очень хорошо чувствовала, как растёт напряжение между нами. Приглядывалась к Артёму, чтобы понять причину, но он был мрачен и не смотрел на меня. Лишь когда припарковался у подъезда, повернулся и заявил тоном, не терпящим возражений:

— Мы идём к тебе! Продолжим то, на чём нас прервали, — я только открыла рот, а он прижал пальцы к моим губам и покачал головой. — Ничего не говори. Всё равно я сейчас не способен выслушивать никакие разумные доводы. Да и ты дрожишь, тебе надо снять стресс.

Я не стала уточнять, что дрожу от холода, а не от страха. Мы поднялись ко мне в квартиру. Зайдя в коридор, я тихо сказала:

— Пойду в душ, замёрзла сильно...

— Согласен, — кивнул он и подхватил меня на руки.

Вспоминая прошедшие выходные, я благодарила судьбу за то, что была ко мне благосклонна. Действовать пришлось в сложной обстановке, в окружении большого количества людей. С одной стороны, среди них было легко затеряться, а с другой — чьё-то неожиданное появление в неудачный момент могло всё испортить и поставить мою жизнь под угрозу. Не раз был шанс попасться, но в результате всё обошлось и получилось почти идеально.

Когда две недели назад я увидела в приёмной Колесникова приглашение на открытие загородного клуба, сразу подумала — это именно то, что мне нужно. Я не знала, будет ли там Трунов. Зато точно знала, какие слова надо говорить, чтобы вызвать у него твёрдое желание приехать, даже если изначально он и не собирался этого делать. И Михаил меня не подвёл — прореагировал ровно так, как я ожидала.

Теперь моей задачей было не упустить представившуюся возможность и правильно ей воспользоваться. А для этого, прежде всего, хорошо изучить место действия. Я выбралась за город и несколько раз прогулялась мимо клуба. Однако снаружи смогла разглядеть немного. Было видно, что за забором идёт активная подготовка к открытию. Рабочие доделывали клумбы и стригли газоны, подметали дорожки и расставляли уличную мебель.

Я уже собиралась возвращаться, когда обратила внимание на несколько объявлений, вывешенных на столбах и заборе. Клуб приглашал всех желающих помочь ему с завершающими работами и набирал временный персонал на само праздничное мероприятие. Вот и решился вопрос, как мне попасть внутрь!

Несколько выходных дней я потратила на тщательное изучение территории. Людей по объявлениям пришло много, но использовали эту рабочую силу бессистемно и не очень разумно. Задания давали одни, а проверяли выполнение другие. Постоянно находилось что-то новое или срочно требовалось идти в другой конец клуба и делать что-нибудь там.

Из-за полной неразберихи люди сновали туда-сюда и тратили кучу времени впустую, выслушивая противоречивые приказания. А для моих планов такая организация оказалась просто идеальной. Я легко уклонялась от всех поручений, оправдываясь тем, что уже выполняю другое задание. А выданная униформа — мешковатые брюки, широкая блуза и кепка с большим козырьком, украшенная логотипом клуба — позволяла беспрепятственно бродить по территории.

Я исследовала все аллеи и тропинки, запомнила и нанесла на раздобытый план все камеры наружного наблюдения. Нашла несколько удачных мест для тайников и определила пути быстрого отступления, если что-то пойдёт не так.

В последний день перед открытием я принесла и спрятала в тайнике приобретённый несколько лет назад для подобного случая пистолет с глушителем и одноразовые перчатки. Оружие несколько раз до этого пристреляла на пустырях. Поскольку я выразила готовность участвовать в праздничном мероприятии, мне выдали специальную новую униформу, я положила её вместе с пистолетом.

И вот назначенный день настал. Кое-что оказалось неожиданным для меня, например, что вокруг Колесникова толклись влюблённые девицы. Пришлось ждать удобного момента — когда мой враг останется один. Я даже подумала, что придётся всё переносить.

Но в конце концов, сложившаяся ситуация сыграла мне на руку, и получилось даже лучше, чем я вначале планировала. Колесников сидел в одиночестве на лавочке, а я добралась до тайника, надела униформу, достала пистолет и прямыми тропками отправилась туда, где отдыхал Трунов. Когда попадала в зону действия камер, шла не торопясь и изображала работу, предлагая помощь встречающимся мне гостям клуба.

Спрятавшись в кустах недалеко от Трунова, я сняла оружие с предохранителя и прицелилась. Передо мной стояла непростая задача. Во-первых, не задеть девицу, которую активно лапал Михаил. А во-вторых, задеть самого Трунова, но очень легко, чтобы не вывести его из строя, а только разозлить и подтолкнуть к активным действиям.

Что ж, с задачей я успешно справилась. Услышав женский визг и громкие ругательства её спутника, быстро ретировалась, не забывая про камеры. Пистолет я бросила в кустах, недалеко от Колесникова, а форму с перчатками убрала обратно в тайник и затерялась среди гостей.

***

— Эй, хватит дрыхнуть! Накорми меня, я голодный как волк, — я проснулась от того, что Артём щекотал мне шею моими же волосами. Увидел, что я открыла глаза, и улыбнулся. Его лицо было расслабленным и спокойным, будто вчерашний сумасшедший день нам обоим просто приснился. А мне вдруг стало страшно, я зажмурилась и спрятала лицо у него на груди. Артём крепко обнял меня и прошептал:

— Всё будет хорошо, не бойся...

Через двадцать минут я поставила на стол тарелку с омлетом сразу из пяти яиц и с сомнением взглянула на

Колесникова.

— Ты точно это съешь? Здесь же полно холестерина.

— Съем-съем. А колбаса у тебя не водится?

— Извини, нет.

— И даже хлеб с маслом?

Я виновато пожала плечами и предложила:

— Хочешь йогурт?

Вместо ответа он скривился. Я придвинула йогурт и тарелку с фруктами ближе к себе.

Артём с аппетитом уплетал завтрак, а мне есть совсем не хотелось. Жаль было портить ему настроение, но, по-моему, он не полностью отдавал себе отчёт, в какой ситуации оказался.

— Послушай, тебе надо срочно уехать! И лучше за границу.

Колесников нахмурился, бросил на меня быстрый взгляд и продолжил завтракать. Я не собиралась сдаваться.

— Трунов даже не будет утруждать себя поисками киллера. Он уже всё решил. Ты понимаешь, как это опасно для тебя?

Артём доел, аккуратно отложил вилку с ножом в сторону и заявил:

— Я никуда не уеду.

— Это неразумно! — я спорила больше из упрямства, догадываясь, что не смогу повлиять на его решение.

— Может быть. Но я останусь.

— Пожалуйста, найми хотя бы телохранителей.

— Ты же знаешь, это чистые понты. Если решат убить — убьют.

— И что, просто будешь сидеть и ждать?!

— Не думаю, что всё так серьёзно. Вряд ли Трунов пойдёт на такой радикальный шаг. А вот атаку на типографию вполне может усилить. Поэтому я и не могу уехать — кто тогда будет за неё бороться?

Мне было очень страшно за Артёма, но я не хотела этого показывать. Встала, отвернулась к раковине, включила воду и застыла. И вдруг почувствовала его руки на своих плечах. Повернулась и крепко обхватила его за талию. Он тоже меня обнял, и с минуту мы простояли так, ощущая, как наши сердца бьются в унисон. А потом я осмелилась поднять голову и заглянуть ему в глаза.

Артём внимательно смотрел на меня, слегка хмурясь, словно искал ответ на какой-то не заданный вопрос. И вдруг произнёс:

— Саша, спасибо, что пыталась помочь мне в клубе. Трунов, по-моему, опешил, когда ты на него наскочила. Знаешь, меня ещё никто так не защищал, даже родители. Они всегда считали, что я должен сам справляться с любыми трудностями. Я, конечно, благодарен им за то, что научился рассчитывать только на себя. Но оказывается, это так приятно, когда кто-то за тебя вступается и переживает. Даже не подозревал, что мне это очень понравится!

Он медленно наклонился ко мне и легко прикоснулся губами к моим губам. Я вцепилась в его рубашку и горячо ответила на поцелуй. Артём мгновенно отреагировал на призыв и быстро стащил с меня тонкий шёлковый халат. В этот день на работу мы всё-таки опоздали.

***

Я сидела и разгребала накопившиеся дела, когда в кабинет заглянула Алла и позвала меня обедать в кафе. Подруга устроилась за столом, заказала еду и сразу же хитро прищурилась.

— Ну что, тебя можно поздравить? Вы с Артёмом Владимировичем опять вместе?

— Слушай, есть что-нибудь такое, что может укрыться от твоих глаз?

— Понятия не имею. Пока ничего похожего не попадалось, — пожала плечами собеседница и неожиданно сменила шуточный тон на задумчивый. — А знаешь, Саш, мне кажется, у шефа к тебе что-то серьёзное. Пока вы были в ссоре, он ходил какой-то неприкаянный. Прямо видно было, что человек места себе не находит. А сегодня его встретила — так совсем другое дело!

— Правда, что ли? Надо повнимательней к нему присмотреться, — я попыталась отделаться шуткой.

— Вот ты смеёшься, а зря. Действительно, присмотришься к нему. Думаю, удивишься.

— Не знаю, Алл, я боюсь заглядывать так глубоко.

— Ты что, не веришь ему? Я же вижу, сама ты, в отличие от Колесникова, не так довольна. Эй, в чём дело?

Несмотря на мою закрытость и неспособность обсуждать личные вопросы, с Аллой я ощущала себя гораздо спокойней. Ей удавалось найти слова, которые затрагивали меня и пробивали защиту. С ней мне хотелось быть откровенной.

— Дело не в нём, а во мне. Просто я чувствую — он и так занимает слишком большое место в моей жизни. А что же будет дальше?

— Понятно! И поэтому ты переживаешь?

— Не только поэтому. Сама знаешь, что происходит в последнее время вокруг типографии. Раньше всё это

было для меня немного на расстоянии. А сейчас, из-за Артёма, стало очень личным. Мне страшно за него...

— Ладно, не драматизируй! Конечно, у нас форменный дурдом, но всё же не до такой степени.

— Уже до такой, Алла. Об этом и речь!

— Я чего-то не знаю? — подозрительно нахмурилась подруга. Немного поколебавшись, я рассказала ей о том, что случилось на открытии клуба. Она выслушала молча, потом огорчённо покачала головой.

— Да, шефу не позавидуешь, я тебя понимаю. Но прости, я эгоистка и беспокоюсь о тех, кто дорог мне. Колесников большой мальчик и явно заранее знал, какие риски сопровождают серьёзный бизнес. А меня, как подругу, заботит твоя безопасность. Рядом с ним теперь может быть опасно, ты об этом подумала?

— Я всё время думаю о том, что угрожает ему, — тихо произнесла я. Алла закатила глаза и тяжело вздохнула.

— Ну давай, дурища, не трусь, забирайся на велосипед. Я тебе помогу, толкну посильнее!

— Ага, хватит! Прошлый раз ты так толкнула, что колени неделю заживали. Мама меня потом вопросами замучила.

— Сама виновата, надо было педали крутить, а не давить на тормоз. Тогда бы не слетела с велосипеда. Так что, не поедешь?

— Неа!

— Ладно, Алка боится. Кто рискнёт со мной наперегонки? — я окинула вызывающим взглядом дачную компанию. С травы поднялся Серёжка — новый член команды, недавно присоединившийся к нам.

— Ну я готов.

— Отлично, пошли на горку, начнём оттуда.

Пока мы не спеша взбирались на небольшой пригорок, мой спутник, с любопытством поглядывая на меня, спросил:

— Слушай, ты чего сестру Алкой зовёшь? У неё же другое имя.

— Потому что мне так нравится! И на Аллу очень похоже.

— А зачем быть похожей на Аллу, если её зовут Саша?

— Говорю же, я так хочу! Сашка — Александра — Алка.

— Ясно, — усмехнулся он, — исчерпывающий ответ.

Мы залезли на велосипеды и направили их вниз со склона. Понаблюдав за соперником несколько секунд, я быстро сделала вывод: «Слабак! Ещё и пытается быть джентльменом — разгоняется вполсилы». Тогда я поднажала, и постепенно азарт сделал своё дело — Серёжка включился в борьбу по-настоящему.

К моей досаде он оказался отличным гонщиком. Я сразу стала отставать, вот только сдаваться не собиралась! Вильнув в сторону, лихо подрезала соперника, рискованно промчавшись прямо у него перед носом. Он попытался уйти от столкновения, резко отвернул и свалился на землю. Пролетая мимо, я лишь успела заметить растерянный взгляд. Вот дурачок — разве ему кто-нибудь обещал честную игру? Сам виноват!

Через несколько минут я с победным видом подъехала к ребятам, расположившимся на краю поляны. Туда же приковылял Серёжка, остановился в стороне и стал молча отряхивать измазанные в зелени и грязи джинсы. Сестра сочувственно уставилась на него, потом подняла на меня глаза, нахмурилась, но ничего не сказала. Глядя на неё, я ощутила, как к радости победы примешивается вкус горечи и разочарования...

На этот раз я проснулась не от крика и слёз, а от тянущего ощущения внутри. Лежала, не двигаясь, и пыталась определить, откуда оно взялось? Ничего не надумала, открыла глаза и привычно нашла взглядом чудовище на стене. Иногда я с ним разговаривала. Вот и сейчас захотелось задать вопрос:

— Привет! Слушай, каково это, быть чудовищем? — и мгновенно странное ощущение, разбудившее меня, навалилось с новой силой. А я вдруг поняла, что знаю ответ на свой вопрос.

***

Вечером после работы я снова вышла на связь с Труновым.

— Здравствуйте. Как прошли выходные? Клуб понравился?

— Ты издеваешься или ничего не знаешь? — раздражённо бросил он.

— Ну хорошо, извините. Как вы себя чувствуете? Так лучше? — я старалась, чтобы в моём голосе не было слышно насмешки. Неизвестно ещё, как он отреагирует.

— Ясно! Значит, ты в курсе. Откуда?

— Позвольте мне сохранить в тайне свои источники информации.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — проворчал Михаил.

— Так как самочувствие?

— Рука в порядке, а остальное не очень.

— Понятно. Вам удалось что-нибудь выяснить? Стрелка никто не видел?

— Никто! Мои ребята рыскали по этому чёртовому клубу весь вечер. А ночью смотрели видео с камер наблюдения. Там сотни людей — гости и персонал. И все бродят туда-сюда.

— И что вы думаете по поводу случившегося?

— Ты знаешь, что я думаю.

— Это вы на Колесникова намекаете?

— Это я прямо говорю. Кстати, можешь уже увольняться. Скоро у тебя не будет работодателя.

— Михаил, вы же сказали, что ничего не узнали. Не слишком ли рано делать такие заявления?

— В самый раз. Я не суд — мне доказательства не нужны. И вообще, ты что, сомневаешься? Сама же меня

предупреждала, что он загнан в угол.

— Сомневаться в этом не моё дело. Но я не исключаю такой возможности. А главное — не хочу, чтобы вы совершали опрометчивые шаги.

— Это какие, например?

— Например — убить Колесникова.

— А ты думаешь, я ему медаль подарю?

— Не думаю. Но убить — это так скучно и очень банально. То, что я приготовила для него, гораздо интересней.

Мой собеседник хмыкнул, помолчал немного и лениво протянул:

— Ну, рассказывай...

***

Несмотря на мои опасения, следующие пару недель прошли спокойно. Трунов никак не проявлялся, что на самом деле не успокаивало, а наоборот, пугало. Кто знает, что творится у него в голове. Вдруг он как раз вынашивает жуткие планы. Колесников полностью сосредоточился на работе. Искал новых клиентов, тщательно следил за работой производственного цеха и регулярно выслушивал отчёты финансового отдела о текущем положении типографии.

Наши личные отношения с каждым днём становились всё крепче. В последнее время Артём гораздо чаще оставался ночевать у меня, чем в своей квартире. Меня это немного смущало — я не была уверена, что готова жить такой почти семейной жизнью. Но вёл он себя безукоризненно, так что мне не в чем было его упрекнуть. Помогал с домашними делами, заезжал в магазин за продуктами, познакомился с моими родителями и полностью их очаровал.

А каждые выходные мы проводили в его загородном коттедже. Галина Станиславовна тоже всю демонстрировала мне своё расположение. Она больше не терроризировала меня вопросами, а наоборот — в основном говорила сама. Посвящала меня во все тонкости ведения большого хозяйства, рассказывала, как правильно выстраивать отношения с домашним персоналом. Обсуждала светские новости и сплетничала о своих знакомых.

Я догадалась, что каким-то образом удачно прошла её негласные тесты, и женщина полностью приняла меня в качестве официальной подруги своего сына. Возможно, увидела, что я не собираюсь занимать главенствующие позиции хозяйки этого дома и соперничать с ней. И хотя я не совсем понимала, откуда взялись подобные выводы, разубедить её не стала. По крайней мере, пока.

Чтобы показать, в какую семью я волей судьбы попала, Галина Станиславовна много рассказывала о своём муже. О том, каким важным человеком он был, какие посты занимал и сколько всего сделал для нашего города. Я даже удостоилась чести посетить его бывший кабинет, который, судя по всему, женщина превратила чуть ли не в музей, тщательно сохранив всю его прежнюю обстановку.

Артём, конечно, видел попытки своей матери подчеркнуть собственную значимость и лишь тихо посмеивался, слушая её речи. А однажды, когда мы поднимались в его комнату из столовой, обнял меня, потёрся носом о мой висок и пробормотал:

— Ты не слишком обращай внимание на её слова. Очень она любит делать из отца спасителя Отечества.

— Ага, я уже испытываю почти благоговейный трепет перед его персоной. А он действительно был таким, как говорит твоя мама?

— Не думаю. Знаешь, на самом деле отец был очень закрытым человеком. Никогда не рассказывал о своих чувствах. И вообще не любил сантименты. Да и мать к этому приучил.

— Тебе не хватало в детстве тепла, да? — решила я задать очень личный вопрос. Мне было интересно всё, что могло ещё больше раскрыть его внутренний мир. Артём вздохнул.

— Даже не знаю. Наверное, всё же не хватало. Но тогда я об этом не думал. Правда, иногда жалел, что я единственный ребёнок в семье. Вот кого мне точно не хватало — брата или сестры.

Закрыв дверь спальни, он притянул меня к себе, зарылся лицом мне в волосы и с лёгкой усмешкой произнёс:

— А сейчас я уже об этом не жалею. Ты заменяешь мне и сестру в том числе. Кажется, я способен обсуждать с тобой всё, что угодно. Это удивительное для меня ощущение, и я постепенно к нему привыкаю. Слышишь — похоже, я скоро не смогу долго обходиться без тебя...

Вместо того, чтобы обрадоваться этим словам, мне почему-то захотелось плакать.

Следующий день начался так же расслабленно, как и любой выходной в этом доме. После завтрака мы все перешли в сад. Галина Станиславовна устроилась с книжкой в шезлонге. Артём, чтобы немного взбодриться, собрался постричь лужайку. А я стояла рядом с Николаем у парадной клумбы и слушала, как мужчина увлечённо рассказывает о прекрасных английских розах. «Какая нереальная идиллическая картинка», — неожиданно промелькнуло у меня в голове.

В это время зазвонил телефон шефа, он отключил косилку и достал трубку. Я смотрела на него, не забывая кивать в такт словам садовника, и вдруг почувствовала тревогу. С удивлением прислушалась к себе, стараясь понять её источник. Артём закончил разговор, взглянул на меня и улыбнулся, но моё беспокойство не прошло. Я подошла ближе.

— Кто это был? — спросила небрежно, не показывая заинтересованности.

— Ольга звонила, по работе, — отмахнулся он и предложил мне перед обедом искупаться в бассейне. Я пошла в дом переодеться, по дороге недоумевая, что такое странное со мной сегодня происходит.

Следующим шагом расследования я наметила разговор со свидетелями. С обоими — и с тем, кто обвинял моего отца, и с тем, кто защищал. Сначала попробовала дозвониться по телефонам, переписанным из уголовного дела, но номера оказались нерабочими. И немудрено, ведь с тех пор прошло почти тринадцать лет. Люди вполне могли сменить не только номер телефона, но и место жительства.

Мне оставалось лишь пройтись по адресам, а если и там будет глухо, придётся искать новые сведения по базам данных в интернете. Дождавшись выходных, сначала я отправилась к Анатолию Кочетову — мужчине, который называл внедорожник Колесникова виновником аварии. Судя по дате рождения сейчас ему должно быть около пятидесяти лет.

Нужный мне дом находился в старом районе, когда-то бывшем рабочей окраиной. Благодаря современным застройкам окраиной он быть перестал, но лучше от этого не выглядел. Ветхие пятиэтажки, заросшие травой дворы и раздолбанные дороги — всё кругом навевало депрессивные мысли.

Я остановилась у подъезда, изучая входную дверь со сломанным кодовым замком. В это время за спиной громко засмеялись, я невольно оглянулась. В глубине двора за покосившимся деревянным столом несколько мужчин шумно резались в домино, разбавляя игру пивом.

Поднявшись на третий этаж, я достала из сумочки журналистское удостоверение и нажала на кнопку звонка. Дверь открыла женщина в растянутом трикотажном халате, окинула меня мрачным взглядом и без всякого приветствия поинтересовалась:

— Чего надо?

Пару секунд я оценивала её, прикидывая, как лучше построить разговор, потом мило улыбнулась.

— Здравствуйте! Мне нужен Анатолий Викторович Кочетов. Он здесь проживает?

— Ну здесь, а тебе мой муж зачем? — выражение лица женщины стало ещё суровей. В ответ я улыбнулась шире и доверительно сообщила:

— Рада познакомиться. Я журналист из столичной газеты. Готовлю большой материал о давних событиях, в которых участвовал ваш муж. Если он ответит на несколько вопросов, я выражу ему в статье большую благодарность. Нас читает очень много людей, возможно и ваши знакомые тоже. А кроме того, мы хорошо платим за интервью. Так я могу увидеть вашего мужа?

Взгляд женщины немного смягчился, но она всё ещё раздумывала, допускать ли меня к своему супругу. Пришлось применить тяжёлую артиллерию.

— Если его нет, могу пока поснимать вас, — я продемонстрировала собеседнице фотокамеру. — У вас очень фотогеничное лицо. Думаю, вы будете отлично смотреться рядом с мужем на страницах нашей газеты. Так как, согласны?

— Ну... в общем, да! А фотографироваться прямо сейчас? Я в среду в парикмахерскую собиралась, покраситься хочу. Может, лучше тогда?

— Да, вы правы, новая причёска добавит выразительности вашему образу. Хорошо, перенесём фотосессию на следующие выходные. А пока я бы хотела побеседовать с Анатолием Викторовичем.

Женщина наконец решилась и махнула рукой за мою спину.

— Да вон он, во дворе с мужиками отдыхает. Там его найдёте.

Вернувшись на улицу, я приблизилась к шумной компании. Присутствующие с интересом уставились на меня.

— Здравствуйте, мне нужен Кочетов Анатолий Викторович.

Все головы дружно повернулись к сухопарому мужчине в футболке и спортивных штанах. Тот нахмурился, почему-то покраснел, выбрался из-за стола и кивнул мне в глубину двора. А когда мы отошли подальше, повернулся и недовольно произнёс:

— Ну чего тебе? Ты кто?

— Я журналистка из столичной газеты. Пишу статью об одном деле, в котором вы когда-то принимали участие. Хочу задать вам несколько вопросов.

— А это долго? — мужик нервно оглянулся на свою компанию, а потом с опаской покосился на подъезд. Вспомнив суровый взгляд его жены, я, похоже, поняла, чего он так мается. Судя по всему, окна их квартиры выходят на нашу сторону. Надо было его успокоить.

— Я уже познакомилась с вашей очаровательной супругой, — на этих словах мой собеседник дёрнулся и бросил на меня испуганный взгляд. Скрывая усмешку, я продолжила: — Она с удовольствием согласилась пофотографироваться для статьи и сказала, где я могу вас найти.

— А, тогда ладно, — облегчённо пробормотал Кочетов и сразу вспомнил о вежливости: — Что вас интересует?

Долго объяснять, чего я хочу, не пришлось. Мужчина довольно быстро вспомнил аварию и последующие события. Я сообщила, что уже беседовала с председателем Союза автомобилистов и от него узнала имена свидетелей.

— Расскажите, пожалуйста, что запомнили вы. И о самой аварии, и о следствии. Давайте начнём с начала — вы лично видели момент столкновения?

— Практически да. Я как раз ехал по левому ряду в город, причём соседний со мной ряд был свободным. А этот сумасшедший внедорожник обогнал меня слева по встречке и понёсся дальше. Через несколько секунд уже справа меня обошёл джип — тот, который потом охранял убийцу. Вот тут я услышал визг тормозов и звук удара. Машины впереди развернуло и разбросало по дороге. Я еле вывернул, чтобы самому в них не врезаться. Остановился, конечно. Там и другие стали останавливаться. Свидетелей же на самом деле было много.

— А почему тогда официально по делу проходило только двое: вы и ещё один мужчина?

— А вы как думаете? Знаете же, кто сидел в этом внедорожнике. Сначала-то желающих было достаточно, а потом потихоньку люди стали сливаться. По правде сказать, если бы дело тогда не закрыли, я бы тоже, скорее всего, отказался от показаний. После того, как у одного из мужиков машину сожгли, а второго встретили ночью у подъезда и избили, мне жена сказала: «Всё, хватит! Ты тоже ничего не видел! Машина у нас единственная, кормилица, да и голова у тебя одна. Что ж теперь, из-за чужих людей пропадать?» Действительно, настроены они были серьёзно. Звонили постоянно на телефон, угрожали. Пару раз демонстративно меня от работы до дома вели. Ну а потом дочка пожаловалась, что за ней от школы привязались какие-то дядьки. Близко не подходили, но до подъезда проводили. Вот тогда я к следователю и пошёл, а он мне сообщил, что дело уже закрыли.

— Ясно. Скажите, а вы видели того, кто сидел за рулём внедорожника? Это был сам Колесников или его шофёр?

— Ну конкретно, не видел. Машина же затонированная полностью была. А близко к ней нас вообще не подпускали охранники. Да только с чего вдруг из-за простого шофёра они стали бы так заморачиваться? Угрожать, жечь автомобили?

— Это да, но всё же. Там чуть позже ещё один джип подъехал. Вы не знаете, кто в нём был?

— А, это тот, что остановился рядом с внедорожником дверь в дверь? Также тонированный, его ещё охранники полностью окружили. Думаю, на нём шофёра и привезли.

— А про второго свидетеля вы что-нибудь знаете?

— Не знаю и знать не хочу. Вот же сволочь продажная!

— Почему продажная?

— Так ведь не было его с нами тогда, на месте аварии. По его показаниям получалось, что он ехал впереди меня. Но я отлично помню, что правее меня только шестёрка белая была. Так тот водитель тоже остановился. А этого не было! Нам между прочим даже очную ставку делать собирались, только до неё так и не дошло.

***

Артём всеми силами пытался вытащить типографию из той ямы, в которую нас так старались спихнуть. И на этот раз удача нам сопутствовала — за одну неделю ему удалось найти двух новых крупных клиентов.

— Какой же шеф всё-таки молодец, — восхищалась Ольга, принеся мне распечатанный вариант контракта. — В такой обстановке умудряется уговорить людей с нами сотрудничать. Знаешь, я всё больше верю, что мы сможем выпутаться из этой передрыги. А ты как думаешь?

— Думаю, мы справимся. Ты права, я мало встречала таких бойцов, как Артём Владимирович, — вспомни наш недавний разговор, вздохнула и добавила: — И таких упрямцев тоже.

— Вот интересно, ты бы на его месте сдалась или шла до конца? — неожиданно заинтересовалась Ольга.

— Не знаю, — задумчиво пробормотала я. — Надеюсь, мне не придётся рисковать жизнью из-за бизнеса. Ради любимого человека я бы ещё рискнула, а ради денег — вряд ли. А ты чего спрашиваешь?

— Да так. Я недавно размышляла обо всём этом и пришла к выводу — здорово, что рядом с Колесниковым такой спокойный и рассудительный человек, как ты. Мне кажется, по большому счёту он прислушивается к тебе одной. И в случае чего только ты способна охладить шефа и вернуть на землю.

— Оля, по-моему, ты переоцениваешь моё влияние на него, — засмеялась я.

— Вряд ли. Я редко ошибаюсь в людях. Ладно, пожалуй, сбегая на обед, пока шефа нет, хорошо?

— Ага, давай. Я тебя подстрахую.

— Спасибо, — Ольга послала мне воздушный поцелуй и умчалась.

Я погрузилась в работу, но минут через пять позвонил Колесников и попросил срочно найти один документ. Перерыв и его, и свой стол, я отправилась в кабинет секретарши. Прошерстила стопку бумаг у компьютера и обнаружила то, что искала. Схватила папку и бросилась к себе — шеф ждал меня на телефоне. Но резко повернувшись, я случайно смахнула остальные бумаги на пол.

Быстро продиктовав Артёму нужные данные, я вернулась в кабинет и принялась собирать всё, что рассыпала.

Последним подняла красочный буклетик, перевернула его и рассмотрела. Это был план злополучного клуба «Просперо», такой выдавали при входе всем посетителям праздничного мероприятия. Я даже не знала, что Ольга тоже там была.

Когда она вернулась, я кивнула на её кабинет и покаялась:

— Прости, искала документ для шефа и рассыпала твои бумаги. Но я уже всё убрала. Заметила у тебя буклет «Просперо», ты ходила на открытие?

— Ага! У меня там подруга работает, ну и провела на территорию без приглашения. Правда, я быстро ушла, народу было столько, что даже на лавочку не присесть. А сам клуб ничего, красивый, только очень дорогой. Вряд ли я туда ещё раз попаду.

Вскоре приехал Артём, и уже мы с ним отправились на обед. Пока ждали заказ, шеф делился хорошими новостями, его голос был полон энтузиазма. Я попыталась вернуть Колесникова к реальности.

— Послушай, тебе не кажется, что всё это очень странно? Ну что Трунов вдруг затаился. Мы ведь ожидали усиления его атак.

— Ты что, не довольна? — мой собеседник удивлённо вскинул брови.

— Просто считаю, что не стоит обманываться и питать ложных надежд.

— Я и не питаю, всего лишь пытаюсь спасти типографию. И кое-что уже получается.

— Да, я знаю. Ты молодец!

Со вторым свидетелем вышел облом. Несколько раз я посетила место его прописки, но дверь мне никто так и не открыл. Тогда пришлось залезть в интернет, найти базы данных мобильных операторов и переписать номера телефонов всех Ветровых Алексеев Дмитриевичей, прописанных в нашем городе. Таких набралось восемь человек.

Я стала обзванивать их по порядку, называясь журналисткой и прося комментарии о давней аварии. Шесть раз шесть мужчин сообщили мне об ошибке, а на седьмой трубку взяла женщина. На мой уточняющий вопрос еле слышимый голос прошелестел, что Алексей Дмитриевич отсутствует. Когда я поинтересовалась, как его можно застать, собеседница помолчала и так же тихо спросила:

— Вы знали Алёшу?

Глагол в прошедшем времени сразу меня насторожил. Я немного поколебалась, но врать не решилась. И озвучила свою версию о написании статьи.

— Да, я помню эти события... очень хорошо помню, — произнесла женщина и добавила: — Приезжайте. Правда, в основном я живу на даче, но раз так, завтра вернусь домой.

Чтобы не спугнуть удачу, я не стала задавать лишних вопросов, просто записала адрес и договорилась о времени.

На этот раз ехать пришлось на другой конец города в один из спальных районов. Пока я добиралась до места, пыталась угадать, с кем буду встречаться. Кто она — жена, мать, сестра свидетеля? По голосу я предположила, что ей лет сорок, но ошиблась. Дверь мне открыла полностью седая, измождённая женщина с потухшим взглядом.

Она даже не стала разглядывать моё липовое удостоверение, просто повернулась и пошла вглубь коридора. Я последовала за ней и в просторной, чисто убранной комнате опустилась на диван. Хозяйка села в кресло у стены и некоторое время молча смотрела в пол, не двигаясь и не обращая на меня внимание. Когда мне в голову уже полезли нехорошие мысли, женщина наконец подняла голову.

— Вы хотите поговорить о той проклятой аварии?

— Почему проклятой? — горечь в её голосе вызвала у меня удивление.

— Потому что с неё всё началось!

— Что именно? — воспользовалась я подсказкой, но собеседница не услышала меня и продолжила свою мысль.

— Впрочем, это я напрасно. Началось всё не с аварии, а с квартиры, — теперь в её тоне звучала откровенная ненависть. Я уже перестала что-либо понимать. — Мы с мужем и сыном много лет прожили в коммуналке. Думаю, вы даже не представляете, какой это ад! Особенно если, как нам, не повезёт с соседями — пьяницами и дебоширами. Наша очередь на жильё очень медленно двигалась, и переехать сюда удалось, уже когда Алёше исполнилось семнадцать. Как же мы радовались, как наслаждались покоем и не верили своему счастью! Только длилось оно недолго. После школы сын пошёл в училище, закончил его, но работать по специальности не захотел. Всё искал себя, мечтал начать свой бизнес. Очень много всего пробовал, но ему никак не везло. А потом они с другом решили открыть автосервис, и им понадобились деньги. В банке согласились дать ссуду только под залог квартиры. Я как это услышала, сразу сказала: «нет»! Понимаете, я же как вспоминала нашу коммуналку, меня и через столько лет дрожь пробирала. Сын попробовал нас с мужем уговорить, а когда понял, что бесполезно, нашёл деньги в другом месте. Только ничего с бизнесом у них не получилось, прогорели они. Кредиторы стали требовать долг обратно. Друг сбежал, и Алёше самому пришлось выкручиваться. Вот тогда и подвернулось это дело. Я не знаю, кто на него вышел, но он согласился стать лжесвидетелем. Конечно, я помню аварию, сама читала статьи в газетах и ужасалась. А однажды случайно подслушала разговор сына — он обсуждал с кем-то, что надо говорить следователю. Уточнял свои показания. Я попыталась его усовестить, а он сказал, что у него не осталось другого выхода. Слава богу, врать на суде ему не пришлось, дело закрыли. Но деньги он получил и долг вернул. И Алёше это понравилось. Он понял, что можно не работать, не мучиться, а всего лишь говорить то, что тебя просят. Уже через год сын купил дорогую машину и снял квартиру в центре. Стал ездить на отдых за границу. Нам с отцом пытался деньги всучить, но мы их не брали. А восемь лет назад... Алёшу убили. Подкараулили у дома и застрелили. Убийц конечно не нашли, да их и не искали. Мне в полиции прямо намекнули, что если начнут копать, такая правда о моём сыне выяснится... Похоронили мы его, а через полгода умер муж, сердце не выдержало. Вот я и осталась здесь одна, в этой чёртовой квартире! Зачем она мне теперь? Кто мне семью вернёт? Господи, сынок, прости меня! — женщина уткнулась лицом в ладони и беззвучно заплакала.

Я ехала домой и с холодом в груди представляла, сколько времени мать Ветрова носила это в себе. Понятно, что такие вещи со знакомыми не обсудишь. А с чужим человеком проще, скорее всего, поэтому она так легко

пустила меня к себе. Женщина же не догадывалась, кто сидит перед ней. Прислушавшись к себе, я вдруг поняла, что не испытываю ненависти к её сыну. Своей смертью он расплатился со мной за то, что сделал. Он да, но не Колесников!

***

Как обычно и бывает, гром грянул, когда его меньше всего ожидали. Уже и я начала расслабляться, видя, что ничего страшного в последнее время не происходит. Дела в типографии потихоньку шли на лад. Новые контракты на хороших условиях были благополучно заключены, и мы ждали прихода первых платежей. Сотрудники повеселели и заметно успокоились, я даже пару раз застала Ольгу за пасьянсом.

О том, что банк неожиданно потребовал от нас досрочно погасить кредит, мы узнали не от самого банка, а из интернет-новостей. А на следующий день один из новых партнёров аннулировал только что подписанный договор. Второй оказался упрямее — продержался почти неделю. Но потом и у него самого начались неприятности. Услышав это, я поняла, что шансов у нас не осталось.

Всю неделю Артём пытался добиться встречи с представителями банка. Сначала под разными предложениями ему отказывали, а когда всё же согласились, он немного воспрял духом. Пока мы ехали на переговоры, сыпал аргументами, приводил разумные доводы, готовясь к беседе. Вот только мне казалось, что шеф уговаривает сам себя.

— Они не могут не понимать, что теряют собственную выгоду, лишают себя огромной прибыли. Это же прямое вредительство! — похоже, идея достучаться до их разума его не покинула. Для меня же эти слова звучали скорее как приговор.

— Вот именно, Артём! Раз уж они сознательно пошли на такое, значит нашли выгоду в чём-то другом. Она же не всегда измеряется в деньгах. Не строй иллюзий, наша поездка ничего не даст. Надо думать, как вернуть долг.

Артём хмуро взглянул на меня, поджал губы, но ничего не сказал.

Мои опасения подтвердились, когда к нам в переговорную пришёл какой-то мелкий клерк, явно не обладающий правами принимать серьёзные решения. Артём сразу это понял, но использовал все шансы до конца. Он мог бы уговорить и статую, если бы в её власти было дать нам отсрочку. Но клерк был всего лишь говорящей головой и как попугай повторял то, что ему велели. На выбор нам предложили три варианта решения проблемы: вернуть долг деньгами, залогом, то есть домом Колесникова, или акциями типографии.

Уже минут десять мы сидели в машине на стоянке. С тех пор, как покинули переговорную, шеф не произнёс ни слова. Я знала — бойцовский характер не позволит ему так просто сдаться. Вот и сейчас он напряжённо хмурил брови, явно перебирая возможные варианты действий. Мне надоело сидеть в тишине, я прервала мрачные раздумья своего спутника и тихо спросила:

— Ты же понимаешь — тем, кто всё это затеял, нужен не коттедж. Им нужна типография. Акции отдавать нельзя — потеряем контрольный пакет.

Артём повернул голову, прищурился и жёстко произнёс:

— Значит, придётся продавать коттедж. Надо выиграть время, — потом поморщился и покачал головой. — Чёрт, что я матери скажу?

— Не беспокойся, она это переживёт. Думай о себе. Вряд ли передышка будет долгой.

— Возможно. Но решать проблемы надо по мере их появления. С домом я готов расстаться, с типографией — нет!

Мы вернулись в офис. В последние дни настроение там царило почти похоронное. Производственный цех пока ещё работал, выполняя оставшиеся заказы, но размещать у нас новые больше никто не спешил. Нам пришлось сильно урезать текущие расходы, сократить персонал и значительно уменьшить оставшимся зарплаты.

Люди понемногу стали уходить. Радовало лишь то, что сюрпризов практически не было. Все, на кого я рассчитывала, остались на тонущем корабле. И Алла с Ольгой в том числе. Хотя на очередном совместном обеде в кафе я честно призналась девчонкам, что перспективы у нас весьма туманные, и стоит подумать о запасном аэродроме.

— Да ладно, мы же не слепые, — махнула рукой Алла. — А вдруг у нас всё наладится?

— Спасибо! Артёму это очень важно. Он держит себя в руках, но сами понимаете, как переживает.

— Знаешь, — улыбнулась Ольга, — ещё когда ты к нам пришла, я сразу подумала, что вы очень подходите друг другу. И шеф, кстати, это быстро понял. А тебе вот пришлось немного намекнуть, — засмеялась она.

— А я теперь не уверена, что мы поступили правильно, — возразила Алла. — Артёму Владимировичу конечно, нужна поддержка. А Саше зачем весь этот ужас? Вот и подумай, Оль, может, лучше было оставить её в неведении?

— Ну, даже не знаю, — растерялась подруга.

— Ладно, девчонки! Вы так говорите, будто не я сама решала, с кем мне быть. Глаза-то вы мне открыли, но выбор всё равно стоял за мной.

— Кто знает? — загадочно усмехнулась Ольга. Мы ещё немного поболтали, а потом подружки вернулись в офис. Я ждала Артёма, он должен был присоединиться ко мне. Официанты убрали лишнюю посуду, и я заметила, что на столе лежит деловой журнал. Кто-то из девчонок, похоже, его забыл. Я решила захватить его с собой, а пока было время, стала листать страницы.

Третьим свидетелем, чьи данные я переписала из уголовного дела, был друг шофёра Колесникова. Тот самый, чьи показания не очень удачно пытался проверить Союз автомобилистов. Сразу звонить по телефону я не стала — перед встречей нужно было придумать новую легенду. Я не знала, поддерживает ли этот человек связь со своим приятелем, поэтому не могла рисковать. Ведь через них информация о том, что кто-то копается в давно забытом деле, могла дойти до самого Колесникова. А тот вряд ли бы обрадовался, раз в своё время приложил столько усилий, чтобы замаять неприятные события.

Несколько дней я потратила на размышления, но ничего стоящего не придумала. И тогда решила немного понаблюдать за свидетелем в надежде получить какую-нибудь идею. Для начала проверила, проживает ли он по старому адресу. Просто позвонила и представилась сотрудником пенсионного фонда. Сразу же попала на него самого и в процессе разговора выяснила, что Платонов Виктор Андреевич ни место жительства, ни номер телефона не поменял.

Прежде чем заступить на пост наблюдения, я использовала маскировку. Во-первых, мне предстояло чуть позже под каким-нибудь предлогом познакомиться с женщиной, а значит, не стоило сразу мозолить ему глаза. Во-вторых, судя по данным из уголовного дела, шофёр Колесникова и Платонов проживали в одном дворе. И хотя председатель Союза автомобилистов сообщил, что шофёр со старого адреса переехал, и его дальнейшие следы потерялись, в точности этих сведений я не была уверена.

Поскольку я не представляла, как выглядит Виктор Андреевич, первым делом обосновалась на лестничной клетке на один этаж ниже нужной мне квартиры. Благо, дом был старый, без лифта, а подъезд проходной — никаких кодовых замков и, слава богу, никаких бдительных старушек. То есть никто ко мне не приставал и с подоконника не гонял.

Впрочем, долго ждать не пришлось. Примерно через час из квартиры вышел пожилой мужчина и направился вниз по лестнице. Я бодрым шагом протопала мимо него. Поднявшись на два пролёта, развернулась, быстро сбежала на первый этаж и осторожно выглянула на улицу.

Объект моего наблюдения беседовал с мужиком в рабочей спецовке, копающимся в моторе древних жигулей. Устроившись на лавочке недалеко от них и прикрыв лицо журналом, я прислушалась к разговору. Крутился он в основном вокруг тормозных колодок, карданного вала и цилиндров. Но самое главное я услышала — мужчина в спецовке несколько раз назвал собеседника Витей.

Дальше я наблюдала за свидетелем издали, уже не используя маскировку. К счастью, Виктор Андреевич оказался совсем не домоседом и предпочитал проводить большую часть времени на улице. То в компании местных любителей старого отечественного автопрома, помогая чинить его очередное ржавое детище. То эмоционально обсуждая за пивом последние политические новости. То просто прогуливаясь по живописным окрестностям, состоящим в большинстве своём из захламлённых дворов, несанкционированных свалок и потрескавшихся от времени тротуаров, тянущихся вдоль загазованных дорог.

Время шло, а я никак не могла решить, чем зацепить мужчину. На какой именно почве сойтись с ним ближе и выудить нужную мне информацию. Удивляло, что я ни разу не видела Платонова вместе с женщиной. Постепенно складывалось ощущение, что он живёт один. В удачно подслушанном разговоре соседи как-то поинтересовались новостями от сына Виктора Андреевича. Тот охотно рассказал пару обычных житейских историй. Из дальнейшего обмена репликами стало ясно, что его сын с невесткой и внучкой живут в другом городе и через несколько месяцев собираются в гости.

За время наблюдения я узнала, что у Платонова есть машина — старенькая иномарка. Он часто к ней подходил, строго раз в неделю мыл и чистил салон, вот только пользовался редко. Похоже, ему просто некуда было выезжать. Поэтому, когда я увидела, что мужчина садится за руль, сразу заинтересовалась. Благо, к такому повороту заранее была готова — планируя наблюдение, я взяла напрокат машину. Обычно она стояла в соседнем дворе, так как ежедневные маршруты Виктора Андреевича не предполагали дальних поездок.

Водителем Платонов оказался очень аккуратным. Выбравшись за город, не спеша двигался в правом ряду, никуда не торопился и почти никого не обгонял. Чтобы постоянно не висеть у него на хвосте, пришлось несколько раз уезжать вперёд, а потом останавливаться, давая ему время меня догнать.

Впереди показался указатель, Виктор Андреевич включил поворотник, а я напряглась. Потому что знала этот указатель очень хорошо. Отвилка вправо вела к кладбищу, на котором была похоронена моя семья. Я приезжала туда всего несколько раз, тщательно используя маскировку, и никогда не подходила близко к могилам. На самом деле, я не испытывала нужды смотреть на фотографии родных, их лица всегда стояли перед моим мысленным взором, стоило только закрыть глаза.

Платонов оставил машину на стоянке, купил у входа цветы и зашёл в ворота. Аккуратно, прячась за

памятниками и буйной растительностью, я последовала за ним. Обращать внимание на мои манёвры было некому, так как в будний день вокруг не наблюдалось ни одной живой души. Когда мужчина остановился, я выбрала самое удачное место для обзора, устроилась на ближайшей лавочке за оградкой и стала ждать.

Примерно через полтора часа Виктор Андреевич направился к выходу, и я смогла подойти ближе к могиле, у которой он провёл всё это время. С фотографии на памятнике на меня смотрела женщина с мягкими чертами лица и выразительными глазами. Судя по фамилии и возрасту, это была жена Платонова. И умерла она три года назад.

Медленно бредя к воротам, я думала о том, что вдовцом Виктор Андреевич стал не очень давно. Острая фаза горя у него уже прошла, но с потерей он, скорее всего, ещё не смирился. И что мне это давало?

До выхода оставалось совсем немного. Я свернула на главную тропинку и застыла. Прямо передо мной на траве сидел бледный до синевы Платонов, тяжело дыша и держась за сердце. Прятаться было поздно, да и оставлять его, похоже, опасно — вполне можно лишиться важного свидетеля. Я быстро наклонилась к мужчине:

— Вам плохо? Вызвать скорую?

— Не надо... сейчас пройдёт... в кармане валидол... — прерываясь, выдохнул он. Я вытащила из кармана его рубашки упаковку с лекарством и подала таблетку. Потом осторожно помогла подняться и довела до ближайшей лавочки. Сама присела рядом.

Внимательно разглядывая мужчину, я думала, может стоит всё же позвонить в скорую? Но Платонов понемногу приходил в себя. Его лицо порозовело, а дыхание нормализовалось. Через несколько минут он уже слабо улыбался мне и благодарил за помощь.

Теперь я могла со спокойной совестью оставить Виктора Андреевича одного, но в мои планы это не входило. Раз уж всё так получилось, глупо было не воспользоваться ситуацией. Озабоченно глядя на мужчину, я предложила:

— Знаете, сейчас вы выглядите гораздо лучше, но я не могу просто так уйти. Давайте, чтобы мне было спокойней, подвезу вас до дома. Я на машине, и время у меня есть. Не возражаете?

— Спасибо, дочка! Только я сам за рулём.

— Ну, думаю, за руль вам пока нельзя.

— Это точно, руки у меня ещё дрожат. А что же делать? — задумался он.

— Вот что — тогда я отвезу вас домой на вашей же машине. А потом заберу свою.

— Что ты, дочка! Это ж какое беспокойство для тебя. Туда-сюда мотаться. Не надо, я что-нибудь придумаю, — испугался мой собеседник.

— Никакого беспокойства, не переживайте. Всё равно у меня на сегодня нет других планов. Или вы боитесь за машину? Вообще-то я ездила на разных. Какая у вас?

— Да разве ж машина — главное в жизни, чтобы за неё переживать? Тебе столько проблем создавать не хочу!

— Ну значит, договорились. Пойдёмте потихоньку к стоянке.

Вот так мы и познакомились. У дома Виктора Андреевича я припарковалась и протянула ему ключи. Мужчина рассыпался в благодарностях, а потом смущённо пригласил меня выпить чаю, чтобы немного передохнуть. Конечно, я не отказалась.

Ещё по дороге Платонов рассказал, что на кладбище навещал жену. Взглянул на меня заинтересованно, помолчал немного и отвёл глаза. Видимо, надеялся услышать в ответ, что там делала я, но напрямую спросить не решился. А я ещё не знала, как буду объяснять своё присутствие в таком месте, и оставила себе поле для манёвра.

Ведя машину, я обратила внимание, что бензин в баке был почти на нуле. Сначала подумала, что мужчина забыл заправиться. Но взглянув поближе на спартанскую обстановку его жилища, на очень скромное угощение, выставленное к чаю, предположила другую причину. Может, у него просто не хватало средств на дорогой бензин? И как раз поэтому Виктор Андреевич так редко куда-нибудь выезжал?

Мы очень мило пообщались. Сначала Платонов немного смущался, но под конец освоился и уже спокойно рассказывал о своей семье, покойной жене и сыне. С гордостью показывал фотографии внуки. Перед уходом под предлогом беспокойства я взяла у него номер телефона и продиктовала свой. Естественно, представилась я чужим именем и номер оставила специально купленный для такого случая. А ещё незаметно засунула за кресло тонкий газовый шарф, чтобы иметь предлог для возвращения сюда.

***

Артём всё же попытался решить вопрос с долгом другими путями. И даже продал свою любимую игрушку — спортивный автомобиль. Но набрать необходимую сумму ему не удалось, тогда он сообщил банку, что готов отдать коттедж. Однако прошла неделя, и его уведомили о невозможности принять дом в обеспечение долга, так как

земля, на которой он стоит, является спорным имуществом.

Подключив юристов, удалось выяснить, что несколько дней назад права на участок заявил живущий в данный момент за границей потомок помещика, чьи владения лет сто назад располагались на этом месте.

— Это же абсурд! — кипятился Артём, — Какие ещё права, он сошёл с ума? Никто ему ничего не вернёт!

— Конечно, не вернёт. Тем более, на месте усадьбы сейчас стоит не только твой дом, но и пять соседних. А иск он почему-то подал к тебе одному. Ты же понимаешь, выигрывать его никто и не собирается. Тебя просто вынуждают отдать акции.

— Не дождуся! Я как-нибудь выкручусь.

Артём наконец перестал метаться по комнате и устало опустился на диван. Я не могла ему помочь и от бессилия ощущала почти физическую боль. Всё это было так несправедливо! словно смахивая ненужные пешки с шахматной доски, кто-то, походя, уничтожал всё, что было дорого Колесникову, на что он тратил время и силы, что любил и ценил. А ещё я боялась за самого Артёма. Прекрасно видела, что в своём упрямстве он уже готов рискнуть жизнью, забывая, что ни дом, ни типография не стоят такого дара!

Мне вдруг нестерпимо захотелось стереть усталость с его лица, прогнать напряжение и боль из глаз. Пусть ненадолго, пусть на полчаса, унести его туда, где нет тревог и волнений, где не надо принимать тяжёлые решения. Туда, где будем только мы вдвоём. Я шагнула к Артёму, на ходу стаскивая футболку. Прижалась крепче, нетерпеливыми руками расстегивая его джинсы, и увлекла в спальню.

Моя задумка удалась. Я смотрела на расслабленное лицо Артёма, улыбку, блуждающую по его губам, и чувствовала тепло в груди. Теперь я могла попробовать достучаться до него. Вот только как начать? Ответ пришёл сразу.

— Артём я хочу тебе кое-что сказать... я люблю тебя, и поэтому должна предложить — отдай им типографию. Пойми, надо уметь отступить! Что бы ни случилось, твоя голова и твои способности останутся при тебе. Ты молодой, сильный, умный, а значит, сможешь построить новый бизнес. Ещё более успешный — это и будет твоя победа! Я останусь рядом и помогу. Разве ты не видишь, нам не выстоять против них. Не собираешься же ты умереть за типографию? А до такого вполне может дойти.

Пару минут Колесников молчал, не глядя на меня, потом поднял глаза.

— Саш, спасибо! Поверь, я оценил. Не думай, я, как и раньше, трезво смотрю на вещи и не собираюсь закрывать грудью амбразуру. Но пока не использую все возможности, я не отступлю. А этого ещё не произошло.

Я прижалась к Артёму и уткнулась носом ему в шею. Его руки легко скользили по моей спине. Немного согревшись у него на груди, я отодвинулась и побормотала.

— Что ж, тогда есть один шанс. Я тут полистала деловой журнал. Там была статья о похожем случае — бизнесмен успел переписать свою фирму на другое лицо.

— Да, я думал о таком способе. Но это не поможет вернуть долг.

— Зато они поймут, что типографию так не получить, и отзовут свой дурацкий иск. Никто не захочет тратить деньги на судебные издержки по заведомо проигрышному делу. Тогда банк примет твой залог. Конечно, Трунов придумает что-нибудь ещё. Но ты сам говорил: будем решать проблемы по мере их появления.

— Звучит интересно. Хорошо, я подумаю над этим.

— Здесь самый сложный вопрос — на кого всё переписать. Есть у тебя надёжный друг? Человек, которому ты полностью доверяешь?

Артём нахмурился, помолчал немного, потом хмыкнул.

— А знаешь, оказывается, это непростой вопрос. Я даже не подозревал. И всё же уверен, что найду такого. А пока пусть всё идёт к черту! — он притянул меня к себе и скинул на пол одеяло.

Через пару дней я позвонила Виктору Андреевичу, чтобы узнать о состоянии его здоровья и «вспомнить» про забытый шарф. Но мужчина так искренне обрадовался, услышав мой голос, что использовать предлог не пришлось. Мы и так договорились, что в ближайшее время я заеду его проведать.

Нескольких посещений мне хватило, чтобы изучить основные черты характера Виктора Андреевича и продумать стратегию своего поведения. Как оказалось, мужчине не очень нравилось, когда о нём проявляют явную заботу. Возможно, потому что заставляло ощущать себя немоющим и старым. Во всяком случае, он деликатно, но твёрдо пресёк мои попытки привезти продукты или помочь с уборкой квартиры.

Зато я легко нащупала качество, которое могла использовать в собственных целях. Виктору Андреевичу очень хотелось чувствовать себя нужным, заботиться о ком-то самому. А вынужденное одиночество полностью лишило его возможности проявить это качество. Тогда я и решила рассказать часть правды о своей жизни.

Выбрав удачное время, призналась, что не так давно в результате случайной аварии лишилась семьи. Платонов должен был видеть, как я мужественно пытаюсь примириться с потерей, но иногда впадаю в депрессию и тоску. Мне даже не пришлось вспоминать прошлые чувства, все эти годы они ни на минуту не покидали меня. Наоборот — полностью слились с плотью и кровью, став моей неотъемлемой частью.

Виктор Андреевич принялся меня опекать, всё больше и больше входя в эту роль. Я появлялась у него примерно раз в неделю и постепенно стала замечать, что с каждой встречей он всё тщательнее готовился к моему приезду. Покупал сладости, что я похвалила в прошлый раз, готовил блюда, которые мне нравятся, украшал старую скатерть скромными букетами полевых цветов.

Это казалось странным, но я чувствовала себя с ним вполне комфортно. Мы были так не похожи — разные люди, разные судьбы, разные интересы — вообще ничего общего. Но при этом у нас получалось легко общаться. И даже его деликатные попытки подбодрить меня, вселить надежду на будущее не вызывали отторжения.

Как-то поймав себя на том, что искренне смеюсь над очередным рассказом Виктора Андреевича, я насторожилась. Чего точно не собиралась делать — это привязываться к нему! Пора переходить к главному, мы уже вели достаточно откровенные разговоры. Конечно, с моей стороны это была контролируемая «откровенность», но мой собеседник о подобном не догадывался.

С каждым разом я постепенно выдавала всё больше подробностей об аварии, лишившей меня семьи. Естественно, не копировала дословно реальную историю, но использовала похожие факты, чтобы вызвать у Платонова нужные ассоциации и натолкнуть на воспоминания. Я изображала сильные переживания из-за того, что виновный в столкновении водитель так и не предстал перед судом.

— Ведь сразу после аварии он полностью признал свою вину! — с горечью делилась я. — И только потом отказался от показаний. Стал твердить о стрессе, под воздействием которого себя оговорил. А свидетели только запутывают дело — утверждают прямо противоположное. Не понимаю, зачем люди говорят то, чего не было на самом деле? Кто-то же из них врёт, раз их показания противоречат друг другу? А полиция — ей-то что надо? По-моему, всё ясно — сидел человек за рулём и не справился с управлением. А они тянут и тянут!

День за днём я рассуждала подобным образом, мучилась, страдала. Задавала риторические вопросы и придумывала разные версии. И однажды Виктор Андреевич не выдержал. Чтобы успокоить меня и показать, какой запутанной может быть простая на первый взгляд ситуация, решил поделиться прошлым опытом. Наконец-то я дождалась!

Сначала Платонов изъяснялся туманно, полунамёками. Но поскольку я проявила активный интерес к похожей ситуации, постепенно разговорился. И по-прежнему не называя фамилий, уже откровенно и подробно пересказывал давние события, не скрывая своей роли в них. А я слушала и запоминала каждую мелочь.

— Вот ты, Танечка, свидетелей ругаешь. А тогда тоже так получилось — наши показания не совпадали. Конечно, я мог бы промолчать, если б знал... Я-то думал, что Коле помогаю, спасаю от незаслуженных обвинений. Видел же его в тот день на заправке, вот и сказал правду. А он вдруг попросил меня отказаться от своих слов. Я ему: «Как же так? Что ж ты делаешь? Судьбу свою собственноручно под откос спускаешь!» А он мне отвечает: «Пойми, Витя, не всё так просто. Иногда приходится идти на компромисс, чтобы чего-нибудь добиться в этой жизни. Иначе не получается».

— То есть, ваш друг себя оговорил? Но зачем? Или, вернее, за что?

— Думаю, причина всё же была в деньгах, точнее, в жилплощади. Очень они тяжело жили: бабушка лежачая, сын с невесткой и ребёнком и Коля с женой. И вся эта орава в малогабаритной двушке. Хотя всю правду я до сих пор не знаю, несмотря на то, что пытал его тогда и так, и эдак. Но Колька твердил, что сам мало что понимает и просто выполняет просьбу человека, которому не может отказать.

— Значит, за рулём всё-таки сидел не он. А вы в этом абсолютно уверены?

— Конечно! Своим глазам я пока доверяю. Да и не один я видел его на той заправке, были ещё свидетели.

Только они помалкивали. Вернее, ввали.

— Как это? Кому ввали и о чём?

— Разнорабочим на заправке работал один пьянчужка. Ну, когда из запоев выходил, тогда и работал. Я его немного знал, денег время от времени подкидывал. Не сложилась у человека судьба — жена ушла, из квартиры в коммуналку его выселила. Он, конечно, непутёвый был, но не злой и услужливый. Так вот, после аварии я несколько раз натыкался в газетах на заметки об алиби Колькиного шефа. И вот этот самый пьянчужка как-то проболтался мне — это он газетчикам рассказал, что видел шефа в тот день в машине на заправке. А они его в своих статьях неизвестным источником обозвали. Небось стыдно было писать, от кого свои сведения получили.

— Так этот человек врал или правду говорил?

— Да какую там правду! Выдумал всё, конечно. Мы с ним даже поругались из-за этого. Я-то знал, что в день аварии он работал и Колькину машину обслуживал. Ну и предложил вместе со мной в полицию пойти и рассказать. Он идти наотрез отказался и заявил, что шофёр никому не интересен. А вот за слова о том, что в машине сидел Колькин шеф, журналисты ему уже неплохо заплатили. Плюнул я тогда от злости и сам в полицию пошёл. А пьянчужку этого жизнь вскоре наказала — спился он совсем и умер, вот так-то.

— Так кто же, по-вашему, настоящий виновник аварии?

— Начальник Коли, наверняка. И тогда мало кто в этом сомневался. Во всех газетах почти прямо его обвиняли.

— А не мог кто-нибудь другой вести машину? Ну, родственник начальника, например, сын или жена?

— Не мог! Это я точно знаю, от самого Коли. Как раз в тот злополучный день мальчишка в больницу попал с тяжёлыми травмами — несчастный случай у них дома произошёл. Их с матерью скорая увезла. Вот, скорее всего, туда и нёсся Колькин шеф так, что никого вокруг не замечал.

— Да, звучит правдоподобно... — это была новая и очень важная для меня информация. — Значит, говорите, дело закрыли? А со своим другом вы ещё общаетесь?

— Нет, дочка, наши пути давно разошлись. Хоть дело и развалилось, но Кольку долго журналисты преследовали. Помню, прямо тут, в нашем дворе дежурили. Не выдержал он и уехал. Сначала в другой город, а потом за границу. Сын его со временем туда перебрался и отца с матерью перетащил. Он мне даже как-то открытку прислал. Вон, в секретере лежит, всё никак не выкину, — кивнул Виктор Андреевич в сторону старенького лакированного шкафа.

Рассказывал Платонов ещё долго, но ничего интересного я больше не узнала. Что ж, моя задача выполнена, теперь надо было осторожно сводить отношения с Виктором Андреевичем на нет. Тем более, через пару недель он ждал в гости сына и внучку и вовсю строил планы о нашем знакомстве. Мне это было совершенно ни к чему. Чтобы немного приглушить его пыл, я сообщила, что скоро уезжаю в длительную командировку.

Оставалось сделать лишь одно. Под благовидным предлогом я ненадолго выпроводила из квартиры Виктора Андреевича и тщательно перерыла секретер. Нашла открытку из Германии, подписанную Коришуновым Николаем Павловичем, сфотографировала её и аккуратно вернула на место.

Теперь я знала адрес главного свидетеля, вернее, главного подозреваемого, только что с ним делать, не представляла. Этот человек уж точно не захочет со мной говорить и, скорее всего, сразу сдаст Колесникову.

В последнее время меня всё больше и больше занимал один вопрос. Пока Артём сосредоточился на юридических делах, я проехала по библиотекам, плотно посидела в интернете, и в результате возникла тема, которую мне требовалось срочно с ним обсудить. Пару дней я колебалась и никак не могла решиться на сложный разговор. Но всё же пересилила себя.

— Артём, мне не даёт покоя эта незаконченная история с Эринией, то есть всё тот же вопрос мести. Я не согласна с твоими предположениями о корыстных мотивах шпиона и... прости, потратила некоторое время на изучение скандалов, связанных с тобой и твоей семьёй.

— Представляю, чего ты обо мне начиталась! — грустно рассмеялся Колесников. — Было время — я много чудил. В голове ветер, в крови гормоны, и никаких тормозов.

— На самом деле, ничего такого страшного не нашлось. Сплетен, конечно, выше крыши, но и только. Для серьёзной мести, по-моему, маловато. А вот у твоего отца была пара случаев с тяжёлыми последствиями. Я понимаю, как тебе это «приятно» слушать, но информацию я брала из открытых источников и проверить её достоверность могу только у тебя.

— Да ладно уж, не тяни. Переживу.

— Хорошо. Ещё раз прости, но твоему отцу приписывают, что свою карьеру он начал с афёры, приведших к разорению нескольких человек и даже к самоубийству одного из них.

— Да, всплывали пару раз похожие обвинения. Я на тот момент ещё не родился и ничего подтвердить или опровергнуть не могу, а отец не считал нужным это комментировать, — усмехнулся Артём.

— Ладно, тогда второй случай. Это авария со смертельным исходом, в которой был замешан твой отец. И хотя по официальной версии за рулём сидел не он, почти все обвиняли именно его. В то время ты уже был подростком. Думаю, такая шумиха не могла пройти мимо тебя. Пожалуйста, если знаешь, расскажи, что случилось на самом деле?

Артём тяжело вздохнул, встал, походил по комнате и снова сел в кресло. Взглянул пристально и спросил:

— Что конкретно ты хочешь узнать?

Я выдержала его взгляд и не отступила:

— Вы вообще в семье говорили на эту тему?

— Один раз мы с отцом всё обсудили. Ты права, шумиху трудно было не заметить, даже несмотря на то, что меня долгое время не было в городе.

— А где ты был?

— За границей. Не очень весело такое вспоминать, но если вкратце: в тот день к нам в дом залезли воры. Отец был на работе, а я услышал крики матери и выбежал из своей комнаты в коридор второго этажа. Увидел, что какой-то заросший грязный мужик схватил мать за руки, и попытался вмешаться. В общем, мы боролись, и он скинул меня с лестницы. О дальнейшем я знаю только по рассказам. Мужик испугался и быстро сбежал. Мама вызвала скорую. У меня был перелом позвоночника и куча других травм. Слава богу, инвалидом я не остался, но лечиться пришлось долго. Сначала в столице, а уже потом на восстановление меня увезли за границу.

— Ужас! Какое счастье, что всё обошлось. Но почему о нападении на тебя в газетах не было ни слова?

— Отец за этим очень строго следил. Так что сама понимаешь, в тот момент об аварии я не подозревал, потому что большую часть времени проводил под обезболивающими. А когда начал понемногу двигаться, чтобы не сдохнуть от тоски в разных клиниках, читал всё подряд: книги, газеты, журналы. Тогда я обо всём и узнал. Начитался кучу статей и не смог заставить себя посмотреть отцу в глаза, когда он в очередной раз пришёл меня навестить. Папа всё понял и сам предложил поговорить. Сказал, что я могу задавать любые вопросы.

Артём замолчал и уставился в пол, я немного подождала, потом позвала:

— Так что ты выяснил? Он сообщил, кто управлял машиной?

— Да, его шофёр.

— И ты поверил? Думаешь, простого шофёра кто-нибудь стал бы так выгораживать? Закрывать уголовные дела?

— На самом деле отец считал, что тоже виноват. Потому что приказал водителю гнать со всей силы, когда узнал о том, что со мной случилось. И потом, он действительно редко сам садился за руль. Так что у меня не было повода сомневаться в его словах.

— И в том, что в аварии виноват погибший водитель, тоже?

Артём отвёл глаза и покачал головой:

— Чего ты от меня хочешь? Пойми, я был ребёнком. Передо мной сидел мой отец. Он не утверждал, что его шофёр не виноват. Говорил — суд во всём разберётся. Обещал, что примет любое его решение. Собирался помочь

семье пострадавших.

— И помог?

— Не знаю, извини, я не проверял. Я тогда заново учился ходить, моя жизнь на какое-то время полностью изменилась. Пришлось на год перейти на домашнее обучение. Я сильно переживал, что так и буду хромать. В общем...

— Понятно! Я, правда, понимаю, не думай. Если бы передо мной сидел мой отец, я бы тоже поверила. И кстати, всё могло быть так, как он говорил. Вопрос в другом — в том, во что поверила вторая сторона.

— Ты о пострадавших в аварии?

— Да.

— Там, насколько я помню, выжил один ребёнок.

— Сейчас этот ребёнок уже достаточно взрослый.

— Ну знаешь, это звучит, как рассказы Агаты Кристи. Я такого представить не могу.

— А я вполне могу. Вот только, что с этим делать, не знаю.

— Хорошо, попрошу ребят поднять ту старую историю и выяснить, что случилось с ребёнком.

— Попробуй.

Артём кивнул, сел рядом, взял меня за руки и загадочно продолжил: — А теперь я хочу обсудить с тобой кое-что. У меня есть три просьбы, точнее, три предложения, и все они связаны друг с другом. Первое: я собираюсь переписать типографию на тебя. Второе: после этого тебе придётся на время уехать за границу. И третье, самое главное: когда весь этот бардак закончится, ты выйдешь за меня замуж?

На минуту я потеряла дар речи. Только хлопала глазами, изумлённо глядя на него. А потом сдавленно прошептала:

— Зачем мне уезжать?

Колесников громко рассмеялся.

— Наверное, надо было тебя как-то подготовить. Ты сейчас такая забавная. Это самое важное, что тебя интересует?

— Нет, но... — мой голос дрогнул, пришлось несколько раз откашляться. — Я просто не знаю, что сказать...

Как-то, и правда, неожиданно!

— Тогда ответь сначала на последний вопрос. Ты выйдешь за меня?

— Конечно! Но в таком случае бессмысленно переписывать типографию на меня.

— Поэтому я и сказал: поженимся, когда всё закончится. Думаю, больше полугода ждать не придётся.

— Ты уверен, что хочешь оформить своё детище на меня? Наверняка у тебя полно других кандидатур, получше.

— Получше я не нашёл, — ответил он и чмокнул меня в нос.

— Так зачем мне всё-таки уезжать?

— Ну сама подумай. Ты же станешь для Трунова просто лакомым кусочком. Оставаться здесь будет слишком опасно. Я отправлю тебя под охраной в какое-нибудь надёжное место, а сам пока разберусь здесь со всем остальным.

То, что он предлагал, звучало вполне разумно, но совершенно мне не подходило. Я не собиралась оставлять Артёма одного и озвучила своё мнение:

— Что ж, я согласна с первым и последним предложением, но совершенно не согласна со вторым. И не уговаривай меня, я не изменю решения. Или выбирай другую кандидатуру.

Конечно, мои слова его не остановили. В ближайший час я проверила на себе всю силу его красноречия, все способности к убеждению и даже не совсем честные приёмы, но чудом устояла. Эта схватка полностью вымотала нас обоих, а Артёма ещё и разозлила.

Отправляясь спать, он грозно пообещал, что не собирается отступать и продолжит разговор на следующий день. Стало ясно, что просто так его не уговорить. А значит, придётся изобрести какой-нибудь способ обезопасить себя, не уезжая далеко. Несмотря на усталость, заснуть мне не удалось, и полночи я потратила на раздумья. А под утро меня осенило.

Итак, моё расследование подошло к концу. Свидетели опрошены, документы и экспертизы изучены. Дело можно направлять в суд. Этим самым судом — судом присяжных — я назначила сама себя. Выделила целый день и провела настоящее заседание. Попеременно переключаясь то в позицию обвинителя, то в защитника, озвучивала показания, задавала вопросы и отвечала на них. Проводила прения сторон и рассматривала факты и улики. А потом удалилась на совещание с собой и своей совестью. И, почти не колеблясь, вынесла вердикт — Колесников виновен!

Теперь нужно было назначить наказание. Эта часть процесса вызвала у меня затруднение. Ведь приговор должен быть таким, чтобы я смогла привести его в исполнение. А в этом мои возможности были сильно ограничены. Я способна противопоставить Колесникову и его внушительным связям только саму себя.

В конце концов я придумала. Этот человек разрушил мою жизнь, значит я разрушу его! Уничтожу всё, что имеет для него значение. Нет, я не буду его убивать — пусть он видит вокруг себя только руины и мучается как можно дольше. А для начала надо точно выяснить, что ему по-настоящему дорого.

И я вплотную занялась Владимиром Колесниковым. К этому времени мой враг уже оставил политические амбиции и сосредоточился исключительно на бизнесе. Я тщательно изучала любые интервью с ним, архивы передач и радиоэфиров. И собирала в копилку всё, чем он гордился, о чём отзывался как о важном и значимом для себя.

Постепенно у меня сложился чёткий список. Первое и любимое детище — типография. Второе — семейное гнездо — загородный коттедж. Третье — верная соратница и подруга — жена. Четвёртое — имя, репутация. А вот о сыне он упоминал очень редко. Зато газеты со смаком обсасывали очередные сплетни о приключениях «золотого» мальчика. Просмотрев их, я сделала вывод, что разбираться с младшим Колесниковым не имеет смысла — тот сам упорно и последовательно разрушал всё вокруг себя.

Определив цель, я стала разрабатывать конкретные шаги для её достижения. Решила, что прежде всего нужно войти в близкое окружение своего врага и начать подрывную деятельность изнутри. Проще всего это было сделать через работу, то есть, устроиться в типографию. Впереди у меня оставался последний курс института, и времени для подготовки было достаточно.

Я активно взялась за осуществление своих планов, ощущая радостное возбуждение от того, что моя цель приближается с каждым днём. А через несколько месяцев неожиданно всё рухнуло — Владимир Колесников умер от инфаркта. Прочитав об этом в газетах, на мгновение я почувствовала, будто земля уходит из под ног, а из груди словно выкачали весь воздух. Я никак не могла поверить, что в долю секунды лишилась всего, что было целью моей жизни. Её оправданием, главным и основным смыслом!

Удар оказался слишком сильным, и я не смогла справиться с ним. Мне всё стало безразлично — я забросила учёбу, отказывалась следить за собой, почти перестала есть. Лежала в своей комнате на диване, уставившись в потолок, и молчала.

Моё поведение так сильно отличалось от привычного, что привело в ужас приёмных родителей. Сначала они просто пытались со мной поговорить. Потом попробовали вытянуть меня к специалистам, а когда не получилось — приглашали психологов к нам домой. Я продолжала молчать, и единственное, что узнали родители от докторов — у меня жутчайшая депрессия. Это и я могла бы сказать, если бы захотела разговаривать.

Принимать любые таблетки или помощь я отказывалась, и в отчаянных призывах матери и отца всё чаще стали проскальзывать слова о принудительном лечении. Вот здесь я задумалась. Вспомнила детский дом, представила смиренную рубашку, закрытую палату и вздрогнула. Нет, только не это! Лучше закончить всё самой, быстро и безболезненно.

Чтобы выиграть время и сохранить свободу, пришлось встать с дивана и для начала объяснить с родителями. Не утруждая себя, я озвучила первое, что пришло в голову: всё, что со мной происходит — последствия неудачной влюблённости. Пообещала взять себя в руки и справиться с ситуацией. Уж я-то знала, что надо говорить, чтобы их успокоить. И действительно, меня сразу же оставили в покое, просто окружили ещё большей любовью и заботой.

Я сообщила родителям, что вернулась в институт, а на самом деле бездумно бродила по городу, придумывая простой и лёгкий способ ухода из жизни. Вот только голова отказывалась работать. Я часто выпадала из реальности и обнаруживала себя в неожиданных местах, совершенно не помня, как туда попала.

Так однажды вечером я вышла из забытья и поняла, что стою на набережной, опершись на парапет и глядя вниз, на покрытую легкой рябью реку. И тут почувствовала — не надо больше ничего искать. Это то, что мне нужно. И пусть я прекрасно умею плавать, холодная вода не оставит мне шансов, даже если инстинкт самосохранения включится сам в последний момент.

Сердце забилося быстрее в предвкушении близкого освобождения. Я оглянулась по сторонам, желая убедиться в отсутствии свидетелей. Вдруг среди них найдётся сумасшедший, что возомнит себя героем и кинется в ледяную реку. Но в этот мрачный осенний вечер набережная была пустынной. Я улыбнулась и повернулась к реке.

И тут же за спиной раздался противный визг тормозов. Затем звук открываемой двери и возмущённый женский голос:

— Ну ты и сволочь! Вот здесь меня и оставишь? Ночью?

— Лера, ты мне надоела! — насмешливо ответил мужчина. — Вот уж за тебя я точно не беспокоюсь. Ты из тех, кто нигде не пропадут.

— Артём, послушай! Ну зачем тебе эта дурацкая типография? Очередная игрушка? Не наигрался ещё?

— С тобой я это обсуждать не собираюсь, вряд ли ты поймёшь. Просто прими к сведению: решение я уже принял и ни в какой Лондон не поеду. Найди себе другого спутника.

— Какого ещё другого? Я тебя люблю! А тебе, похоже, плевать!

— Не выдумывай, ты не знаешь, что такое любовь. Ну если только к себе.

— Это ты не меряй всех по себе! Если сам бесчувственный болван — не значит, что остальные такие же.

— Как прекрасно ты объясняешься в любви, мне нравится, — продолжал глумиться собеседник.

Я осторожно развернулась, чтобы не спугнуть парочку, их милая беседа меня неожиданно заинтересовала. Впрочем, стояла я в тени небольшого бетонного сооружения, примыкающего к ограждению, и свет от фонаря сюда не доставал. Зато мне было отлично видно спорщиков — высокую блондинку в меховом жилете, переминающуюся с ноги на ногу рядом с открытой дверью спортивной машины, и парня за рулём, в котором я без труда узнала сына Владимира Колесникова.

— Артём, ну пожалуйста, — безуспешно взывала девица, — подумай обо мне хотя бы раз! Ты же всё равно забросишь этот бизнес, не сейчас, так через месяц. Он тебе просто надоест! Мы же уже всё решили, билеты и гостиницу заказали. Я всем сказала, что уезжаю...

— Вот это тебя и беспокоит. Зачем прилетать сюда любовь? Ладно, я устал, утром у меня совещание. Могу в качестве компенсации добросить тебя до метро, хочешь?

— Да пошёл ты! — задохнулась от злости девица, запахнула жилет и зашагала по набережной.

— Вот и замечательно! — ухмыльнулся мужчина, развернул машину, нарушив все возможные правила, и умчался в темноту.

Через минуту дробный стук каблучков затих, и я осталась одна. Снова повернулась к реке, наклонилась над парапетом и вдруг отпрянула. Да что ж такое, Колесников просто преследует меня! Даже умереть спокойно не дал, вот ведь гад! А теперь, значит, его сынок займётся типографией. Ну и отлично, разорит её за пару месяцев! А если нет? Если у него получится? Будет жить с матерью в прекрасном доме, пользоваться деньгами отца, продолжит его дело... Нет!!! Так не должно быть! Ничего не должно остаться от их проклятой семьи! Только руины! Но кто это сделает, кроме меня?

И вот тут я остановилась. А действительно, кто? Почему я решила, что со смертью старшего Колесникова моя месть потеряла смысл? Я всё ещё могу разрушить всё, что имело для него значение: его дом, бизнес, семью, честное имя. Какая разница, что теперь сыночек управляет типографией? Судя по всему, он недалеко от папаши ушёл — такая же сволочь! А значит, в моём случае сын за отца отвечает. «Грехи отцов падут на их детей» — пусть эта фраза отныне станет моей мантрой.

Я вдруг почувствовала огромное облегчение и просто без сил опустилась на корточки, прижавшись спиной к парапету. Через пару минут отдышалась, поднялась на ноги и быстро пошла к метро, по дороге обдумывая и исследуя со всех сторон свою новую цель. В мои мысли вернулась ясность, а в сердце — спокойствие и уверенность в своей правоте.

***

Моя гениальная идея Артёму не то чтобы понравилась, но ему пришлось пойти на компромисс и согласиться. Просто потому, что уговорить меня уехать не удалось. Зато он полностью отыгрался, сообщив, что в ближайшие месяцы сам будет отвечать за мою безопасность. И потребовал беспрекословно его слушаться и мгновенно выполнять все указания.

А первым делом заявил, что отныне мы, как неразлучная парочка, всегда будем вместе. Сначала я обрадовалась, потому что сама мечтала быть рядом с ним. Но потом поняла, что слова Артёма надо понимать буквально. В помещении я всегда должна была находиться в поле его зрения, а на улице — не отходить ни на шаг!

Сначала такие жёсткие правила привели меня в уныние, но довольно скоро я придумала, как их обойти. Для этого пришлось задействовать Аллу, призвав её на помощь. Частично я поделилась с ней тем, в какой ситуации оказалась. И попросила прикрывать меня, когда хотела выбраться куда-нибудь без сопровождения. На самом деле, излишней беспечностью я не страдала и прибегала к подобному способу крайне редко. Просто само существование

такой возможности действовало на меня успокаивающе.

Формальная передача типографии в мои руки состоялась на прошлой неделе. А на этой мы с Колесниковым занимались воплощением моей идеи. И как раз возвращались из столицы, где посетили офис адвокатской конторы, представляющей интересы одной крупной зарубежной компании.

Дорога была долгой, но большую её часть Артём молчал и лишь под конец рассказал о том, какие результаты дало мини-расследование последствий аварии, связанной с его отцом. А точнее, поиски оставшегося в живых ребёнка. К сожалению, рассказ о результатах занял всего два предложения.

— Это была девочка. После гибели родителей она попала в детский дом и там умерла.

— Какая страшная судьба! — не удержалась я, ощущая, как холод пробежал по спине, и нервно взглянула на Артёма. Он сосредоточенно следил за дорогой, но лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Я заметила, как дёрнулась его щека, и отвернулась к окну.

Тот день продолжился так же странно. Уже у нашего офиса произошло одно досадное происшествие. Мы поднимались по ступенькам, когда навстречу нам на крыльцо выпорхнули Ольга с Аллой, явно собираясь на обед. Вдруг девчонки недоумённо посмотрели вниз. Я оглянулась. К лестнице подбежал запыхавшийся пожилой мужчина. Справившись с дыханием, он протянул к нам руку и воскликнул:

— Танечка, господи, вот радость-то! Как хорошо, что я тебя встретил! Куда же ты пропала? Я столько раз тебе звонил, а телефон всё недоступен.

Поскольку мы стояли молча и, не считая удивлённых взглядов, никак не реагировала на его слова, мужчина немного растерялся и уже не так уверенно продолжил: — Подожди, ты что, меня не узнаёшь? Это же я, Виктор Андреевич!

— Товарищ, вы что-то перепутали. Здесь нет никаких Тань! — решила расставить точки над «и» Ольга.

— Неужто обознался? Не может быть... Простите... — дядечка совсем ступевался и отошёл в сторону. Перед тем, как зайти в офис, я обернулась. Мужчина всё ещё стоял в тени деревьев и смотрел в нашу сторону.

Вот и всё! До исполнения моих планов осталась каких-то пара шагов. А ведь я и сама до последнего не верила, что смогу это сделать! Как всегда, не обошлось без сбоев — вчера меня случайно заметил Виктор Андреевич. Впрочем, никакого урона это недоразумение мне не нанесло, но немного поволноваться заставило.

А теперь можно полностью сосредоточиться на предстоящей эффектной концовке. Конечно, жаль, что Владимир Колесников не увидит завершающего акта трагедии, но и так неплохо. Скоро ни от его семьи, ни от любимого дела не останется и следа. Грехи отцов падут на их детей!

Для большего эффекта не хватало присутствия ещё одного участника тех событий — шофёра. Теперь, когда бывший шеф умер, мужчина мог бы открыто признаться в подмене, на которую его заставили или уговорили пойти. Наверное, стоило бы съездить туда, где он сейчас живёт, и попытаться встретиться. Но поскольку финал приближался, я не могла покинуть город и решила просто написать письмо. А вдруг мне ответят?

Положив перед собой лист бумаги, я задумалась — надо было сообразить, как вызвать шофёра на откровенность. Мысленно перебирая всё, что о нём знала, я вспомнила тот единственный раз, когда видела его не на фотографиях — день аварии.

Моя память отлично сохранила испуганный, виноватый взгляд мужчины, когда он повернулся и заметил меня, лежащую на носилках. И неожиданно слова потекли сами собой. Я написала правду: что я — та самая девочка, которую он видел. Что у него остался последний шанс облегчить душу и рассказать о своей роли в давней трагедии и о вине Владимира Колесникова. Закончив, я даже не стала перечитывать письмо, быстро запечатала его и отнесла в почтовый ящик.

Вернувшись домой, я позвонила Трунову. На какое-то время мне удавалось оттянуть окончательное объяснение с ним, не открывая полную картину, и мой партнёр был недоволен. Кто-кто, а Михаил Трунов не привык быть на вторых ролях, отсутствие ясности в делах сильно его злило. Но поскольку результаты нашего сотрудничества были налицо, он терпел, хоть и сходу вылил на меня поток претензий, вызванных последними событиями.

— Мы так не договаривались! Это что ещё за жертвенная дура? Сначала она согласилась быть овцой на закланье. А потом всё-таки испугалась и подстраховалась. Знаешь, что они придумали?

— Знаю: девушка написала завещание. И в случае своей смерти оставила типографию одной очень крупной зарубежной конторе.

— Вот именно! Известной своими аппетитами конторе, которая так просто вкусную добычу не отпустит. И на которую я, к сожалению, никак воздействовать не смогу. А мне что с того?

— Не переживайте, Михаил, всё под контролем.

— Знаешь, вообще-то, я очень зол! Ты до сих пор не рассказала обо всех своих планах. Темнишь, недоговариваешь. Не понимаю, почему я иду у тебя на поводу? Раньше за собой такого не замечал, может, старею?

— Не наговаривайте на себя. Просто вам очень понравилась идея размазать Колесникова по стенке. И не физически, как вы сначала собирались, а психологически. Сломить соперника морально, согласитесь, гораздо интересней!

— Не буду отрицать, твоя задумка лишить печатника всего, что ему дорого, меня вдохновила. Все эти заморочки, типа родного очага, честного имени и тому подобного для таких, как он, много значат. Но я не вижу, как мы теперь этого добьёмся? Что делать с девчонкой?

— Я же говорю: всё под контролем. Я смогу на неё воздействовать.

— Как? По-моему, ты её недооцениваешь. Такие дуры очень влюбчивы и готовы всё отдать за мужика. Да она тебя послушает и тут же побежит докладывать Колесникову!

— Ещё раз повторяю: мне есть, чем её взять.

— Уверена? — недоверчиво переспросил Трунов. — Между прочим, если ты со слепой бабской влюбчивостью справишься, тебе можно памятник ставить! Научишь меня потом своим приёмам?

— Там посмотрим.

— Тогда ладно. В конце концов, пока что ты не давала мне поводов сомневаться в себе. Тем более, я могу включиться в дело в любой момент.

— Конечно. Скоро как раз будет ваш ход.

— Хорошо. Знаешь, я что-то заскучал в последнее время. А после нашего знакомства стало гораздо веселей. Я уже жду, когда всё закончится — очень хочется поближе познакомиться с тобой.

— Михаил, вспомните, я вам этого не обещала.

— Помню. Но ты же понимаешь, если я всерьёз решу тебя найти — найду.

— *То есть, пока вы со мной играете?*

— *А ты как думала?*

— *Ну, примерно так же.*

— *То-то!*

— *Ладно, договорились. Согласно моим планам, всё равно придётся раскрыть инкогнито. Так что обещаю: мы с вами встретимся. А пока потерпите и не осложняйте мне жизнь своей слежкой.*

— *Так я и не осложняю, как видишь.*

— *Спасибо, я это оценила!*

***

— Господи, Сашенька, никак не могу поверить, что придётся уехать отсюда. Бросить наше семейное гнездо, отдать его на растерзание чужим людям! Ну почему жизнь так несправедлива? Владимир Степанович столько сил вложил в этот дом, а уж про деньги я вообще молчу... Дочка, только не говори Тёме, что я жаловалась. Не хочу его расстраивать. Но сердцу-то не прикажешь — болит и болит!

Галина Станиславовна смахнула с щеки скупую слезу и отвернулась. Все наши последние визиты в коттедж проходили в подобной атмосфере — мать Артёма никак не могла смириться со скорой потерей. Как я и предполагала, через пару недель после формальной передачи типографии под моё крыло иск о претензиях на землю отозвали, и банк согласился принять залог.

Артём тоже переживал, хоть и старался не показывать виду. Но я не могла не замечать, как мрачнело его лицо, когда разговор заходил о загородном доме. Казалось, не существовало ни одного шанса решить эту проблему в нашу пользу. Но однажды боль, промелькнувшая во взгляде Колесникова, заставила моё сердце сжаться, а мой ум придумать необычный и рискованный план, дающий призрачную надежду. Правда, для осуществления плана пришлось встретиться с человеком, видеть которого я совсем не хотела. Но ради Артёма сделала это.

— Галина Станиславовна, как раз о доме я и хотела поговорить. Есть одна идея.

Женщина тут же встрепенулась и уставилась на меня одновременно с недоверием и надеждой. Потом железной хваткой вцепилась в мой локоть и потребовала:

— *Говори скорее!*

— Сначала надо позвать Артёма. Он тоже должен согласиться на этот план.

Моя собеседница проворно вскочила с садовой скамейки и почти бегом бросилась за сыном. Через пару минут притащила его за руку и выдохнула:

— Сашенька знает, как сохранить наш дом! — Затем повернулась ко мне: — Солнышко, если ты сможешь это устроить, я буду тебе всю жизнь руки целовать!

— Мама, прекрати! — возмутился Артём. — Как она, по-твоему, такое сделает?

Галина Станиславовна выжидательно уставилась на меня. Я вздохнула и выдала свою идею.

— У меня есть один знакомый — бывший однокурсник. Он сын очень богатого и влиятельного человека. Настолько богатого, что легко сможет купить ваш коттедж, и настолько влиятельного, что не побоится сделать это под носом у Михаила Трунова.

— Кто его отец? — сразу уточнил Артём.

— Губернатор области.

Колесников усмехнулся и покачал головой.

— Надо же, я знал, что сын губернатора учился в нашем городе. Но не подозревал, что вместе с тобой.

— На самом деле Павел много где учился — и в Лондоне, и в Париже, и ещё чёрт знает где. А потом здесь осел. Точнее, отец его ближе к себе перетащил, чтобы был у него на глазах.

— Понятно. Только с чего он станет покупать коттедж? Да и чем это поможет, не понимаю?

— Я его попрошу.

— И он послушает? — саркастически поинтересовался Артём. Горящий взгляд Галины Станиславовны мгновенно потускнел. Она поджала губы и тяжело вздохнула.

— Скорее всего, послушает. Дело в том, что когда-то я помогла ему выпутаться из серьёзной передряги. Действительно, серьёзной! Если бы о той ситуации узнал его отец, боюсь, Пашка учился бы не в нашем городе, а где-нибудь в Сибири. Но в результате всё обошлось, и в благодарность Павел пообещал выполнить любую мою просьбу, какой бы странной или сложной она ни была. Мне пока не пришлось воспользоваться его обещанием, а сейчас решила попробовать.

— Что попробовать? Я так и не понял, — недоумённо переспросил Артём. А его мать снова оживилась и впиалась в меня взглядом.

— Он купит коттедж, деньги за него передаст банку в счёт долга. А сам дом отдаст вам в бесплатную аренду лет на пять с возможностью выкупить его за это время без всяких процентов.

— Забудь! — раздражённо махнул рукой Колесников. — Это глупости, на такое никто не пойдёт!

Я потупила глаза и смущённо продолжила:

— На самом деле, я уже встретила с Пашей. Он согласен.

— Когда ты успела? — мгновенно отреагировал Артём и тут же догадался: — Алла? Так я и подозревал — эти твои дурацкие девичники! И часто ты мне врала, что сидишь у подруги?

— Ну... пару раз всего. Прости, я была очень осторожна. Просто у меня есть и своя жизнь.

— Это какая, например? — грозно поинтересовался он. — Что у тебя за встречи, на которых мне нельзя присутствовать?

— Например, с Пашей, — нашла я. Артём молчал и хмурил брови, пристально изучая моё лицо. И вдруг произнёс:

— У меня такое ощущение, что ты не всё рассказала.

— О чём? — я попыталась изобразить невинность.

— О губернаторском сыне, конечно. Скажи-ка мне: дело действительно в ужасной истории, из-за которой он теперь перед тобой в долгу или в чём-то другом? У вас тогда что-то было? Правду говори!

— С Пашей? Практически ничего. Я быстро поняла, что он за человек.

— Ясно! Этого следовало ожидать. В общем так, никакую помощь от парня я принимать не собираюсь. И ты больше с ним встречаться не смей!

Я собиралась возмутиться, но в наш милый разговор неожиданно вмешалась Галина Станиславовна. Она прижала руки к груди и умоляюще воззрилась на сына.

— Тёмочка, пожалуйста, позволь Саше это сделать! Не ради меня, ради памяти твоего отца. Это же просто чудо! За пять лет ты точно выкупишь наш дом. Сыночек, хочешь, я на колени встану?

— Мама! Что за представление? За это время я заработаю деньги и построю новый дом.

— Конечно же, ты сможешь, я не сомневаюсь! Только у нового дома не будет истории. А я так мечтала показать своим внукам кабинет их деда. Дерево, на которое в детстве лазал их отец. Я же дождусь внуков, правда, Тёма?

Женщина отлично знала, на чём надо ловить сына. Артём мрачно слушал её и больше не возражал.

Моя идея сработала! Колесников встретился с сыном губернатора, и тот купил у него коттедж. Банк получил свои деньги и отстал от нас. Хотя фактически дом принадлежал другому человеку, Галина Станиславовна всё так же жила в нём, а мы, как и раньше, приезжали к ней в гости каждые выходные.

Правда, я уже подумывала изменить традицию. Мать Артёма настолько бурно выражала свою благодарность, что это стало меня тяготить. Своей навязчивой заботой она была способна довести до приступов злости самого уравновешенного человека. Устав отбиваться от бурных изъявлений признательности, я просто сбегала в отдалённые уголки сада и пряталась там.

Однажды, пока Артём занимался какими-то домашними делами, в поисках уединённого убежища я забрела в бывший кабинет Колесникова-старшего. Плотно прикрыла за собой дверь, опустила в огромное кожаное кресло и с любопытством огляделась по сторонам.

Меня заинтересовал небольшой старинный секретер, инкрустированный серебром. Подойдя ближе, я рассматривала затейливый орнамент, легко касаясь пальцами деревянной поверхности. И вдруг мой ноготь зацепился за выступающую завитушку. Раздался глухой щелчок, и неожиданно казавшаяся монолитной дверца секретера разделась надвое. Одна её половина отъехала в сторону, обнажив небольшую щель.

Сначала я испугалась, что сломала дорогую вещь, но быстро поняла, что случайно наткнулась на тайник. Подобные секреты часто устраивали в антикварной мебели. Из щели выглядывали листы пожелтевшей бумаги, и мне очень захотелось их достать.

Преодолев искушение, я осторожно вернула дверцу на место, и тут услышала шаги на лестнице. Через минуту в кабинет заглянула недовольная Галина Станиславовна. Но заметив меня, сразу же расцвела улыбкой.

— А, это ты, Сашенька! В гости к Владимиру Степановичу зашла?

— Простите! — смутилась я. — Наверное, надо было сначала у вас разрешения спросить.

— Что ты, что ты, солнышко, не извиняйся! В этом доме ты можешь делать всё, что захочешь! — прижав руку к сердцу, восторженно выдохнула женщина.

Через час мы все собрались в столовой на обед. Приёмы пищи теперь тоже требовали от меня железной выдержки. Галина Станиславовна успокаивалась и давала мне поесть, только после того, как собственноручно заваливала мою тарелку всеми закусками и другими кулинарными шедеврами, в изобилии представленными на столе.

Вот и в этот раз, выполнив свой долг, как она его себе представляла, женщина уселась на место, с умилением понаблюдала за моими попытками подцепить на вилку кусок курицы и одновременно не разрушить гору остальной еды, и повернулась к сыну.

— Тёмочка, даже не знаю, как сказать... В общем, мне звонил Петровский. Он снова хочет встретиться с тобой, чтобы обсудить интересное предложение. И даже клятвенно заверил меня, что больше никакие силы не заставят его отказаться от заключённого договора.

Артём усмехнулся и покачал головой.

— Вот как? Ладно, заеду к нему, послушаю, что скажет.

— Послушай, Тёмочка, послушай. Я очень надеюсь, что всё наладится.

— Мама, пожалуйста, не торопись. Нам дали чуть-чуть вздохнуть, но скорее всего это временная передышка.

— Я так не думаю. Что с тебя теперь можно взять? Ведь ни дом, ни типография сейчас тебе официально не принадлежат. А всё Сашенька, наша спасительница! Что бы мы без неё делали?

— Артём наверняка бы что-нибудь придумал, — поморщилась я от её подобострастного тона и поймала понимающий взгляд Колесникова.

На самом деле Галина Станиславовна была права. Нас действительно оставили в покое. Уже несколько недель стояла тишина — ни новых происшествий на производстве, ни нападок в прессе. А всевозможные пожарные инспекции и санэпидемстанции, похоже, вообще забыли, что мы существуем. И даже некоторые старые клиенты начали потихоньку возвращаться.

И пусть я не спешила радоваться, в сердце поневоле расцветала надежда. Артём явно испытывал похожие чувства. Напряжение последних месяцев понемногу отпускало его. Он всё больше говорил о будущем и строил разные планы о восстановлении и дальнейшем развитии бизнеса.

***

Прошла ещё одна такая же спокойная неделя. Обстановка в офисе быстро возвращалась в прежнее русло, словно и не было нескольких месяцев балансирования на краю пропасти. Люди повеселели. То там, то здесь слышался смех, а мрачные, усталые взгляды сменили улыбки. О том, что типография временно поменяла владельца, кроме нескольких человек, никто не знал. Поэтому для сотрудников Колесников всё так же оставался

начальником, а я — его личным помощником.

В пятницу Артём увёз меня с работы пораньше. Нам нужно было заехать пообщаться с потенциальным клиентом, а уже оттуда мы собирались домой. Ведя машину, Колесников загадочно поглядывал на меня и сжимал губы, словно пытался сдержать улыбку. Я отвечала недоумёнными взглядами, но молчала. Вскоре мы припарковались у дорогого ресторана. Хотя я ожидала, что переговоры будут в офисе, но удивляться не стала. Какая разница, где проводить деловые встречи. Тем более, пообедать я не успела и уже ощущала голод.

В ресторане нас провели в отдельный небольшой зал. Он был ещё пуст, а значит, у меня оставалось время собраться с мыслями и подготовиться. Впрочем, обстановка вокруг была совсем не деловая, а скорее, романтическая. А когда я разглядела, что стол накрыт всего на две персоны, поняла причину недавнего веселья шефа в машине. Подняла на него глаза и покачала головой — мой спутник улыбался во весь рот.

— Артём, что ещё за игры? Что ты задумал?

— Садись, садись. Сейчас всё узнаешь.

Пожав плечами, я опустила на стул. Колесников, не торопясь, наполнил вином бокалы, поднял свой и предложил:

— Давай-ка выпьем. Есть отличный повод. Сегодня утром я узнал — Трунов покупает типографию «Акрон».

— Что?! — воскликнула я, не сдержавшись.

— Да-да, то самое. Как ты понимаешь, это означает...

— Не может быть, — я недоверчиво качала головой.

— Это означает, — продолжил он, — что мы победили! Мы больше не представляем для него интереса.

— Это точно? Прости, никак не могу поверить, что всё уже позади.

— Я тоже. Но информацию подтвердило сразу несколько человек.

— Господи, как я рада! Даже не знаю, что сказать...

— Зато я знаю. Знаю, что победили мы благодаря тебе.

— Артём, не преувеличивай! Без тебя вообще ничего бы не было.

— Ладно, не буду возражать. Я, конечно, боролся. Но не уверен, что справился бы без твоей помощи. И сейчас хочу повторить то, что уже говорил, только теперь по всем правилам.

Колесников поднялся, вытащил из кармана маленькую коробочку, открыл её и протянул мне.

— Предлагаю тебе выйти за меня замуж. Ты согласна?

— Согласна, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. Артём достал кольцо и надел мне на палец. А потом схватил меня за руку и притянул к себе.

Остаток этого дня был похож на сказку. Роскошный ужин, живая музыка, моя квартира, вся уставленная букетами и корзинами цветов, бессонная ночь в объятиях друг друга. И только под утро, проснувшись ещё в темноте, я поняла, что за мысль не давала мне полностью раствориться в удовольствии — он так ни разу и не сказал, что любит меня.

Всю подготовку к свадьбе взяла на себя Галина Станиславовна. Как только Артём сообщил матери радостную новость, женщина шумно выдохнула, вскочила и сжала меня в объятьях. Я чуть не задохнулась от железной хватки. Но она быстро освободила меня, достала толстую тетрадь и сразу же начала составлять список гостей, указаний и необходимых действий для предстоящего торжества. Причём, ни моим мнением, ни даже мнением сына Галина Станиславовна не поинтересовалась.

Когда мы вернулись к себе в комнату, Артём усадил меня рядом с собой, чмокнул в висок и с усмешкой произнёс:

— Мама, как обычно, в своём репертуаре. Если дать ей волю, она всё решит за нас: от закусок на столе до постельного белья. Но ты не переживай, это наша свадьба и пройдёт она так, как хочется нам, вернее, тебе. У меня нет никаких особых предпочтений, а у тебя наверняка есть — всякие девчачьи мечты, платья, куклы, букеты. Так что подумай и расскажи мне, я всё устрою и мать приструню. По крайней мере, постараюсь направить её активность в нужное русло. Ради тебя я готов броситься на эту амбразуру, — последние слова Артём шептал мне на ухо, опалая горячим дыханием. Я подставляла ему шею для поцелуев и уже плохо воспринимала то, что он говорил. Колесников видел, что со мной происходит, сжалился и перестал меня дразнить. Пересел в кресло и с улыбкой повторил свой вопрос:

— Так что? Есть у тебя особые пожелания, говори, не стесняйся. Я всё сделаю.

Я немного отдышалась и задумалась. В голове теснился целый калейдоскоп отрывочных идей, почерпнутых из фильмов и романов. Но чтобы сложить это в цельную картинку, надо было явно потрудиться. А я за последнее время очень устала и совершенно не хотела заниматься всякими бесчисленными мелочами.

— Знаешь, может это и к лучшему. Ну, что твоя мама сама готова заниматься свадьбой. Думаю, в этом деле она, и правда, разбирается больше меня.

— Уверена? — переспросил Артём. — Не станешь жаловаться, когда окажешься среди сотен незнакомых людей в каком-нибудь снятом на время дворце?

— Если ты будешь рядом, то переживу и дворец.

— Это я тебе обещаю. Тогда ладно. Тем более, у нас с тобой полно дел в типографии.

— Вот именно, как раз хотела обсудить один вопрос, — кивнула я и полезла за ноутбуком.

В результате мы оба предоставили Галине Станиславовне полную свободу, и она развернулась так, что масштабы грядущего мероприятия уже начали нас пугать. Артём всё же попытался немного урезонить мать, а в ответ предсказуемо услышал, что в подобных вещах мы ничего не понимаем и ещё скажем ей спасибо. Пока же нам было предложено не мешаться под ногами и заниматься своими делами.

И всё же в одном этапе подготовки мне пришлось принимать активное участие. Для пошива свадебного платья меня отвезли к очень крутому дизайнеру. Тот сначала целую неделю продумывал концепцию, а потом осчастливил нас эскизом, на котором я, как ни старалась, ничего не смогла понять. Зато моя будущая свекровь зашла в восторге и мгновенно согласилась. Несколько раз в неделю я послушно приезжала на примерки и когда увидела, что из всего этого получается, внутренне взбунтовалась.

Нет, я не стала спорить и критиковать, ясно понимая полную бессмысленность таких действий. Просто нашла подальше от дома, в столице, небольшое ателье и заказала там платье по своему желанию. Портниха несколько раз уточнила, правильно ли она поняла идею, и всё время, пока снимала мерки, заинтригованно косилась на меня. Но пообещала выполнить заказ точно и в срок.

***

Наконец приготовления были закончены, и до свадьбы остался один день. Утро мы с Артёмом провели в типографии, а потом приехали ко мне. Вечером Колесников должен был отправиться в свою квартиру — у нас была договорённость, что эту ночь я проведу одна. Помня, что времени мало, Артём не стал тянуть и быстро утащил меня в спальню. Опустил на кровать, мельком взглянул на лежащую в кресле пену кружев и с любопытством поинтересовался:

— Ты не суеверная, да? Не боишься, что я увижу твоё платье?

— Не боюсь, — пробормотала я, пока он стаскивал с меня одежду. — С тобой я ничего не боюсь!

— Очень рад, что мне досталась такая храбрая девочка, — шутливо прошептал Колесников, прижимая меня к себе.

Через три часа я проснулась. Несколько минут смотрела на спящего Артёма, потом прикоснулась губами к его щеке и тихо позвала:

— Эй, вставай! Тебе пора домой.

Он пошевелился и сладко потянулся.

— А почему я вообще должен уезжать? Сама же сказала, что не веришь во всякие суеверия.

— Дело не в суевериях. Просто мне надо много чего успеть сегодня сделать. А ты будешь меня отвлекать.

— Это точно, буду, — хитро прищурился Артём и сел в кровати. — Ладно, поеду. У меня тоже есть ещё дела.

Но вместо того, чтобы встать, он притянул меня к себе и стал ласкать поцелуями шею и плечи. Чувствуя, что шансы остаться одной уменьшаются с каждой секундой, я вырвалась из объятий, вскочила и набросила халат. Колесников вздохнул, скорчил недовольную гримасу, затем перевёл взгляд за мою спину и неожиданно поинтересовался:

— Давно хотел спросить, у тебя такая милая девичья спальня. Зачем ты держишь на стене эту гадость?

Я обернулась и посмотрела на висящий напротив кровати постер из фильма «Судный день». На нём был изображён Шварценеггер с изуродованным лицом. Улыбнувшись картинке, я мысленно поздоровалась: «Здравствуй, чудовище!»

С плакатом я, конечно, рисковала. Артём или кто-нибудь другой мог связать его с мезьтью и обо всём догадаться. И всё же я оставила его — единственное видимое напоминание о моей миссии. Просыпаясь каждое утро, первым делом я находила глазами эту фразу и радовалась, что мой судный день приближается. И вот он настал. Я повернулась к жениху и ответила:

— Потерпи немного. Обещаю, завтра ты узнаешь все мои секреты!

В ночь перед свадьбой я лежала в темноте и вспоминала прошлое. То самое, что много лет ни на минуту не отпускало меня — свою погибшую семью. Тяжелее всего почему-то было примириться со смертью младшей сестры, и тогда я придумала для себя сказку. Как Алка отказалась ехать в аэропорт и осталась жива. Как потом её забрали в больницу, а меня — в детский дом, и таким образом нас разлучили. Я представляла себе, что сестра живёт где-то в другом городе, может быть даже недалеко от меня, и когда-нибудь мы обязательно встретимся.

После аварии день за днем я слонялась по опустевшей квартире и слушала причитания соседок о том, как мы с бабушкой теперь будем жить вдвоём. И чтобы отвлечься от холодного, липкого ужаса, постоянно прокручивала в голове придуманную сказку, с каждым разом добавляя в неё всё больше и больше подробностей. Я так увлеклась, что практически слышала, как сестра сильно кашляет в соседней комнате. А когда выбиралась в магазин, действительно покупала любимые продукты Алки, только везти их никуда не собиралась.

Нет, я не была сумасшедшей и прекрасно знала, что Сашка не могла променять встречу с обожаемым отцом на сон и поехала с нами. Знала, что сестра сидела рядом со мной на заднем сиденье машины и погибла мгновенно, как и наши родители. Много раз я видела во сне её накрытое простыней, изломанное, словно у брошенной куклы, тело. Просто так мне было легче.

Уже приближался рассвет, а я до сих пор не смогла уснуть. «Грехи отцов падут на их детей», — словно мантру повторяла я, но сегодня это плохо помогало. Моя единственная цель в жизни, моя миссия, всё, к чему я готовила себя столько лет, было так близко к осуществлению. Я почти достигла того, о чём мечтала, и вот теперь, на пороге, вдруг заколебалась. Вспоминая расслабленное после сна лицо Артёма, его мягкую улыбку, ласкающий взгляд, я начала сомневаться в своей правоте.

«Ты врешь! Врешь самой себе», — вмешался жёсткий внутренний голос. «Дело вовсе не в правоте. Не в этом причина твоей тоски. Просто ты влюбилась в него — вот почему тебе плохо! Предала их всех и влюбилась, а теперь ищешь повод отступить».

— Нет! — закричала я и села в кровати. — Это не может быть правдой. Все мои чувства к Артёму — лишь игра!

Но внутренний голос не отступал. «Обманывай себя сколько хочешь, но с правдой тебе не справиться», — грустно усмехался он. И тогда я стала вспоминать последние месяцы день за днём. Вспоминала и с ужасом осознавала, что в моих чувствах к Артёму давно уже не осталось ни капли притворства. Я слишком хорошо вжилась в свою роль и не смогла вовремя разглядеть, что меня по-настоящему к нему тянет. И не успела включить защиту. А теперь поздно — я действительно безнадежно влюбилась в него!

И тут я испугалась. Испугалась не того, что это правда, а того, что не решусь довести свою месть до конца. Это была самая тяжёлая ночь в моей жизни. Даже тяжелей первой ночи после автокатастрофы. Тогда моё сердце всего лишь заледенело, а сейчас оно боролось само с собой и сжигало в этой борьбе меня!

С одной стороны с немым укором смотрели на меня родители и сестра, по крайней мере, я себя в этом убеждала. С другой стороны одиноко стояла моя любовь. Она пыталась сражаться и проиграла — шансы были слишком неравными. Когда взошло солнце, я уже знала, что выполню задуманное. Обручальное кольцо валялось на полу, и я не стала его поднимать.

Я принесла эту жертву и отбросила надежду на счастье. Своими руками перечеркнула прекрасное будущее, ожидающее меня, чтобы воскресить мрачное прошлое. Я встретила восход, сидя на кровати посреди измятых простыней и глядя на чудовище. В его лице я ясно видела свои черты.

Умываясь и причёсываясь, я так и не смогла взглянуть себе в глаза. Не обращая внимания на белоснежный свадебный наряд, достала из шкафа второе платье, то, что сама забрала несколько дней назад из ателье. Длинное платье из чёрного шёлка и чёрных кружев. А на балконе уже стоял приготовленный заранее букет — алые, словно кровь, розы. В этом и состояла моя финальная задумка — невеста в чёрном платье рассыпает под ноги жениху алые розы и уходит.

Через час я села в такси и захлопнула за собой дверь. Я опаздывала, Артём с матерью и все гости уже ждали меня. На мне были джинсы и футболка. Чёрное платье и кровавые цветы остались дома — это единственная уступка, которую я себе позволила. Вместо букета в руках у меня был большой конверт с вырезками из старых газет и материалами моего собственного расследования.

***

В огромном и помпезном дворце бракосочетания люди в вечерних нарядах с удивлением оглядывались на меня, пока я пробиралась в нужный зал. Мой повседневный вид и полное отсутствие косметики смотрелись в этом месте слишком вызывающе. Но я не обращала внимания на насмешливые взгляды, все мои мысли были поглощены только одним — предстоящей финальной сценой мести. Наконец я нашла то, что искала.

Пока я шла к Артёму, стоящему рядом с матерью в глубине богато украшенного помещения, слышала за спиной тихие возгласы и всё усиливающийся шёпот. Гости узнали невесту и выражали недоумение. Артём обернулся на шум, заметил меня и быстро шагнул навстречу.

— Саша, что случилось? Почему ты в таком виде?

Глядя прямо ему в глаза я протянула конверт.

— Вот, принесла тебе свадебный подарок. И не называй меня больше Сашей, это не моё имя.

— Не твоё... — растерянно повторил Артём и посмотрел на бумаги. — Что это?

— Это всё, что осталось от аварии. Аварии, в которой твой отец убил мою семью.

Изумление в глазах Колесникова постепенно сменялось осознанием. Мрачный взгляд не отрывался от моего лица.

— Значит, ты...

— Да, я тот самый ребёнок, которого отправили в детский дом. И я, как видишь, там не умерла.

В это время Галина Станиславовна, молча стоявшая рядом, вырвала из моих рук конверт и заглянула в него. Потом медленно подняла голову. Её лицо даже не побледнело, а посерело. Трясущиеся губы беззвучно двигались, а полные ужаса глаза с мольбой уставились на меня. Я отвернулась к Артёму. Внешне он казался спокойным, только белое лицо и горящий взгляд выдавали эмоции, бушующие у него внутри.

— Как тебя зовут?

— Когда-то очень давно меня звали Маша. Но ты знаешь меня под именем Эриния, — вот тут он дёрнулся, как от пощечины. Но очень быстро взял себя в руки и кивнул.

— Ну да, конечно, Эриния. Я был слеп, правда? Что с моей типографией?

— Неделю назад я подарила её Трунову.

Он выдержал новый удар, только голос стал ещё глуше.

— А дом? Кому я в действительности его продал?

— Губернаторскому сыну, вы же вместе оформляли сделку у нотариуса. Только на следующий день Паша переоформил всё на Трунова. Деньги-то его. У Пашки таких сумм никогда не было. Он же игрок, разве ты не знал? И уже столько должен Трунову, что за списание хоть части долга готов сделать что угодно. У вас с матерью есть два дня, чтобы забрать личные вещи и освободить коттедж. Скоро его снесут.

Артём молчал, а я вдруг поняла, что больше не могу выдерживать его взгляд. Ведь именно этого я и хотела — увидеть в его глазах понимание, отрезвление и боль. Так почему же моё сердце точно так же сейчас корчится в груди?

— Ладно, мне пора. И последний мой подарок тебе — посмотри вечером прессу.

Я развернулась и, стараясь не ускорять шаг, покинула зал.

Когда я вышла на улицу из Дворца бракосочетаний, меня так сильно трясло от выброса адреналина, что я слышала стук собственных зубов. Мечтая как можно скорее оказаться дома, я нервно огляделась по сторонам в поисках такси. Но всё пространство вокруг было заставлено лишь разукрашенными лентами и шарами лимузинами. Я двинулась вперёд и вдруг услышала автомобильный сигнал. Дверца припаркованной справа машины открылась, и из неё вышел Михаил Трунов.

— Привет! На свадьбу меня забыли пригласить, но кажется, есть шанс украсть невесту, — насмешливо начал он. Потом пригляделся ко мне и кивнул: — Давай, садись, похоже, тебе сейчас не до шуток.

Я молча забралась следом за ним на заднее сиденье огромного джипа. Мы быстро тронулись с места, и когда проклятый дворец остался позади, меня немного отпустило. Михаил нажал на кнопку, подлокотник сиденья откинулся, открыв довольно внушительный бар.

— Так, тебе нужно срочно выпить. И лучше чего-нибудь крепкого, — пробормотал он, выбирая бутылку. Наполнил бокал и протянул мне. — Давай-давай, пей! Станет легче.

Я одним махом проглотила жгучую жидкость, откинулась на подголовник и закрыла глаза. Пока ждала действия алкоголя, вспоминала события недельной давности. Тогда как раз пришло время встретиться с Труновым лицом к лицу и раскрыть оставшиеся детали моего плана. Но сначала я, как обычно, ему позвонила.

— Здравствуйте, Михаил!

— Привет. Ну как там наши дела? Ты обработала девчонку? — в голосе моего собеседника полностью отсутствовал энтузиазм. Видимо, его терпение закончилось. Я, и правда, заставила его долго ждать.

— Обработала, — я решила больше не тянуть.

— А ты мне не врешь? — хмуро поинтересовался Трунов. — Мои источники докладывают, что наша парочка всё время вместе и даже собирается пожениться.

— Вот и отлично! Значит, Колесников попался на удочку и поверил, что от него отстали. Вы прекрасно сыграли свою роль — мышка забралась в мышеловку по самый хвост.

— Это всё слова. А где действия? Типография мне пока не принадлежит.

— Зато коттедж уже ваш.

— Много от него радости! Это всё твои идеи, мне он вообще не нужен. Тем более, ты не даёшь выгнать из него семейку. А то, что я хотел, так и не получил. Какого чёрта мы тянем? Знаешь, думаю, мои привычные средства надёжней. И действуют значительно быстрее.

— Ваши привычные средства — скукота! Ладно, давайте к делу — последнее, о чём я вас просила, готово?

— Почти. Материалы сейчас структурируют, и через несколько дней их можно будет отправить во все крупные СМИ.

— Отлично! Я не сомневалась в ваших способностях.

— Да? А я вот начал сомневаться в твоих, — с усмешкой протянул Трунов.

— Зря. Я тоже сделала всё, что обещала. Назначайте встречу.

— С кем? И зачем? — наконец-то в его тоне появился интерес.

— Со мной, вы же давно мечтали познакомиться. И нотариуса захватите.

— Ты её приведёшь? Она подпишет бумаги? — он всё-таки не верил мне до конца, сейчас я это чётко поняла. Впрочем, я и раньше догадывалась, что играла с огнём. И пока мне в этой игре везло.

— Михаил, стоит лучше доверять партнёрам, — теперь я могла позволить себе немного пошутить.

— Это кто тебе сказал? Да я жив до сих пор, потому что никогда никому не доверял. Так ты не ответила. Я правильно понял, завтра типография станет моей?

— Ну да. Если вы назначите встречу на завтра.

— Ты понимаешь, что никаких отговорок я больше не приму?

— Понимаю, они и не понадобятся.

— Тогда завтра в двенадцать у меня в офисе? Или, может быть, сегодня? Время ещё не позднее, — похоже, к моему партнёру вернулся азарт.

— Давайте лучше завтра. И где-нибудь на нейтральной территории. Так, чтобы нас никто не видел вместе. Мне ещё неделю придётся соблюдать инкогнито для остальных.

— Хорошо, есть одно место для подобных встреч. Запоминай.

***

На следующий день на такси я подъехала к нужному дому. Скромный офис в тихом переулке не слишком бросался в глаза — вряд ли кто-нибудь знал, кому он на самом деле принадлежит. Я три раза позвонила в звонок, почти сразу дверь открылась. Меня пропустили внутрь и быстро проводили в небольшой кабинет. Михаил Трунов

поднялся с дивана, настороженно оглядел меня с головы до ног, а потом посмотрел за мою спину. Но двери за мной уже закрылись, и он нахмурился.

— Здравствуйте, Александра... — начал почти любезно и замолчал. Мужчина явно не представлял, как себя со мной вести, что надо говорить. Я же так и не объяснила, каким образом склонила помощницу Колесникова к измене. Но мне не удалось насладиться его растерянностью. Как только я ответила на приветствие: «Здравствуйте, Михаил», он дёрнулся и округлил глаза.

— Подожди... Голос! Чёрт, Эриния? Ну я и дурак! — да, соображал он мгновенно.

Через полчаса все формальности были закончены. Нотариус ушёл, а в кабинет вкатили столик, заставленный едой. Михаил открыл бутылку шампанского, наполнил мой бокал, себе плеснул коньяка и обвёл рукой стол.

— Как видишь, я рассчитывал угощать двоих женщин. Придётся тебе самой всё съесть, — мой партнёр выглядел очень довольным и расслабленным, откинулся на спинку кресла и покачал головой. — Вот это удар ждёт печатника! Я ему даже сочувствую. Какую змею пригрел на груди! Прости... — он кашлянул и замолчал. Поморщился и продолжил: — Я неудачно выразился. Забудь. Расскажи-ка мне, что ты планируешь делать дальше? Свадьба состоится?

— Конечно, нет. Это уже лишнее. Всё, что хотела, я получила, остался лишь финальный аккорд. Через неделю, в день бракосочетания, вы выйдете из тени и предъявите свои права на всё, что вам теперь принадлежит. Тогда же пусть СМИ опубликуют ваши материалы.

— Я понял. А как мы будем рассчитываться с тобой? Ты так и не сказала, что хочешь за свою работу. Я готов перевести любую разумную сумму, только назови.

— Спасибо. Денег не надо. А насчёт вознаграждения я подумаю.

Трунов несколько секунд пристально изучал моё лицо и неожиданно спросил:

— Слушай, это всё действительно был фарс? Ты его совсем не любишь?

Я прищурилась и холодно ответила:

— Вы часом не перепутали себя с исповедником?

Несколько секунд мы хмуро смотрели друг другу в глаза. Потом мой собеседник хмыкнул, потёр подбородок и вдруг улыбнулся.

— Да, характер у тебя явно присутствует. А такую влюблённую овечку из себя строила. Аж противно было наблюдать.

— Это всего лишь часть игры. Что тут непонятного?

— Да ладно, не обижайся. Просто мне любопытно. Я же знаю, как ты его ненавидишь. Кстати, может, теперь назовёшь причину?

Особого смысла молчать я не видела, пожала плечами и коротко рассказала обо всём.

Когда я закончила, Трунов наполнил наши бокалы, поднял свой и произнёс:

— Давай, не чокаясь, за упокой их душ, — выпил, поразмышлял немного и заметил: — Значит, я мыслил в нужную сторону. Всё дело в старшем Колесникове. Между прочим, по твоей истории вполне можно книгу писать. Даже не подозревал, что в жизни такое бывает. Обычно всё гораздо банальней — деньги, бабы, власть. Но чтобы так: девчонка-сирота в детстве поставила себе цель, выросла и развалила чужое наследство. Не хотел бы я оказаться на твоём пути.

Я не стала отвечать на эти сомнительные комплименты и поднялась.

— Ладно, мне пора. Ещё раз прошу вас до дня свадьбы не предпринимать никаких шагов и не искать со мной встреч. Не завалите мне, пожалуйста, финальную сцену.

— Я же обещал, не беспокойся. Очень хочется посмотреть на твой спектакль. Жаль только, нельзя. Вряд ли меня будут рады там видеть. Может, тебя подвезти до дома?

— Спасибо, в другой раз.

— В другой, так в другой. Ловлю на слове, — улыбнулся Михаил во весь рот и проводил меня к выходу.

***

И вот сейчас я сидела в его джипе. Он всё же не удержался и приехал к месту свадьбы. И очень вовремя для меня. Алкоголь понемногу начал действовать, и на душе стало легче. Я открыла глаза и огляделась — машина уже подъезжала к моему дому. Трунов молча сидел рядом и лишь задумчиво поглядывал на меня. И за это молчание я была ему благодарна, ну и за помощь тоже.

Джип остановился у подъезда, я вышла на улицу. Михаил выбрался вслед за мной и остановился рядом. Посмотрел маетно и вдруг сказал:

— Слушай, не расстраивайся ты так. Не такой уж он подарок, этот Колесников. Есть и получше. Кстати, помнишь, я предлагал тебе деловое сотрудничество. Повторяю предложение ещё раз. Заканчивай со своими делами, встретимся и обсудим всё подробно, — Трунов немного помедлил и неожиданно протянул мне руку, как мужчине. Я в недоумении подала свою. Он крепко сжал мою ладонь, бросил: «Ну, бывай» и полез обратно в

машину.

Я поднялась в квартиру, бессмысленно прошлась по ней, ощущая полную растерянность. Потом включила ноутбук и просмотрела новостные сайты. Везде на первых полосах уже висели статьи с броскими заголовками и именем Владимира Колесникова. Несколько месяцев по моей просьбе специально подобранная Труновым команда шерстила всевозможные источники и собрала внушительные материалы о коррупционных связях, аферах и других грязных делах моего врага с любым намёком на криминал. Все мало-мальски подходящие сведения, пусть не проверенные и не подтверждённые, собранные вместе, создавали страшную картину. Проплаченные журналисты, написавшие на основе этих разоблачений статьи, прямо называли отца Артёма преступником и убийцей, разрывая в клочья остатки его репутации. Это и был мой последний подарок жениху, завершающий аккорд мести.

Итак, я сделала это! От наследства Колесникова не осталось ничего: разрушенный до основания бизнес, любимый дом, который скоро сравняют с землёй, морально раздавленная жена, и оказавшийся на руинах своего будущего Артём. Всё, как и задумывала. Вот только вместо радости я ощущала полное опустошение и страшную тоску. Кто же знал, что я сама стану жертвой собственной мести? Палач и жертва в одном лице — теперь я хорошо понимала, что это значит.

Меня снова затрясло и скрутило от боли. Я не знала, чем себе помочь и искала спасение в воспоминаниях. В них всё было логично и понятно. Когда я сбежала из детского дома и попала в спецприёмник, чтобы не вернуться в старый приют, вместо своих реальных данных назвала выдуманную фамилию, а имя и год рождения сестры. После нескольких месяцев голода, бродяжничества и скитаний по вокзалам уменьшенный на два года возраст ни у кого не вызвал подозрений. На все расспросы о прежней жизни я отвечала невнятным мычанием и жалобами на потерю памяти. Впрочем, никто этим особо и не интересовался.

Подбирая себе приёмных родителей, я искала таких, у кого не было близких родственников. Для выполнения моих планов нужно было сохранить факт удочерения втайне. Конечно же, будущие мама и папа не догадывались о том, как я жила до детского дома — с ними я тоже придерживалась версии о потере памяти. Поначалу они пытались аккуратно расспрашивать меня. Тогда я выдавала страшные истории из своих беспризорных скитаний, перемешивая их с явным вымыслом.

Я знала, что приютский психолог объяснял это потенциальным родителям, как защитную реакцию моей психики от тяжёлых условий, в которых ей пришлось существовать. Мне он говорил то же самое. Чтобы немного смягчить неизвестность, изредка я рисовала смутную картинку хорошей, но бедной семьи. Это должно было свидетельствовать о том, что когда-то я жила относительно нормально, но из-за неясных трагических событий оказалась на улице.

К счастью моё прошлое не испугало приёмных родителей, и они решились на удочерение. Перед тем, как согласиться переехать в новую семью, я поставила одно условие — поменять место жительства. Мои будущие папа и мама приняли это условие, потому что и сами подумывали о подобном. В процессе общения я довольно быстро это выяснила и своей просьбой лишь подтолкнула их к окончательному решению.

Мы все вместе выбирали себе новый город. Чтобы попасть туда, где живёт Владимир Колесников, я провернула небольшую аферу. Уговорила родителей положиться на судьбу, развернуть карту области и позволить мне с закрытыми глазами ткнуть в любую точку. Конечно, я подсматривала, и в результате наша семья обосновалась там, где мне было нужно.

Дальше всё тоже развивалось в соответствии с моими планами. Я готовила себя к своей миссии, училась в школе. Потом поступила в институт и с отличием его закончила. Те несколько страшных месяцев, когда я узнала, что мой враг умер, сильно напугали родителей. Но обретение новой цели вернуло мне волю к жизни, и я вновь стала прежней. Очень быстро подтянула все хвосты и с блеском сдала выпускные экзамены.

После института я полгода проработала на небольшом предприятии, хорошо там себя зарекомендовала и, узнав, что Артём Колесников ищет личного помощника, подала заявку. Легко пройдя отбор, я попала в типографию. Но ещё задолго до этого очень тщательно и досконально продумала свой имидж и поведение, которые отвечали бы моим целям.

Чтобы облегчить себе привыкание к новому образу и не запутаться, я создала в себе отдельную личность с подходящими качествами. Прообразом этой личности послужила моя сестра. Я представляла, какой могла бы стать Саша, если бы выросла и повзрослела. Почти полной противоположностью мне — доброй, мягкой, уступчивой.

Похожие качества я уже много лет демонстрировала приёмным родителям, но в новой игре ставки были гораздо выше. Папа и мама легко прощали мне промахи, объясняя их тяжёлым прошлым. А в типографии никому даже в голову не должно было прийти и мысли, что я не такая, какой выгляжу со стороны.

Я старалась полностью сжиться с новой ролью, и даже когда оставалась одна, думала и вела внутренние монологи так, как это делала бы моя сестра. Лишь ночью или когда этого требовали обстоятельства, я выпускала

на волю себя настоящую.

В типографии я собиралась стать с одной стороны незаменимым сотрудником, а с другой — выглядеть человеком, не имеющим слишком больших амбиций и полностью подстраивающимся под своего шефа. Так, чтобы в результате он абсолютно мне доверял и через некоторое время не мог без меня обходиться. Параллельно, используя знание психологии, я выстраивала нужные отношения с сослуживцами. Подружилась с Ольгой и Аллой и спокойно использовала эту дружбу в своих интересах.

Я достигла поставленных целей и была готова в любой момент начать подрывную деятельность, осталось только дожидаться подходящего шанса. Этим шансом и стал Михаил Трунов. Но полностью сосредоточившись на попытках стать второй рукой Колесникова, я проглядела его возросший интерес ко мне. Когда девчонки открыли мне глаза, я была поражена и раздосадована, что не сразу заметила такую важную деталь.

Некоторое время я раздумывала, что делать с новыми обстоятельствами, а потом решила использовать их по полной. Влюблённость Артёма Колесникова давала мне гораздо больше возможностей, глупо было их упускать. Осталось лишь тщательно выстроить своё поведение. Этим я и занялась.

В целом все мои планы воплощались в жизнь на удивление легко. По большому счёту, было лишь три сложных момента. И первая сложность возникла, когда Маша Кротова подкинула мне книгу о мифах Древней Греции. Конечно же, я не полагалась только на помощь Аллы в поисках того, кто меня подставил. Судя по тому, как развивались события, мне быстро стало понятно: этот человек просто воспользовался ситуацией и сам не догадывается, что случайно попал в яблочко. А значит, чтобы вернуть доверие Колесникова, нужно вычислить злоумышленника и подсказать сыщикам правильный ответ.

После тщательного анализа я выбрала среди сослуживцев нескольких подозреваемых, причём Маша была самой перспективной из них. А дальше обратилась к Трунову и под предлогом того, что эти люди мешают выполнять мои задачи, попросила некоторое время за ними проследить. Именно парни Михаила Трунова засняли, как Мария возвращает деньги бывшему мужу. А потом кто-то из них подкинул фотографии Артёму. Таким образом я с триумфом вернулась на работу и ещё больше усилила своё влияние на Колесникова, зацементировав его чувством вины.

Второй непростой задачей оказалась операция в клубе «Просперо». Основная проблема заключалась в том, что мне требовалось как минимум дважды, придумав убедительную причину, остаться в одиночестве. Поскольку благодаря предыдущим посещениям клуба я отлично изучила его план, то легко ориентировалась в хитросплетениях тропинок и аллей. Что мне очень пригодилось.

Первый раз, под предлогом посещения дамской комнаты, я нашла поляну, на которой отдыхал Михаил Трунов, и быстро отыскала кратчайший путь от неё к тому месту, в котором расположились мы с Артёмом. А незапланированное появление леопардовой блондинки избавило меня от дальнейших импровизаций и дало отличный повод отлучиться второй, решающий раз. Именно тогда, когда Артём смиренно ждал меня на лавочке, я пробралась к тайнику, переделалась в униформу и сделала выстрел. Сразу же избавилась от улики, вымыла руки и вернулась к своему спутнику с взволнованным рассказом о покушении на его врага.

Третий спорный момент — когда я решила сама навести Артёма на мысль связать месть и трагические события из прошлого его отца. Я сделала это потому, что мне было необходимо поговорить с Колесниковым на тему аварии. Узнать, что он думает о тех событиях, что помнит и что, возможно, скрывает. Причём рисковать я не боялась — была абсолютно уверена, что дальше детского дома никаких концов всё равно никто не найдёт.

***

Неожиданный звонок в дверь прервал поток моих воспоминаний. Я вздрогнула, лихорадочно пытаюсь сообразить, кто это может быть. Мамы и папы уже несколько месяцев не было в городе. Чтобы не впутывать приёмных родителей в свои дела, я отправила их на лето за границу и не стала ничего сообщать о предстоящей свадьбе. А Артёму и его матери сказала, что моя семья приедет прямо к бракосочетанию.

Я с опаской подошла к двери и заглянула в глазок. На лестничной площадке стоял щуплый парень, у его ног красовалась огромная корзина роз. После того, как я расписалась в квитанции, курьер с видимым усилием затащил цветы в квартиру и удалился. К букету была пришпилена карточка — отправителем значился Михаил Трунов.

Оставив корзину в прихожей, я вернулась в комнату. Немного повалялась на диване и побрела на кухню. У меня совсем не было аппетита, но чтобы занять себя, я решила приготовить поесть. В это время в дверь снова позвонили. На этот раз на пороге стояла пожилая женщина. Оказалось, мне принесли заказное письмо. Пока я оставляла очередной автограф, почтальонша ворчливо жаловалась, что ходит ко мне уже третий день и никак не может застать.

Оставшись одна, я повертела в руках конверт, прочитала обратный адрес и невесело рассмеялась. Бывший шофёр Владимира Колесникова всё же прислал мне ответ. Никакого смысла в его признании я уже не видела, но письмо распечатала и быстро пробежала глазами. Исписанные неровным почерком листы выпали из моих рук. Прямо там, где стояла, я опустилась на пол и завывала от отчаяния. Через несколько минут стоны перешли в

истерический смех, а потом в рыдания. Полностью выдохнувшись, я дотащилась до кровати, упала на неё и накрылась с головой одеялом.

«Здравствуйте. Я понимаю, как непросто вам было решиться на это письмо, и благодарю за искренность и прямоту. Мне слишком много лет, и я наконец научился ценить эти качества. Действительно, ничего уже не мешает мне рассказать правду. Но для начала хочу попросить у вас прощения. Я понимаю, что вряд ли это прощение получу, но попросить должен.

Скажу сразу — я не сидел за рулём той машины и не убивал вашу семью. Хотя от этого Бог меня отвёл. А виноват я перед вами в том, что мои показания запутали следствие и не позволили наказать настоящего преступника. Конечно, дело закрыли не из-за моих слов. Я был лишь мелкой сошкой для тех, кто тогда принимал решения. Но ответственности за лжесвидетельство я с себя не снимаю. Поверьте, долгие годы я живу с этой нелёгкой ношей. Впрочем, вряд ли вам это интересно.

И всё же хочу объяснить, почему я так поступил. Я защищал человека, который много раз помогал мне и моей семье и до того трагического случая, и после. Не буду перечислять всё, что Владимир Степанович для нас сделал, но когда он обратился ко мне с просьбой, я просто не мог отказать. Я принял это решение сознательно и готов за него отвечать.

А теперь к главному. Я понимаю, что вы хотите узнать, но не смогу вам помочь. Мне не известно, кто управлял той машиной. Но зато могу точно сказать, кого за рулём не было — там не было ни меня, ни моего шефа.

В то время, когда с вашей семьёй произошла трагедия, я вёз Владимира Степановича совсем в другом автомобиле в город. Мы были примерно в тридцати минутах езды от места аварии. Стояли на заправочной станции, когда позвонила жена шефа и сообщила, что их сын сильно пострадал. Колесников приказал мне гнать что есть силы в больницу. Но минут через десять ему ещё раз позвонили.

Я не знаю, с кем он говорил. Шеф произнёс всего несколько слов, а затем изменил наш маршрут. По дороге он обратился ко мне с просьбой. Владимир Степанович сказал только одно, что его вторая машина попала в аварию со смертельным исходом. Что все будут обвинять его, и в то время, как он баллотируется в депутаты, это может нанести серьёзный урон карьере. А ещё клятвенно пообещал, что до моей посадки дело не дойдёт. Но даже если случится непредвиденное, он возьмёт на себя все заботы о моей семье.

Я согласился ему помочь. Не буду врать, не совсем бескорыстно. Но помогал я не убийце, а невиновному человеку. Возможно, это плохое оправдание, но в тот момент оно казалось мне достаточным. Когда мы подъехали к месту аварии, то сразу вышли из машины. Через несколько минут прибыла полиция, и мы подошли к ним. В разговоре шеф сообщил полицейским, что сам тоже был в пострадавшей машине. Я удивился, но естественно не стал возражать и в дальнейшем придерживался этой версии. Нас доставили в участок для составления протокола, и что потом происходило с обеими машинами Колесникова, я не знаю.

Это все сведения об аварии, которыми я обладаю. Я рассказал их вам, чтобы вы знали — ни я, ни мой шеф не виновны в том, что случилось с вашей семьёй».

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net